

СВОЯ КОЛЕЯ

Геннадий Вахромеев

2025-06-25

Contents

СВОЯ КОЛЕЯ	1
ПРЕДИСЛОВИЕ	1
МОЛОДО – ЗЕЛЕНО	13
ВЫСОЦКИЙ	26
АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ	31
ВЫБОР	44
В Л А Д И М И Р П У Ш К И Н	52
НА КОНЧИКЕ ВЕКТОРА	58
ПРЕДЕЛ	64
НАЧАЛО КОНЦА	69
ПЯТИЛЕТКА ПЫШНЫХ ПОХОРОН	73
ВТОРАЯ ВОЛНА	79
СРЕТЕНЬЯ	92

СВОЯ КОЛЕЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Учитель объяснил, что такое проекционные плоскости и изобразил их на доске. В качестве проецируемого предмета выбрал четырехугольную пирамиду. На фронтальной проекции она имела вид треугольника, на горизонтальной – квадрата. Меня заинтересовало, что предмет в одно и то же время может выглядеть по-разному в зависимости от того откуда на него смотреть.

«А если с ребра? Тоже треугольник, но иной. Его основание шире, так как диагональ больше стороны. А если сверху и под углом? Проекция превратится... – я вообразил фигуру, – в неправильный четырехугольник. Ничего себе!»

Я представил египетскую пирамиду в воздухе и двух наблюдателей. Один смотрел на неё снизу, другой издалека. «Если поинтересоваться, что видят, они ответят различно и каждый будет настаивать на своём. Но пирамида не квадрат и не треугольник...»

- Вахромеев!

Недоумевая, почему меня назвали, поднялся.

- Повтори, что я сказал, - учитель нетерпеливо стучал указкой по ладони.

Володька Мартынов¹ быстро написал на промокашке несколько слов и сдвинул в мою сторону.

- На меня смотреть! Не можешь?! Ворон считаешь?! Ещё раз подниму, не ответишь, поставлю два.

Облегчённо выдохнув, опустился на место и некоторое время глядел на доску. Но мысли, бежавшие демарша учителя, осмелели. «Рассмотрим событие, - продолжил, абстрагируясь от пирамиды и соотнося полученные знания с нематериальными проявлениями жизни. - Все видят его по-разному. Если в оценке геометрической фигуры участвует только зрение, то здесь добавляются иные чувства...»

Подобные мысли наверняка возникали у многих школьников до меня и будут приходить после; каждый открывает мир заново. В тот день банальность, выраженная словами «точка зрения» просияла для меня абсолютной истиной. «Всё зависит от того, откуда смотреть». Почему ты оказался в этой точке, а не в какой другой, меня тогда не волновало.

Но ярче этой истины сверкали открытия, сделанные самостоятельно: «правд» много и каждая в отдельности «не правда»; защищая свою «правду», возможно защищаешь «ложь»; к мнению других прислушивайся.

Эта книга завершает трилогию, начатую «Записками барыги» и «Коломенским комиссионером», подобных «открытий» в ней не мало. Кому-то они покажутся прописными, кого-то возмутят. Если созерцание пирамиды может вызвать разногласия, то что говорить о чуде, именуемом жизнь. И сомнительное утверждение отдельных художников «Я так вижу» - здесь как нельзя кстати.

Двойки на том уроке черчения мне удалось избежать. Когда учитель поднял ещё раз, без труда спроецировал гайку, предложенную им, и даже начертил в разрезе, хотя этого он не объяснял.

ВОЛОДЬКА МАРТЫНОВ

По окончании учебного 1963 – 64 года школу у Горбатого моста² на шоссе Энтузиастов в Москве, в которой я учился, закрыли. Учеников распределили – кого куда, меня с несколькими одноклассниками – в восьмилетку на Шепелюгинской улице.

Двор в то время – понятие культовое; подвижные игры на придомовой территории спланировали для детей с раннего возраста. Чужаков в компанию не принимали, а за кривой взгляд или обидное слово могли и поддать. Разборки «двор» на «двор» случались не редко.

Школа – значила меньше, но дух соперничества существовал и между ними, поэтому от первого дня осени ничего хорошего не ждал и не ошибся: шепелюгинские одноклассники нас не приняли, выказывали пренебрежение, надсмехались, провоцировали на стычки. Верховодил ими долговязый подросток Мартынов. Мы держались, в обиду себя не давали и были готовы отстаивать честь кулаками.

Через месяц, надо полагать, в педагогических целях в классе устроили соревнование – подобие телевизионной игры КВН, набирающей в стране популярность. Классная руководительница и старшая пионервожатая выбрали из новичков и местных тех, кто побойчее, перетасовали и поделили на две команды. Капитаном одной назначили Мартынова, другой – меня. Манёвр учителей удался, подготовка к состязанию многих сдружила: сочиняли приветствие, придумывали репризы для разминки, рисовали плакаты к домашнему заданию, дурачились и веселились. Игра проходила не так феерично, отсутствие опыта и боязнь совершить ошибку сковывали многих. К финальному конкурсу капитанов команды подошли с равным количеством очков. Участники освободили сцену, и я остался с Мартыновым один на один. После непродолжительной словесной дуэли мне вручили книжку – роман А.С. Пушкина «Дубровский», с надписью: «Капитану, победившему в КВН». Досаду Мартынов скрыл за насмешкой: «Знал бы, что будет такой приз, участвовать не стал».

После игры обстановка в классе нормализовалась, Мартынов уgomонился и затерялся среди учеников в однообразной серой форме. Как-то в начале зимы заметил его на нашей горке. Пологий откос от четырёхэтажки, где я жил, тянулся к барачку на Старообрядческой улице. Днём горка пустовала, зато вечером – не протолкнуться.

Мартынов скатился на корточках, я следом; он, стоя и балансируя руками, я повторил; он, лёжа на спине ногами

вперёд, я – назад, рискуя врезаться в зазевавшегося перед собой. Пробовали сидя и отталкиваясь руками так, чтобы предать телу вращение, но безуспешно.

Многих тогда увлекал космос. Усевшись в сугроб, Мартынов рассказал о «жёлтых карликах» и «чёрных дырах», о которых вычитал в журнале «Наука и жизнь». Я о том, как в мае 58-го наблюдал полёт искусственного спутника Земли над Москвой. Личный опыт у пацанов ценился выше книжных премудростей.

– Час, когда он будет виден, сообщили по радио. Первым его заметил отец. Точка появилась оттуда, – я показал рукой на крышу соседнего дома. – Она двигалась среди звёзд, пересекла небосвод и затерялась над Площадью Ильича. Высота полёта – тысяча километров.

– Тысяча? Ерунда! – перебил Мартынов. – Расстояние в космосе измеряют не километрами, а световыми годами. Световой год, если хочешь знать, это расстояние, которое луч света, преодолевает за год. Посчитай, сколько это будет, если за секунду он покрывает триста тысяч километров.

Время я чувствовал, причём в обе стороны: прошлое – по рассказам родителей, книгам и фильмам; будущее – ощущением беспредельности собственного бытия. А безграничность пространства постичь не мог.

– Не могу представить, что у космоса нет конца, – признался Мартынову, ожидая от него поддержки, – где-то он должен закончиться.

И тут он меня одолел.

– Ты представь, что конец есть. А, что за ним?

С того дня мы стали кивать друг другу при встречах, играя на перемене с товарищами, ловил на себе его взгляды, запнувшись у доски, слышал подсазки.

У Склярских – наших соседей по дому – имелась библиотека, которой глава семьи Наум Матвеевич, разрешал мне пользоваться. Двадцать восемь лет жизни Робинзона Крузо на необитаемом острове пролетели передо мной за четыре часа. Одиссея с капитаном Бладом продлилась чуть дольше. На Дикий Запад впервые отправился с семьёй Вудли Пойндекстора. Путешествие настолько увлекло, что вечером прервал его, когда мама погасила в комнате свет. Утро началось с того, что в одной руке держал ложку, другой придерживал книгу, прислонённую к чайнику.

- Время восемь, не опоздай на занятия, - предупредила мама, собираясь по делам.

- Угу, - буркнул, переворачивая страницу. «Какие занятия, когда мустангер Морис Джеральд и капитан Кассий Колхаун замерли с револьверами у противоположных дверей бара, в ожидании сигнала к смертельной схватке?» В школу явился к третьему уроку и в пустынном коридоре встретил Мартынова.

- Выгнали? - спросил, пристраиваясь рядом.

- Перед тобой пришёл. Писателя Майн Рида знаешь? «Оцеола вождь семинолов» дочитывал.

- А «Всадника без головы» читал?

Домой возвращались вместе, через неделю сидели за одной партой. После школы, по-быстрому перекусив, встречались во дворе, гуляли допоздна, пока кто-то из родителей не выходил и не загонял своего домой. Другому ничего не оставалось как плестись восвояси.

Район, где мы жили, был застроен старыми деревянными домами. Наиболее ветхие из них в середине 50-х снесли и на их месте возвели три кирпичных четырёхэтажных дома и трёхэтажный на два подъезда. В ближайшей к Старобрядческой четырёхэтажке жил я, Мартынов - в трёхэтажном.

За уцелевшими домами, выходящими фасадами на шоссе Энтузиастов, тянулась шеренга сараев; такая же вдоль Старобрядческой улицы и Шепелюгинского переулка. Сугробы перед ними идеально подходили для прыжков с крыш. Мы с Мартыновым облазили все. Поначалу прыгали с невысоких, осмелев, со всех подряд, затем с разбега - кто дальше, наконец с переворотом через голову. У нас нашлись подражатели, но исполнить кульбит отваживались не все. Никто не повторил прыжка с двухэтажного сарая. Забраться на такой, что на Эверест. Покорив вершину, разгуливали по крыше, поджидая зевак. Подойти к краю опасались, зная по опыту, что, глянув вниз, можно хватануть страха. Тогда позора не оберёшься и спускаться опаснее, чем карабкаться вверх. К решительным действиям подтолкнул мужик из дома напротив. Он высунул голову в форточку и на правильном русском объяснил, что с нами сделает, если мы сейчас же не уберёмся с крыши.

Не забывали горку, играли в «царь горы», скатываясь кричали «куча мала», устраивали потешные свалки. А по воскресеньям, натянув на два шерстяных носка старенькие гаги³, доставшиеся мне от старших братьев, звякая по ступенькам, спускался во

двор, где на похожих поджидал Мартынов. Вместе ковыляли к водоразборной колонке, подтёки воды вокруг неё образовывали подобие катка. Держась за колонку, кружили друг за другом, досадуя на жильцов старых домов, то и дело подходящих с вёдрами. Лишившись опоры, катились под уклон, устоять на бугристом льду было непросто. Зато на плотном укатанном снегу гаги вели себя достойно. Такой имелся на подъездной дороге. Заледенелая слякоть под ним позволяла скользить.

Детские хоккейные клюшки так и осталась для нас мечтой. Забрав палки с прибитыми к ним дощечками, мы наловчились гонять шайбу ветками деревьев. Тополиные на морозе поддавались легко, отломав с подходящим сучком, подгоняли под рост, очищали от боковых побегов. Биться на проезжую часть сходились мальчишки со всей округи. Дворничиха наши побоища не поощряла. Раскиданные ветки, искромсанный дорога и разрушенные откосы вызвали в ней справедливый гнев.

Мы постоянно с Мартыновым что-то обсуждали. Часами могли фантазировать, что бы мы сделали, если б умели летать, проходить сквозь стены или по щелчку становится невидимыми. А сколько эмоций вызвала идея удалить из города всех взрослых и остаться в нём вдвоём? Воображали, как научимся водить машины, будем гонять по улицам, заходить куда вздумается и брать, что захочется. Разгорячённых мечтами нас остужал мороз, он забирался под ватную подкладку пальто и в мокрые варежки, но до ушей и ног не добирался, шапки-ушанки и валенки защищали. Когда до нас доходило, что мы не в секции спортивных товаров универмага «Детский Мир» и не у стенда с ружьями в магазине «Охотник», отправлялись в «Двадцать восьмой». Находился он на углу Старообрядческой и Шепелюгинского переулка.

Собственных названий продуктовые магазины не имели, однотипные вывески над ними различались лишь номерами. Этот в реестре Калининского «Райпищеторга» когда-то числился 28-м, теперь он имел иной номер, но имя, данное народом, сохранил. Не считая булочной и зеленого, «Двадцать восьмой» был единственным магазином на квартал. Древесные опилки, которыми перед открытием посыпали пол его торгового зала, к обеду превращались в грязное месиво.

Озябшие, мы держали путь в кондитерский отдел и отвоёвывали место у витрины, разглядывали шоколад, читали названия конфет, хвастались, кто какие пробовал, что вкусно, что не очень. Но что бы мы ни рассматривали, о чём бы ни спорили, разговор непременно касался конфет необычной

формы. Если «Белочка», «Кара-Кум», «Мишка на севере» и «Мишка косолапый» стоили 3 – 5 рублей и слыли деликатесом, то какая же вкуснятина должна скрываться под фантиком, скрученным в узелок, если «Трюфели» стоили 8? Ценовой отрыв их был настолько велик, что о покупке не могло идти речи.

Весенняя распутица – безрадостная пора для детей, привыкших проводить свободное время на улице. Сугробы перед сараями осели, подъездная дорога размякла, кораблики по талой воде нас уже не прельщали, и Мартынов стал приглашать меня к себе. Его отец работал шофёром на автобазе, мать буфетчицей на фабрике лакокрасочных изделий, возвращались они поздно, и нас никто не стеснял.

Мне нравилось «ходить по квартирам», чужая обстановка и быт служили своеобразными окнами в мир. Комната Мартыновых много не дала: тахта, на которой он спал, родительская кровать, шифоньер и обеденный стол, практически такие же, как у нас, а вот телевизор другой.

– Комбайн! – небрежно бросил Мартынов, заметив мой интерес и срывая кружевную салфетку. – Три в одном! Телек, радиоприёмник и проигрыватель.

И действительно, под экраном имелась шкала и клавиши переключения диапазона радиоволн, по бокам от них – ручки. Одна регулировала громкость, с помощью другой шёл поиск нужной радиостанции. Под верхней крышкой скрывался проигрыватель.

У нас радиоприёмника не было, обходились радиоточкой. Да и телевизор приобрели недавно, после того как правительство разрешило их продажу в рассрочку и отменило правило обязательной регистрации и абонентскую плату за них. В универмаге на Площади Ильича отец предъявил справку с места работы, мама внесла часть суммы, и мы, повезли тяжеленный ящик на санках домой. Наружную антенну отец смастерил сам, сориентировал на Шуховскую башню и закрепил на балконе. Первая программа показывала чётко, вторая временами рябила.

Помимо телевизора в комнате Мартынова удивил баян. В ЖЭК⁴ ходил старичок, и за 5 рублей в месяц обучал игре всех желающих. Мама мне предлагала, обещала купить инструмент, но я заартачился, Мартынов оказывается ходил.

Закинув ремни за плечи, Володька исполнил Крыжачок – белорусский танец, за ним, закусив губу и не отрывая взгляда от правой руки, полонез Огинского. Начал уверенно, а ближе к концу стал ошибаться. Прикушенная губа побелела, лицо, когда

нажимал не те кнопки, кривилось. Неподдельное старание друга и невольные огрехи только усилили впечатление от музыки, услышанной впервые.

Воскресные киноутренники в клубе завода имени Войтовича я посещал с шести лет, с Мартыновым стали ходить на вечерние сеансы. Репертуар там менялся ежедневно, и мы старались не пропускать новинок. Надсмехались над сверстниками в комедии «Добро пожаловать, или Посторонним вход запрещён», перенимали манеры ветеранов в картине «Хоккеисты», на «Женитьбу Бальзамина» ходили дважды.

Обменивались книгами. Я ему «Квентин Дорвард» Вальтера Скотта, он мне «Звёзды Эгера» Гардони Геза; я – «Чингисхан» Василия Яна, он – «Повесть о Хадже Насреддине» Леонида Соловьёва.

Как-то, обсуждая прочитанную книгу, направлялись в школу. Из колодца теплоцентрали на Шепелюгинской улице поднималось облако пара, дворник на тротуаре колот лёд.

– Давай ускорим весну, – предложил Мартынов, заглядывая мне в лицо. Он был выше ростом и всякий раз, когда у него возникала идея, опережал меня на полкорпуса и на ходу искал мой взгляд.

– Это как?

Не отвечая, он отделил ногой от кучи сколотого льда кусок, и погнал в сторону колодца. Не мешкая, я пнул следующий. У школы обернулись – над пирамидой, сложенной на крышке колодца, пар едва курился. На большой перемене сбегали и соорудили ещё такую же.

Когда снег сошёл, мы скинули пальто и кепки, повёл Мартынова на свалку. Территорию от Горбатого моста вдоль железнодорожных путей занимал «Вторчермет» – настоящий клондайк для мальчишек; сюда свозили металлолом со всей Москвы. Проучившись рядом пять лет, знал там все ходы и выходы.

На открытых площадках предприятия работали мостовые краны. У кучи железа, подготовленного к погрузке, копошилась мелюзга, хохоча, они вытягивали из-под листов кровельного железа гинекологическое кресло, поодаль лежали отобранные ими клещи, напильники, тиски, ножовки по металлу. Везением для таких считалось отыскать деталь холодного или огнестрельного оружия. Рапира без гарды мне попадалась, ствол противотанкового ружья видел в чужих руках.

Пройдя мимо, повёл товарища на участок, где складировали нержавейку. Для самоката, который мы собрались изготовить,

требовалось три подшипника: один большой и два маленьких. Большой насаживался на деревянную ось и приколачивался к доске, выполняющей функцию рулевой колонки, два маленьких – к опорной. Между собой доски скреплялись полосками резины. Не успели приступить к поиску, как от кучи железа раздались крики: «Атас!», «Сзади!» Мы оглянулись. Вохровец⁵ в форменной фуражке, синих галифе и в душегрейке, надетой поверх гимнастёрки, подкрадывался к нам со спины. Как воробы мы прыснули в разные стороны. «Ну что, поймал? – закричали, сойдясь; адреналин в крови требовал выхода. – Кишка тонка!» Охранник сделал вид, что хочет погнаться за нами. Дёрнулись, но тут же остановились. «Москва – Воронеж! Фиг догонишь!». Тогда, не торопясь, он расстегнул нижнюю пуговицу душегрейки, отвёл полу в сторону и похлопал ладонью по кобуре. «Пуля догонит».

Лазили на свалку регулярно, охотились за алюминиевой проволокой, медными трубками, корпусами приборов отлитыми, как мы считали, из магниевых сплавов. Цветной металл отсортировывали и складывали там же, где нержавейку. К вылазке готовились. В угрозу не верили, но кто знает, что взбредёт в голову обиженному стрелку, попадись ему в руки.

Из алюминиевой проволоки, гнули рогатки. Оставшуюся нарезали плоскогубцами на кусочки, сгибали пополам. Более удобных пулек для тонкой резинки не придумать. Из медных трубок варганили самопалы, а магниевые корпуса пилили напильником и полученную пудру смешивали с аптечной марганцовкой. Но после неудачного эксперимента с запалами, когда изготовленная бомбочка взорвалась у Мартынова в руках, баловство со взрывчатым веществом прекратили. Вкраплённые в лицо частички металла и перманганата калия ему удалили в Институте красоты на улице Горького, куда его возила мать.

Наступил май – самый каторжный месяц в учебном году. Через открытую фрамугу в класс влетала весенняя свежесть, доносился гомон птиц, верхушки деревьев зеленели на глазах. Сбегать с уроков мы ещё не смели, а терпеть повторение пройденного уже не могли, и развлекали себя игрой в «морской бой», «виселицу», «имя, страна, город, река». После занятий, набегавшись во дворе с мячом, отправлялись в Лефортовский парк. Банный пруд там прогревался одним из первых. Плавали в тёмной воде, ныряли, поднимая с заиленного дна дырявые кастрюли, обручи от сгнивших бочек. Опрятные дети иностранных слушателей Академии бронетанковых войск (их дом стоял неподалеку) смотрели на нас как на чумных.

В начале лета разъехались по разным пионерским лагерям.

Впервые я попал в лагерь дошкольником. На Московском автозаводе им. И.А. Лихачёва отец считался кадровым рабочим, путёвки для сыновей получал практически бесплатно. Старшие братья: Валентин и Володя проводили в Мячково каждое лето, ходили в турпоходы, занимались в кружках, участвовали в спортивных соревнованиях. В 1959 году Валюша окончил десятый класс, Володя восьмой, оба готовились к экзаменам, и в Мячково отправили меня.

Отряды в лагере формировались по возрастам, меня определили к окончившим первый класс, младше не было. Неудивительно, что среди ребят, умеющих читать и писать, друзей малолетке не нашлось. Попытки вожатых вовлечь меня в коллектив встречали угрюмое сопротивление. Из подавленного состояния вывел Валюша. На лагерном стадионе намечались соревнования по авиамодельному спорту, и он прикатил из Москвы на велосипеде, чтобы продемонстрировать свою модель, изготовленную им предыдущим летом, но прежде разыскал меня. Гвалт в столовой стоял невообразимый. Краем глаз заметил юношу, спешащего вдоль столов, и насторожился, когда он не проследовал мимо, а остановился у меня за спиной. Хотел обернуться, но тут его рука легла мне на плечо, влажная прядь коснулись лба, губы ткнулись в щёку. Крик радости и звук опрокинутого стула привлёк внимание вожатого, вдвоём они расцепили мои руки, и уговорили закончить завтрак.

Приезд старшего брата вывел из угнетённого состояния, иначе стал относиться к отрядным мероприятиям: разучиванию песен под баян, ухаживанию за хомяками в живом уголке, прогулкам в спортивный городок, где тренировалась заводская футбольная команда «Торпедо». Появились эмоции при просмотре фильмов и театральных постановок. Для младших отрядов участники лагерного драмкружка поставили сказку «Три поросёнка», для ребят постарше комедию «Сомбреро». В перипетиях пьесы для старшеклассников не разобрался, герой в широкополой шляпе запомнился.

В Москву возвращались весело. С пригорков колонне автобусов махали деревенские ребяташки, лагерный горнист, заметив их, высовывался в окно и трубил пионерские сигналы, а мы, прильнув к стёклам, махали в ответ. Подъезжая к Дворцу культуры завода на Восточной улице грянули песню, разученную в последнюю неделю. Особенно упирали на припев: «Но врагу никогда не добиться, чтоб склонилась твоя голова, дорогая моя столица, золотая моя Москва!»

Следующим летом я в Мячково не попал. Отец на «ЗИЛе» работал в спеццехе, испытывал и обкатывал бронетранспортёры

для армии. В 1959-м новая разработка зиловских конструкторов уступила машине Горьковского автозавода. Производство военной техники в Москве решили свернуть, сосредоточить на берегах Волги. Отцу по его просьбе подыскали место поближе к дому. Под условным обозначением «почтовый ящик» в конце Авиамоторной улицы скрывался оборонный завод; его пионерский лагерь находился вблизи Загорска. По масштабу он уступал детской здравнице автогиганта, но и здесь работали кружки, проводились спартакиады, ставились спектакли. Как старшие братья в Мячково, я ежегодно стал ездить в Загорск.

Мальчишку в сомбреро не забывал. Наверно поэтому, когда ко мне подошла Мария Васильевна и пригласила на занятие драмкружка, не думая, согласился. Готовился спектакль по книге Николая Носова «Приключения Незнайки и его друзей», играть хвастливого коротышку доверили мне. Переписывание роли особой радости не доставило. Товарищи резались в пинг-понг⁶, крутились на карусели или из духовых трубок обстреливали девчонок бузиной, а тут сиди, читай; встретил имя своего героя, сперва выписываешь окончание фразы персонажа перед тобой, затем уже свои слова. Далее читка за столом. И только после того, как текст будет отлетать от зубов и верные интонации найдены, – репетиции на сцене. Параллельно готовили костюмы и реквизит, помогали ребята из столоярного кружка, девочки из кружка Умелые руки.

Душой и двигателем процесса была Мария Васильевна Годунова – художественный руководитель лагерной самодеятельности. Каждую смену в день заезда она обходила отряды, беседовала с детьми, отбирала подходящих. На следующей день после торжественной линейки и поднятия флага устраивала в клубе концерт, успевая за сутки подготовить десяток номеров. Её единственный помощник – аккордеонист – одинаково уверенно аккомпанировал и дуэту мальчиков с песней «Как хорошо в стране советской жить», и удалым плясуньям «Подмосковной кадрили».

В середине смены проходил «Конкурс песни». Вместе с вожатыми она подбирала репертуар и каждому отряду ставила театрализованный номер. «Куба – любовь моя» и сцену заполняли «барбудос»⁷ с деревянными автоматами наперевес. На бой с Батистой их провожали не менее мужественные «испанки» и «креолки». «Пусть всегда будет солнце» и на авансцену высыпала малышня, а ребята из старшего отряда поднимали на тросах задник с оранжевым диском.

Заканчивалась смена театрализованным действием. После торжественной линейке и спуска флага лагерь вымирал, не

только дети, но и обслуживающий персонал спешили в клуб. На подготовку спектакля уходило три недели, показывали единожды.

После «Незнайки» я участвовал во многих проектах Марии Васильевны, она привлекала меня и как конферансье, поручала главные и не очень роли. С концертами выезжали в Загорск, выступали перед рабочими фабрики игрушек и хлебозавода. А с наиболее удачным спектаклем нас пригласили в Москву.

Одновременно с подмосковными лагерями в столице действовали городские. Создавались они при школах. Те родители, кто не имел возможности отправить ребёнка на природу, записывали их в такие. С детьми занимались, возили на экскурсии, водили по музеям, вечером отпускали домой. Для них и организовали выездной спектакль. Показ проходил в Доме культуры завода «Прожектор».

Вернувшись в сентябре в школу, удивился своей популярностью. Ученики младших классов, посещавшие летом городской лагерь, тыкали в меня пальцем, называли сценическим именем. Их поведение озадачило Володьку Мартынова, не сразу, но он спросил:

- Ты после школы, куда собираешься?

- В театральный, - и поделился лагерными успехами.

Несколько секунд он молчал, а когда заговорил, его лицо приняло пренебрежительное выражение, как в тот день, когда вручали приз в КВН.

- Не знал, что занимаешься в драмкружке. А почему только летом? Хочешь стать артистом, совершенствоваться надо круглый год. Театральная студия при Дворце пионеров для того и создана. Однако, ты туда не пошёл. И потом, плохой инженер - беда невеликая, об этом будут знать два-три человека, плохого артиста узнает каждый. Если быть артистом, то знаменитым. Уверен, что станешь таким?

Мне нечего было ответить. Мария Васильевна никогда не разбирала игру своих подопечных. После «Незнайки» отделалась похвалами: «умничка», «молодец», «а ты боялась». Озадачила лишь меня: «Местами переигрывал». Негативный смысл замечания уловил сразу, а докопаться до сути самостоятельно не мог, попросить помощи постеснялся.

Другой раз кто-то из кружковцев поинтересовался у неё: какие экзамены надо сдавать, чтобы поступить в театральный институт? «Важны не экзамены, а творческий конкурс, -

ответила она. – Он проходит в три тура. На одном мне предложили изобразить девушку, гуляющую в лесу и вдруг увидевшую змею». После этих слов её глаза округлись, губы застыли в безмолвном крике, а вытянутая рука указывала под стул. Сидящая на нём девочка взвизгнула и поджала ноги, мальчик, стоящий рядом, отскочил в сторону. Даже когда все поняли, что она нас разыграла, напуганная девочка отказалась опустить ноги на пол.

Один на один с собой я пробовал повторить этюд. О собственном поведении в подобной ситуации не помышлял, а скопировать её мимику и жест не получалось, выходило карикатурно. Пустяковые прежде воспоминания, камнем легли на чашу весов Володьки Мартынова. Следующий положил неказистый паренёк. В кружок его привела Мария Васильевна. Он был из младшего отряда и потому мне не интересен. В очередной сказке я играл разбойника, он – шута. Общих сцен у нас не было. Произнеся на репетиции заключительный монолог, я убежал на стадион, где выступал за отряд во всех видах спорта. На премьерe естественно остался, досматривал из-за кулис. В своё время на сцене появился шут. Он лежал на животе и, подперев голову руками, болтал ногами. Только и всего. Но это был не тот паренёк, которого привела Мария Васильевна, а настоящий, взаправдашний шут. Ребята, исполняющие роли царя и министров на его фоне поблекли.

На другой день смена заканчивалась, детей увозили в Москву. У проходной «почтового ящика» нас ждали родители. Я видел, как Мария Васильевна подошла к автобусу, в котором ехал паренёк, встретила с его отцом и что-то долго ему говорила, положив руку на плечо подростка. С моим она так не разговаривала.

Сомнениями мучился недолго, подкатило испытание, к которому нас не готовила ни семья, ни школа.

МОЛОДО - ЗЕЛЕНО

В седьмом классе мы с Мартыновым как-то одновременно почувствовали: детство кончилось, и ошалели от сознания – мы взрослые! Авторитет родителей пошатнулся, школьные рамки сделались тесны, потребность заявить о себе толкала на безрассудные поступки.

Первым закурил Володька, я следом. Вкус табака знал, баловался с пацанами за сараями. Но если тогда брал дым в рот и выпускал на воздух, то теперь втянул в лёгкие. Возникшей зависимости не испугался. Потребность всякую

перемену спешить в туалет и закуривать выделила нас среди одноклассников, и нам это понравилось.

Мой отец, можно сказать, не курил, выпив с гостями, мог за компанию подымить самолично вырезанной из дерева трубкой, но не более; а отец Мартынова смолил не по-детски, предпочитая «Беломорканал» – самые расхожие в стране папиросы, вкус ядрёный, злой. Доморощенные стилиги именовали их «БеломорCamel», борцы за здоровый образ жизни – «Белый мор». Содержание смол и никотина в табачной смеси зашкаливало. Володька таскал у отца по несколько штук, то и пачку. Подражая дворовой шпане, пережимали бумажный мундштук в двух местах, держали зубами.

Папиросы «Казбек» – более качественные с кисловатым привкусом. Считалось шиком, прежде чем закурить, постучать папиросой по коробке, вытряхнуть крупинки табака. Мундштук при этом не пережимали, держали между указательным и средним пальцами, манерно подносили к губам. «Казбек» стоила на 8 копеек дороже «Беломорканала», изредка фасонили.

На низшей ступени папиросы «Север» и «Прибой» – гадость невероятная, даже испытывая никотиновый голод, курил их с отвращением. Некоторые граждане специально держали их для «стрелков». Увидишь дядечку с сигаретой (в конце концов им отдали предпочтение), подойдешь, попросишь: «Угостите сигареткой, пожалуйста». Он окинёт тебя взглядом, достанет пачку «Севера» или «Прибоя». «На, – скажет, – кури на здоровье». Отойдешь пристыженный, костеря его по-всякому, а из-под обиды голосок: «Он ведь прав. Куришь – имей свои».

Мама, узнав о напасти, объявила табаку войну. Она беседовала со мной, плакала, грозила ремнём, не пускала на улицу, но перво-наперво лишила карманных денег. Братья жили отдельно, выручить не могли. На сигареты собирал по копейке: подворовывал из её кошелька, утаивал сдачу после походов в «Двадцать восьмой». В отчаянные дни собирал окурки, потрошил одеревеневший табак, крутил самокрутки.

Схожая ситуация и у Мартынова. Мы ломали головы, где раздобыть деньги? Попытка продать его клейстер с марками потерпела фиаско. На толкучке у магазина «Филателия» в Большом Факельном переулке его отобрали хулиганы. Сплюнув сквозь зубы, старший пригрозил: «Вякните кому, урою. А сейчас брысь отсюда». Идея собирать бутылки привела в милицию.

Мы оба болели за «Торпедо» и без ведома родителей посещали домашние игры команды в Лужниках. Детский входной билет на стадион стоил 10 копеек, а залоговая цена бутылки в

подтрибунном буфете – 12. «Найдя по паре, – рассуждали мы, – оправдаем билеты и проезд на метро в оба конца, и ещё останется по 8 копеек прибыли. А если по четыре?» От перспективы скорого обогащения захватывало дух. Тем более, что реализация идеи выглядела просто: пиво на стадионе пили, посуду сдавали не все, спускаясь к выходу, замечали её валяющуюся на полу или стоящую под скамьями.

После финального свистка очередного матча приступили к действию. Две нам отдал старичок, который по всей видимости собирался сдать их сам, но наткнувшись взглядом на ожидающие лица подростков, на вопрос: «Вам бутылки нужны?», недовольно буркнул: «Забирайте». Ещё две подобрали с пола и протискиваясь сквозь толпу выходящих с трибуны, побежали к буфету. «Меди нет!» – сказала, как отрезала буфетчица, швыряя нам по двугривенному. Окрылённые успехом, не обращая внимания на обман и потерю прибыли, наперекор толпе кинулись назад на трибуну. Там разделились и заспешили по рядам. Чаша стадиона быстро пустела. «В следующий раз надо будет авоську взять», – крикнул Мартынову, держа бутылки под мышкой. – «Лучше две», – отозвался он. Но следующего раза не случилось. Нас задержали и препроводили в дежурную комнату милиции. Бутылки в руках служили доказательством преступления. Сославшись на статью Уголовного кодекса, нас обвинили в «стремлении жить на нетрудовые доходы», промурыжили час, составили протокол и отпустили, предварительно отобрав трофеи.

По окончании следующего матча мы с намеренно задержались на стадионе. Когда болельщики схлынули, появились уборщицы. Они неторопливо прочёсывали трибуны, оставляя за собой мешки с мусором и отдельно с посудой. Милиционеры покуривали у выходов. Наша догадка подтвердилась: не мы одни такие умные, мы перешли кому-то дорогу, вторглись на чужую территорию, а она охранялась.

– Арена вмещает сто тысяч зрителей, – подвёл итог произошедшего с нами Володька Мартынов. – Что стоит каждому дать мне копейку? Ничего! А это тысяча рублей. Мать за год столько не зарабатывает.

Протокол тем временем из Лужников переслали в отделение милиции по месту жительства, инспектор в штатском навестил моих и Володькиных родителей, директора школы. Его визит, как ни странно, имел благоприятные последствия. Войну с табаком мама не прекратила, но перестала стесняться в средствах, а иметь привод и состоять на учёте в милиции среди пацанов считалось достоинством, и мы некоторое время им гордились.

Знакомство с хулиганами и блюстителями порядка, не обескуражило, деньги научились добывать в хоккейной коробке, играя в футбол на интерес. Набрать желающих труда не составляло; сбрасывались по 20 копеек, делились на две команды и бились до пяти голов. Фартило не всегда, и мы, минуя дворовое лото с бабками, пройдя через «пристеночку» и «расшибаловку»⁸ с пацанами, сосредоточились на картах.

Играть в карты на деньги запрещалось, но мужики втихую перекидывались во дворах, в жаркую погоду, не таясь, тасовали колоду на берегу Банного пруда в Лефортовском парке. Наличные напоказ не выставляли, они лежали под кепкой на дощатом столе или между складок полотенца, отдыхающих у воды. Были свидетелями, как сорвавший крупный банк, засовывал мятые купюры себе в плавки.

Близко к себе картёжники не подпускали. Наблюдая за ними издалека, освоили секу – любимую игру карточных шулеров, воровское очко и буру. Тренировались на спичках у Мартынова. Учились блефовать: «сдерживать эмоции» при якобы удачной карте, «кривить физиономию» при действительно хорошей. Приобретённые навыки до поры за пределы комнаты не выходили, футбол оставался единственным источником дохода.

Кто-то из руководства ЖЭКа обратил внимание на наши баталии в хоккейной коробке и предложил поучаствовать во Всесоюзном соревновании. По инициативе Льва Яшина ЦК ВЛКСМ организовал для дворовых команд турнир «Кожаный мяч». Проводился он по олимпийской системе – проигравший выбывает. В назначенный день гурьбой мы отправились в Измайлово на стадион «Авангард». Работник ЖЭКа раздал нам спортивную форму, судья свистнул, игра началась. После площадки с бортами играть на футбольном поле не просто. Отбивались отчаянно. Забить себе не дали, но и сами не отличились. Дополнительного времени по регламенту не полагалось, победителя выявляли по серии одиннадцатиметровых ударов. Меня в первую пятёрку работник ЖЭКа не включил, а Мартынова позвал; более того, Володька уговорил ребят разрешить ему бить последним. «Представляешь, решающий удар за мной, – радовался он. – Я поставлю точку. Нет, восклицательный знак!»

Жребий начинать выпал соперникам. К моменту Володькиного удара мы проигрывали один мяч. Ему требовалось забить, чтобы продолжить серию. Я видел, как он волнуется, как прикусил губу, посмотрел в левый от вратаря угол и пробил в правый. Голкипер на удар не среагировал, но пущенный Мартыновым снаряд, задев стойку ворот с наружной стороны, выкатился с

поля. Соперники вскинули руки, мы опустили головы.

До раздевалки шли молча, переоделись, сдали форму и потянулись к выходу, где победителей поджидали друзья. Кто кому что сказал, кто на кого не так посмотрел, разбираться не стали, побросали сумки и дали волю рукам. Продержавшись с минуту, они побежали. В погоню не кинулись, в приподнятом настроении, переговариваясь и смеясь, направились к трамвайной остановке. Первым показался трамвай, а следом из ворот стадиона высыпали участники матча и обиженные нами, некоторые были с кольями. Трамвай приближался, но и они не стояли на месте. Как только последний из наших влетел в салон, водитель закрыл двери и вагон тронулся. Щебёнка с трамвайных путей полетела ему вослед.

- Лучше быть пять минут трусом, чем всю жизнь покойником, - пошутил Володька Мартынов. - Получить дубинкой по кумполу совсем не хочется. Ведь правда, Ген?

Мне не нравилась эта поговорка, задел и тон, с которым он её произнёс: развязано-беспечный. Мне было стыдно, однако я согласился с ним и как мог поддержал.

Вскоре мы приняли участие в районных соревнованиях по волейболу. Финальный этап проходил в Перово, в спортивном зале недавно построенной школы. Две команды разминались на площадке, остальные наблюдали со скамеек.

- Смотри, - толкнул меня Мартынов.

Я повернул голову, куда он указывал. К нам подходил высокий рыжеволосый парень капитан футбольной команды, чьим болельщикам от нас досталось.

- Капец, - прошептал Мартынов, - целыми нам отсюда не уйти.

- Рафик, - представился парень и присел перед нами на корточки. Он напомнил о злополучном матче и незабитом Володькой пенальти. Отвечая на вопросы, признался: далеко по турнирной сетке они не продвинулись, вылетели в следующем раунде. От себя добавил, что та команда целиком состояла из учеников этой школы, группа поддержки тоже отсюда. О драке и погоне ни слова. Лишь уходя, обронил:

- Не бойтесь, никто вас здесь не тронет.

В тот вечер у Мартынова не ладилась ни подача, ни пасс, бесславно проиграв, по пустым коридорам пошли искать выход. За каждым углом ему мерещилась засада.

- Всё! - заявил он решительно, когда очутились на улице. -

Больше в драках не участвую. Я достаточно разумный, чтобы решать проблемы кулаками.

Слово он сдержал. Где-то через месяц я вышел из дома и не обнаружил во дворе ни одного человека, словно Мамай прошёл. Хотел повернуть к Мартынову, как заметил, бегущего в мою сторону шкета.

- Быстрее, - выдавил он из себя, - послали своих собирать. С Авиамоторной приходили, сейчас под Горбатым мостом. Дуй скорее, я за остальными.

Вдоль парапета моста толпился народ, задние тянули шеи, чтобы видеть происходящее внизу. Не теряя времени, знакомым лазом, проник на территорию «Вторчермета». На свободной от металлолома площадке разворачивалось побоище. Со спин узнавал товарищей.

- Генка, стой! - услышал окрик. - Да стой, тебе говорят!

Я оглянулся. Перегнувшись через перила, Лёнька Никитин - сосед с четвёртого этажа - протягивал мне перчатки. Рядом с ним округлыми от ужаса глазами на происходящее смотрела учительница русского языка и литературы Валентина Ивановна Морозова.

До обрезков труб и арматуры дело не дошло, кулачный бой прервали милицейские трели. Вызванный кем-то наряд, расталкивая зевак, показался на мосту, некоторые перелезали через ограждения, спрыгивали на площадку. Другая группа приближалась от железнодорожных путей.

Вечером Мартынов сожалел:

- Жаль меня не было! Мальчишка-поганец прибежал слишком поздно, а торопиться к шапочному разбору, не видел смысла.

Следующий день начался с визита в класс директора школы. «Кто вчера участвовал в драке, встаньте», - потребовала она. Поднялось человек семь. - «Возьмите дневники - и за мной!» Перед учительской нас ожидали ребята из других классов. Накричавшись вдоволь и пригрозив, что в случае повторения исключит из школы, она всех отпустила. На перемене вернули дневники. Внизу заполненной на неделю страницы алела надпись: «Участвовал в драке на мосту». «Почему на мосту? - смеялись мы, - когда под мостом. И как это она нас выгонит, когда в стране обязательное восьмилетнее образование».

Мы знали свои права, парни во всяком случае, и бессовестно пренебрегали школьными правилами: прогуливали занятия, дерзили учителям, курили на переменах. Нас уже было не

двое. Перед звонком на урок табачное облако вываливалось из туалета для мальчиков и нехотя рассеивалось по коридору. Учителя, проходя мимо, делали вид, что не замечают. Они сносили наши выходки и после того, как мы принесли в школу карты. Начатую перед уроком игру прерывали лишь, когда учитель входил в класс и требовал внимания.

К обязанностям относился того хуже, я в том числе. Письменные домашние задания не выполнял, обнаглел настолько, что перестал списывать их перед уроком, как делал раньше. Тетради на проверку старался не сдавать; если увильнуть не удавалось, разукрашенную двойками тетрадь рвал, заводил новую. Неуды за нерадение исправлял у доски. Где требовалась смекалка, сообразительность был в первых рядах; не блистал, но точные науки проблем не создавали; где следовало учить, зазубривать даты, названия гидроэлектростанций и имена борцов за независимость – во втором десятке. Общих знаний по этим предметам и схваченного на уроках вполне хватало на тройки и даже четвёрки, но с иностранным такое не прокатывало. На уроке немецкого откровенно скучал, рассматривал завитки за ушками девочек, подрисовывал рожки и козлиные бородки классикам немецкой литературы в учебнике. Занятие поинтереснее нашлось бы, если б Мартынов сидел рядом, но он изучал английский в другой группе.

Учитель немецкого Юрий Иванович Титов обращался со мной подчёркнуто холодно. Будь его воля, он не пускал бы меня на урок, но был вынужден терпеть и ронять достоинство, выводя в четвертях тройки. Прохаживаясь вдоль доски, он объяснял не то спряжение неправильных глаголов, не то артикли множественного числа существительных, до которых мне не было дела. Я чиркал спичками об стол, бросал внутрь. Если какая разгоралась, тушил движением руки, отправлял туда же. Наверняка он видел, но считал унижительным для себя, связываться с разгильдяем.

С недавних пор в классе появилась забава: мы выбивали у стульев сиденья, завязывали тряпку с доски в узел и играли ею, как в бадминтон. Сами на раздолбанных стульях не сидели, подсовывали кому-нибудь из «низшей расы», так с недавних пор Володька Мартынов называл одноклассников с неяркой жизненной позицией. Некоторое время они ими пользовались, но десяток-другой геймов – и фанерное сидение приходило в негодность. Следующий урок начинался с того, что после приветствия учителя «Здравствуйте, садитесь», кто-то оставался стоять. – «В чём дело?» – интересовался учитель. – «Стул сломался», – отвечал ни в чём не повинный.

- «Сходи в учительскую, возьми там». Стул из учительской выгодно отличался от тех, на которых сидел класс. «О!» - сказали мы с Мартыновым, как Добчинский с Бобчинским, и переглянулись. Вскоре на мягких стульях из учительской вместе с нами восседали ребята из «высшей расы». От скуки вытягивал из-под обивки ватин, кидал в стол.

- Спрягаемый глагол, - доносился от доски ровный голос Юрия Ивановича, - всегда находится на втором месте, остальные глаголы в конце предложения.

Запах палёного меня насторожил. Озирались по сторонам и девочки передо мной. И только тогда, когда из стола повалил дым, до меня дошло: горит ватин, надёрганный накануне. Я торопливо вытряхнул содержимое стола на пол и затушил ногами. После чего поднял глаза. Юрий Иванович стоял в шаге. Желваки ходили на скулах учителя, костяшки пальцев, сжатые в кулаки, побелели. Как он удержался и не врезал подонку, не представляю.

В канун Нового 1967 года в классе устроили вечер танцев. Танцплощадку оборудовали в коридоре. Расставили по стенам стулья, вынесли из учительской радиолу, по концам коридора погасили свет. Командовала старшая пионервожатая, за порядком из темноты наблюдал физрук и классная руководительница.

Мы привыкли к одноклассницам в глухих коричневых платицах и чёрных фартуках, и присмирели, увидев нарядно одетыми, в капроновых чулочках и туфельках на низком каблуке. Короткие стрижки родительский комитет школы не приветствовал, на занятия девочки ходили с косами. Теперь же многие их распустили, некоторые завили и уложили в причёски. Переговариваясь, они стояли вдоль окон, украдкой разглядывая свои отражения в стёклах.

Одеждой на выход мы с Мартыновым похвастаться не могли, пришли в будничном, сменив клетчатые рубашки на однотонные. Кто-то из ребят выглядел лучше нас, кто-то хуже. Некоторые вообще явились в школьной форме.

Двигаться под музыку я научился в лагере. После «Незнайки» переписыванием ролей не занимался, всегда находились охотницы, сами подходили, сами предлагали. То же произошло и на маскарade. - «Что не танцуешь? - спросила Таня Парфенова из старшего отряда. - Не умеешь? Хочешь научу?» Не дожидаясь согласия, взяла мою правую руку и положила себе на талию, овладела левой и отвела в сторону, приобняла и повела, подсказывая шаги, отсчитывая такт. Каждое слово наставницы

дыханием касалось моей щеки, но мне было не до сантиментов, переставлял непослушные ноги, боясь опозориться.

- Юноша, желающий пригласить девушку на танец, - начала вечер пионервожатая, - должен подойти к ней и поклониться. Если девушка согласна, подать ему руку и вместе пройти в центр зала. На танцплощадке надо быть внимательным, не толкаться и не мешать другим. Не принято громко разговаривать и смеяться. По окончании танца девушку следует проводить до места и поблагодарить.

- Может, ещё ручку поцеловать и ножкой шаркнуть, - комментировали мы с Мартыновым, стоя в отдалении.

- Если ведущий объявит «белый танец», - продолжала она, - юноши остаются на своих местах, право выбора переходит к девушкам.

- Скажи, чтобы книксен делали, иначе не пойдём.

Старшая пионервожатая установила на проигрыватель пластинку и опустила звукосниматель. На первый танец никто не вышел, два последующих девочки танцевали друг с другом. Сделав звук громче, вожатая оставила пост у радиолы и направилась к парням у стены. Из-за низкого роста и неуклюжей фигуры, она часто служила объектом наших шуток, но, когда приходила в класс агитировать на сбор металлолома или макулатуры, я её любовался. Задор, с каким она произносила слова и жестикуюлировала рукой, делали её похожей на ударниц первых пятилеток с кадров чёрно-белой хроники.

- Ну-ка, ребята, подайте пример, - призвала она нас, подходя вплотную. - Иначе этих тюфяков не расшевелить. Смотрите какие красивые девочки. Не обижайте их своим безразличием.

На «высшей» и «низшей свет» мы с Мартыновым поделили не только мальчиков. Приглашал «аристократок». Было приятно ощущать над ними свою власть, перебирать в ладони нежные пальчики, перемещать по спине руку и как бы невзначай притягивать к себе. Они испуганно отстранялись и вопросительно смотрели в глаза. - «Там же Сашка Климов с этой, как её... Могли врезаться». Девушки оглядывались и успокаивались.

Володька Мартынов не отходил от той, которая ему нравилась. Переминаясь с ноги на ногу, нашёптывал ей словечки и поверх голов победоносно оглядывал слабаков у стены. Она же отрешённо глядела в пол.

Вожатая объявила «белый танец». Мелодия ещё не зазвучала,

а избранница Мартынова поднялась и направилась в нашу сторону и к всеобщему удивлению, протянула руку мне. Вообще-то я относился к ней ровно, к тому же симпатия друга, тем не менее поступок девушки взволновал. Танцевали молча. Она задумчиво смотрела мне в плечо, я на её волосы, зачёсанные назад, заплетённые в косу.

«Или это ответ на его ухаживание, – пытался разгадать мысли партнёрши, – или...»

Дальше не углублялся. Невесть откуда взявшаяся волна окотила жаром. В порыве приблизился к ней ближе. Тонкие волоски, выбившиеся из её причёски, коснулись моей шеи, подбородка, губ, вызывая неведомый трепет.

Неизгладимы только первые впечатления. Небо детства, трава, искрящийся снег повторяются многократно и буднично, незабываемым останется лишь первый отклик.

Похоже моё состояние передалось ей, она не отстранилась.

Из двух зеркал в доме, одного в шифоньере, другого в ванной комнате, выбрал то, что над умывальником. При свете электрической лампочки понравился себе больше, чем при дневном. Ни ведая о судьбе Нарцисса, стал запереться в ванной, включать воду и подолгу разглядывать себя. Затем начались эксперименты с причёской, подспорьем служил забытый Валюшей или Володей бриолин, закончились опыты бритвём. Водил опасной бритвой отца по голым щекам, припудривая порезы тальком.

– Мой помойка! В ванную не загонишь, – жаловалась мать Мартынова, встретив мою на улице. – А моего не выгонишь.

Что водка горькая, догадывался сызмальства, наблюдая, как морщится отец, кривятся гости, проглатывая прозрачную жидкость. Я тоже морщился и кривился, когда, заболев, мама совала мне в рот ложку с противной микстурой, и не мог понять: зачем взрослые себя мучают, если их никто не заставляет? О вкусе сока виноградной лозы, выдержанного в бочках, ничего сказать не мог... до поры.

Как-то после гостей – я учился во втором или третьем классе – осталась початая бутылка коньяка. Пряча её, отец сказал маме: «Допьём с чаем, с чаем вкусно». Для меня тогдашнего слова «вкусно» и «сладко» были синонимы. На следующий день, придя из школы, достал бутылку и по принципу: кашу маслом не испортишь, добавил в чай. Первый глоток разочаровал – гаже микстуры, хотел вылить, но побоялся сам не знаю чего, добавил сахар, размешал и мужественно выпил. Стремление

к познанию неведомого родители не оценили, ремень погулял по телу. «Но как отец узнал?» – размышлял, засыпая. Утром Володя показал риску на этикетке, сделанную ногтем, она на полсантиметра была выше уровня жидкости. – На стакан чайной ложки достаточно, – пояснил брат, – а ты ливанул, за это и получил.

Из книг, фильмов и по рассказам бывалых мы с Мартыновым знали, что аперитив – напиток для возбуждения аппетита, что мясо следует запивать красным вином, а рыбные блюда белым, что водка хороша со льда, а на десерт подают коньяки и ликеры. Кто-то так и поступал, смаковал пред ужином херес, наливал из запотевшего графинчика «Столичную», запивал душистую баранину тёмно-гранатовым «Саперави», а парную осетрину золотисто-соломенным «Шардоне», грел в ладонях бокал с коллекционной «Арменией», тянул из узкой рюмки зелёный «Шартрез». Нам до этого, как до совершеннолетия, наша цель опьянение, плодово-ягодное или как тогда говорили «плодово-выгодное» – то, что надо. О его качестве можно судить по аттестациям алкашей: «бормотуха», «краска для забора», «средство от тараканов», «червивка». Мне нравилось интеллигентное – «слезы Мичурина».

Самое дешёвое вино, какое продавалось в «Двадцать восьмого», стоило 97 копеек. Дальше с шагом 5 копеек цена повышалась до полутора рублей. Выбор за эти деньги не велик: «Вермут белый крепкий», «Киргизский мускат фиолетовый», «Лучистое», «Осенний сад», «Пунш Полесский», «Янтарь Ставрополя». Наиболее популярны портвейны: «72», «777», «Кавказ» и «Агдам». Выигрывая в карты, позволяли флакон на двоих.

Для игры приспособили комнату в расселённом двухэтажном доме в Перовском проезде. Внутрь проникли через окно. Среди брошенных вещей обнаружили пригодные для сиденья стулья, проваленный диван с высокой спинкой. Соорудили из досок стол, сбросились и купили свечи. На огонёк заглядывали парни из «высшей расы», параллельного класса, пацаны с улицы. Веселье и вседозволенность верховодили сборищами: курили, травили анекдоты, резались в карты, ставя на кон по копейке, обсуждали кому из девочек можно открыться и пригласить.

Подпольное казино просуществовало с месяц. Обеспокоенные светом в окне намеченного на слом дома, к нам нагрянули гости. Вошли настороженные, при виде малолеток осмелели, приказали выметаться, пока не устроили пожар и не спалили заодно их дома по соседству. На следующий день рабочие ЖЭКа заколотили окна первого этажа листами железа.

Скучали не долго. За нефтебазой в районе Кабельных улиц наткнулись на дровяной склад. Метровые чурбаны, распиленные по длине и сложенные клетками, рядами тянулись вдоль железнодорожных путей. «Топливо для паровозов», – предположил Мартынов. – «Стратегический запас», – согласился я, и мы полезли на верхотуру. В центральной поленнице сняли один ряд чурбанов, другой, третий. В образовавшемся углублении более четырёх человек, не помещалось, но большего и не требовалось.

В заброшенном доме погорели на свечах, здесь на болтовне. Сложенные для просушки поленья пропускали не только воздух. Трое обходчиков великанами выросли над нашими головами, и мы перебрались туда, где нас точно никто не побеспокоит, на Рогожское кладбище. Одной стороной оно выходило на Старообрядческую улицу, другой – на Перовский проезд. От мира отделялось кирпичной стеной, сложенной ещё тогда, когда здесь распоряжались старoverы. За столетие непогода выкрошила, а предшественники углубили в ней выбоины, забирались по ним как по ступеням. При кладбище действовал православный храм, под его сводами произошло событие, которое вспомнил, бродя с Мартыновым среди могил в поисках подходящего поминального столика с лавочкой.

Мне было пять лет, меня не с кем было оставить, и мама взяла с собой. Шли долго: мимо «Двадцать восьмого», керосиновой лавки, вдоль кирпичной стены. После солнечного утра в помещении, куда вошли, казалось темно и жутко: согнутые спины старух, дрожащие островки огней, лики на стенах. Откуда-то доносился голос, читал быстро и непонятно.

– Кто это? – шепотом спросил маму, указывая на крест с нарисованным на нём человеком.

– Боженька. Иисус Христос.

– А почему он прибит?

– Плохие люди убили. Он умер, своею смертью искупив наши грехи.

Что такое грех, я знал, – плохой поступок, искупить грех – попросить прощение или сделать что-то хорошее. Но, что значит «умер» и «смерть?»

– Мама, что значит умер?

– Когда человек перестаёт жить.

Мне постоянно твердили, что я скоро вырасту, пойду в школу, стану большим. Но то, что умру...

- Мама, я тоже умру? А что будет, когда я умру?

- Ничего не будет.

Мною овладело беспокойство: «Я хороший мальчик, люблю родителей, братьев, плохого не делаю, учу буквы. Как это меня не будет? А куда я денусь?»

До этого мне всегда удавалась понимать, что объясняла мама. Здесь же стена, запертые ворота. Чем усерднее представлял себе, «как меня не будет», тем тревожнее становилось. От напряжения в голове возникло что-то неудобное и большое, и начало давить. Попробовал от него отделаться и не смог. Похожее испытал однажды, когда из озорства запихнул в рот целое яблоко. Оно уперлось в нёбо и придавило язык: ни раскусить, ни вытолкнуть. Сильно тогда испугался, так и теперь. От яблока спасла мама, от непонятого - погожий денёк.

«Мама специально сказала про смерть, чтобы напугать, чтобы слушался и хорошо себя вёл, - решил, когда вышли на улицу. - Ну конечно! Никуда я не исчезну». Непомерно большое растаяло, стало легко и весело.

- Смотри, - сказал я Мартынову, указывая на надгробие с надписью. - Купец первой гильдии, родился в тысяча восемьсот двадцать седьмом, скончался в тысяча девятьсот двенадцатом.

- И что?

- Как что? Восемьдесят пять лет прожил. Больше, чем Лев Толстой.

Мартынов пожал плечами.

- Считаю, что жить надо лет до сорока. Дальше тоска. Возьми моих предков. Мать приходит с работы, включает телек и ложится. Поднимается программу переключить и ужин отцу разогреть, а тому главное бухнуть. Весело жить, когда есть силы и интерес, когда хочется всё познать, почувствовать, испытать. Как нам сейчас.

- Я бы согласился на восемьдесят пять, но не подряд, частями. Уснуть, скажем, в тридцать и проснуться лет через сто. Пожить денёк-другой и на боковую. И так до скончания веков.

- Бред.

- Почему?

- Допустим, явится завтра Менделеев. Здрасьте, что тут у вас? Он когда помер? Не важно! Вот он за день что-нибудь поймёт. А Ломоносову, думаю, придётся туго. Не говоря об Александре

Невском или Несторе-летописце. Через тысячу лет ты будешь для потомков, как древлянин для нас. На каком языке станешь объясняться? Помнишь, училка «Слово о полку Игореве» читала? «Не лепо ли ны бяше начати словесы».

- Не стану я с ними разговаривать, погляжу как живут, во что одеваются, на каких машинах ездят. - Страха перед смертью я не испытывал, и как реальность для себя не воспринимал, и в то же время не сомневался, что после меня жизнь продолжится. «Прожив восемьдесят пять, - подумал, высчитывая возраст купца, - окажусь свидетелем событий до две тысячи тридцать седьмого года. А что дальше? Чем закончится? Очевидцем конца света, - мелькнула мысль, - можно стать или по рождению, или чудесным образом раздробив отпущенное на фрагменты». И изложил идею Мартынову.

- Фантастика, - заявил подписчик журнала «Наука и жизнь», - притом не научная. Чем закончится - известно. Остынет Солнце - замёрзнем. Взорвётся - сгорим. Столкнёмся с крупным космическим телом, слетим с орбиты, вымерем, как мамонты. Что ещё? Ядерная война! Небо покроется слоем пыли, оседать будет столетия. Кто не погибнет от взрывной волны сдохнет с голода. За пределы Солнечной системы не выбраться. Но даже если кто и улетит, пригодной для жизни планеты в досягаемом пространстве нет.

- Это козе понятно! Я о другом. Разве не интересно видеть закат цивилизации? Наблюдать за астероидом, летящим к Земле, разбухающим Солнцем. И сознавать: ты - последний человек на Земле.

- Ничего интересного. Если гибель наступит от катаклизма Солнца, то прежде климат на Земле начнёт меняться. В борьбе за выживание количество людей сократится, они деградируют. Проснувшись в очередной раз, застанешь их в шкурах и с дубинками, а то и вовсе выжженную или покрытую льдом землю.

ВЫСОЦКИЙ

К самоутверждению ведёт множество дорог, проторённую, не требующую усилий мы преодолели. Следующая - спорт; захотелось большего, чем хоккейная коробка и облезлый мяч. Помыкались по клубам, но, не удивив никого из тренеров ни техникой, ни скоростью, в основной состав нигде не пробились. В «Крыльях Советов» подвела «дыхалка», посоветовали завязать с табаком, позаниматься плаваньем и приходиться,

в «Торпедо» – накачать ноги. Посетили заводскую секцию велоспорта, покрутили педали и отвлеклись на радиокружок. Телефонная сеть в районе, где мы жили, развивалась слабо, квартирные телефоны редкость, и мы вознамерились собрать переговорные устройства. Валюша моё увлечение техникой поддержал, подарил книгу «Азбука радиолюбителя», снабдил транзисторами, сопротивлениями, конденсаторами и малогабаритным динамиком.

Путь к коротковолновой станции начали с детекторного приёмника. Прародителя всех радиоустройств в мире смонтировали в мыльнице, проковыряв для слышимости в крышке отверстие. Электропитание ветерану не требовалось, при наличии антенны и заземления он мог работать вечно. Функцию антенну в нашем случае выполнял кусок провода, заземления – труба парового отопления, когда прихватили на кладбище – могильная ограда.

– Вы бы лучше вместо этого пискуну магнитофон собрали, – высказал пожелание Колька Савченко, сдавая карты. – Битлов бы послушали.

Разговоры о ливерпульской четвёрке ходили давно, а первую песню в их исполнении услышали недавно. Фирма «Мелодия» включила лирическую балладу «Девушка» в сборник «Музыкальный калейдоскоп», обозначив как «английская народная песня». Среди поклонников, полулегально ввозимые в страну пластинки группы, расходились на магнитофонных лентах. Ни у меня, ни у Володьки Мартынова магнитофона не было.

– Со схемой справиться можно, – не отстраняя мыльницы от уха, возразил Мартынов, – а кинематику не потянуть. Мы изучали: электродвигатель, ролики, пассики, прижимное устройство, стирающая головка, записывающая – чёрт голову сломит. Проще купить.

На самом деле купить было не проще: в свободной продаже магнитофоны встречались редко, стоили дорого. Из моих знакомых звукозаписывающим устройством обладал один человек – Валюшин тесть, отец Наташи Бурмистровой Вениамин Викторович Бурмистров. Жили они в Новогиреево, куда Валюша изредка приглашал. Меня манила библиотека Вениамина Викторовича и воскресные обеды, и я охотно ездил.

Культа еды в нашей семье не существовало. Утром обходился бутербродом с чаем, в школе – коржиком или пирожком, после уроков торопливо запихивал в себя всё, что выставляла мама, спешил на улицу, вечером, приходя с гуляния, мог есть со сковороды и прямо из кастрюли. Когда и чем питались родители не интересовался. Вместе садились за стол по праздникам, я

ненадолго; похватав самое вкусное, «делал гостям ручкой» и сматывался к друзьям.

В семье, куда вошёл Валюша, всё было иначе, во всяком случае по воскресениям. Стол застилали скатертью и сервировали. Выставляли холодные закуски и марочное вино. Готовила Наташа. Её мама Тамара Никитична Шараева – врач больницы старых большевиков – разливала суп по тарелкам. У каждого члена семьи она своя. Мне ставили «гостевую тарелку» и рюмку, которую Валюша наполнял наравне со всеми. Первые дни за столом чувствовал себя Митрофанушкой, осознавшим собственное невежество, но скоро научился пользоваться ножом и вилкой и даже принимал участие в беседах.

Время до обеда занимал чтением. Вениамин Викторович позволял рыться в книгах и брать заинтересовавшие домой. За короткий срок прочитал всего Дюма, изданного в 50-60-е годы, Конан Дойля, познакомился с современными мастерами детективного жанра: Жоржем Сименоном, Агатой Кристи.

Как-то, решив, что захламился, Вениамин Викторович проредил книжные полки и излишки подарил мне. Так я стал обладателем двух десятков сборников советской фантастики и томика детских стихов Самуила Маршака. В восторге от подарка дал себе слово: с каждой полочки, когда вырасту, покупать книги.

Ещё у них имелись два дорожных велосипеда. Валюша и Наташа дружили с детства, на одном из них летом 59-го брат приезжал в Мячково. Иногда он отвлекал меня от чтения и предлагал пойти покататься. Мимо кинотеатра «Берёзка» мы ездили к платформе «Новогиреево», к церкви в селе Ивановское, возвращались по Зелёному проспекту. Повсюду шло строительство. На месте дачных участков и поселковых домов возводили панельные многоэтажки.

Появление у Вениамина Викторовича магнитофона я связывал с событиями далёкого прошлого. В те годы знал о них понаслышке, теперь в деталях. Его отец – Виктор Михайлович Бурмистров – деятель советской юстиции, в разное время прокурор Саратовской губернии, Северо-Кавказского края, Сибирского и Западно-Сибирских краёв, на момент ареста занимал пост старшего помощника прокурора РСФСР. В списке участников антисоветского заговора фигурировал в категории 1⁹. Завизировали документ Сталин, Молотов, Коганович, Жданов и Ворошилов. Следом за отцом из жизни восемнадцатилетнего юноши исчезла мать – Эмилия Францевна, поволжская немка. Сокурсники по университету, куда Вениамин поступил, окончив школу, «за потерю бдительности» исключили

его из комсомола. Оклеветанный, напуганный, лишённый родителей и средств к существованию он вынужденно оставил учёбу. Женитьба на студентке медицинского института Тамаре Шараевой вернула его к жизни, рождение дочери придало ей смысл.

Бесконечных двадцать семь лет Вениамин Викторович ничего не знал о судьбе родителей. Правда открылась в 64-ом. Виктора Михайловича расстреляли в апреле 38-го на полигоне «Коммунарка». Эмилия Францевна скончалась в декабре 40-го в «АЛЖИРе» – Акмолинском лагере жён изменников Родины.

За сломанную исковерканную жизнь государство выделило «сыну врага народа» трёхкомнатную квартиру, которую я любил посещать, и выплатило денежную компенсацию. В один из визитов Вениамин Викторович продемонстрировал мне дорогостоящий аппарат.

Приглашал меня Валюша осознанно, чтобы отвлечь от улицы и дурной компании, как считала мама, или по наитию, ответить не берусь. Но воскресные обеды, общение с интеллигентными людьми и возможность пользоваться библиотекой оказали на меня благотворное влияние.

Тем временем Колька Савченко сдал карты. Мне пришла разномастная шушера, и я бросил её в колоду, следом пасанул Витька Соловьёв. Ни Витька Соловьёв, ни Колька Савченко к «высшей расе» не принадлежали, они выбрали нас своими сюзеренами, и мы им покровительствовали. В седьмом классе вассальная зависимость чувствовалось, к восьмому ослабла.

– У меня есть магнитофон, – давая мне прикурить, тихо сказал Соловьёв. – Не у меня, конечно, у родителей.

– Что, что? – переспросил Мартынов, пододвигая к себе выигрыш.
– А чего молчал? Пригласи послушать.

Витька жил на Старообрядческой улице напротив кладбища. Мы ввалились к нему на следующий день после уроков. Он неторопливо установил на новенькую «Язу» катушку с лентой, свободный конец ленты пропустил через лентопротяжный механизм и закрутил на пустую катушку; щёлкнул переключателем и нажал клавишу. В магнитофоне что-то хрустнуло, пустая катушка вздрогнула и завертелась, потянув за собой ленту. Из динамика послышалось шипение и потрескивание. И вдруг сквозь помехи прорвался напряженный ритм гитары, за ним незнакомый голос: «А у дельфина взрезано брюхо винтом! Выстрела в спину не ожидает никто. На батарее нету снарядов уже. Надо быстрее на вираже!» И следом отчаянный крик:

«Парус! Порвали парус! Каюсь! Каюсь! Каюсь!» Сменяя друг друга, песни звучали без пауз: дворовые, блатные, о хунвейбинах. Качество записи отвратительное, некоторые слова разбирали со второго, а то и третьего прослушивания.

«Кто поет? Как фамилия?» – сыпались на Витьку вопросы. Тот толком ничего не знал, путался, отвечал неохотно, напуская на себя важность: «Артист. Высоцкий. Имя не знаю».

Мы вышли от Витьки не такими, какими вошли. По дороге домой решили: «С эстрады нам поют о том, как должно быть, он – как есть в действительности». Высоцкому мы поверили с первых слов, с первых аккордов.

Незадолго до экзаменов нас с Мартыновым выгнали из школы. За более серьёзные проступки ограничивались вызовом родителей, а когда хотели припугнуть, приглашали на педсовет. А тут директриса влетела в класс, приказала собирать манатки и выметаться, и чтобы духа нашего в школе не было. А что мы сделали... Сидели, свесив ноги, в окне третьего этажа и пускали «самолётики». Внизу их ловили первоклашки, для них и старались.

Вины за собой не чувствовали, перекурили самоуправство директора в школьном дворе и отправились в РОНО – Районный отдел народного образования. На следующий день явились в класс как ни в чём не бывало.

Не мы одни «портили учителям нервы», «пили их кровь», «укорачивали жизни». Те ещё подобрались в классе оторвы. Вскоре после выпуска трое парней из «высшей расы» оказались в местах не столь отдалённых. А мы с Мартыновым, получив Свидетельства о восьмилетнем образовании, отнесли их в десятилетку на Площади Ильича. Так совпало, что в ней учился Виталий Сихарулидзе – мой товарищ по пионерскому лагерю, адаптация в коллективе прошла без эксцессов.

За лето, спасибо Витькиным родителям, фонотека Высоцкого в их доме заметно пополнилась, появились песни-сказки, песни о войне и песни о горах. О последних Витька сказал, что они из кинокартины «Вертикаль». Фильм демонстрировался на окраине города. Денег на билеты не было, но мы с Мартыновым поехали. Добравшись, приставали к прохожим, просили выручить. Настреляв нужную сумму, помчались в кассу.

Весь фильм ждал от невысокого мужчины с гитарой героического поступка, и остался недоволен режиссером, поручившим ему такую незначительную роль, и ещё актрисой Ларисой Лужиной, играющей роль врача. Её безразличие к герою Высоцкого

выводило из себя

АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ

Приближалось пятидесятилетие Великой Октябрьской Социалистической революции, телевиденье и радио вели репортажи о трудовых подарках советского народа к знаменательной дате, хлеборобы докладывали о миллионах пудов зерна, заложенных в закрома родины, машиностроители – о тысячах станков, автомобилей и тракторов, произведённых сверх плана. В канун праздника сдали в эксплуатацию Братскую ГЭС, на Криворожском металлургическом заводе задули крупнейшую домну в мире, закончилось сооружение Останкинского телецентра с самой высокой башней на планете. Завершался перевод рабочих и служащих с шестидневной рабочей недели на пятидневную.

Мы же решили отметить юбилей страны походом в кабак. Нам уже по пятнадцать, а мы ещё нигде не были. Выбрали кафе «Лира» на Пушкинской площади, слышали о нём как о популярном месте, где собирается московская молодёжь, и принялись копить деньги.

- Ген, можно я расплачусь в кафе? – спросил Мартынов, когда возвращались из школы. – Не в смысле своими деньгами, общими, просто они будут у меня. Сядем, – начал он мечтать вслух, – выпьем, закусим. Официант подаст счёт, я достану пачку – бац на стол! Он офигеет.

- Какая пачка? Три рубля с носа, я узнавал у брата.

- Жаль. Шесть рублей не пачка. Слушай, может позовём кого-нибудь? Кольку с Витькой? Четыре человека, двенадцать рубчииков. Если разменять по рублю, пачка? Ну, что ты молчишь?

- Пачка, – согласился я, – зови.

Ранним утром праздничного дня мы встретились с ним на троллейбусной остановке и покатали в центр с намереньем попасть на Красную площадь. Из репродукторов по пустынным улицам лились бравурные мелодии: «Красная армия всех сильней», «Марш коммунистических бригад», «Москва майская». От первых звуков песни «Широка страна моя родная» душу охватил трепет. «Как же нам повезло родиться в СССР» – думал, вслушиваясь в торжественные слова, глядя на кумачовые флаги на фасадах домов.

Троллейбус довез нас до площади Ногина, выезд с Солянки перекрывали машины ГАИ. Дворами и переулками добрались до улицы Кирова. По проезжей части здесь двигалась колонна

демонстрантов. Попытки мальчишек присоединиться к шествию пресекали милиция, стоящая вдоль тротуара. Мы соврали, что отлучались по нужде, и теперь догоняем своих. Нас спросили: «Какой район? Где работают родители?» Автомобиль с обозначенным на нём названием района минуту назад проехал перед нами, его, как и аббревиатуру предприятия, работники которого шли следом, запомнили, ответили без запинки. Милиционеры переглянулись и пропустили.

«Да здравствует Великая Октябрьская социалистическая революция!» – звучало из громкоговорителей. «Ура-а!» – отвечали демонстранты. «Под руководством Коммунистической партии – вперед к победе коммунизма!» «Ура-а!» – громче всех кричали мы. С флажками и бумажными цветами люди в колонне шли парами, группами, разговаривали, смеялись, отвечали на приветствия москвичей. Слышались звуки гармошек, переливы баяна. Наше ликование длилась недолго. Вдоль колонны прошелся дядечка в драповом пальто и шляпе. «Разобраться по шеренгам! – озабоченно командовал он. – Правофланговые, внимательно! Расставьте своих людей!» Мужчины в колонне с красными повязками на рукавах посерьезнели и заняли места справа по ходу движения, слева от них выстроились шеренги. Правофланговые знали в ней каждого, кого не знали, сверяли по списку. На наших глазах бесформенная толпа преобразовалась в полувоенный строй. Нас вытеснили отовсюду, мы уцепились за тележку с транспарантом «СССР – оплот мира», её катили два мужика, но нас отцепили. Не говоря ни слова, озабоченный поднял руку. Из отцепления отделился гражданин в похожем пальто и вывел нас за кордон. Не расстроились, а тем же путём заспешили к Устьинскому мосту, надеясь по Москворецкой набережной пробраться на Васильевский спуск.

Набережная, куда добрались, оказалась запружена участниками только что завершившегося парада. Возбуждённо переговариваясь и придерживая на ходу кортики, слушатели военных академий торопились освободить дорогу. Протиснуться сквозь массу офицеров удалось, а попасть на площадь, увы. После прохода тяжёлой техники Васильевский спуск перегородили люди в штатском. Когда смолк рокот танков и тягачей, из-за храма Василия Блаженного послышался гул. Со стороны Исторического музея на площадь вступили представители трудовых коллективов Москвы. Зазвучала музыка, послышались здравицы в честь КПСС и Советского народа. Мы тянули шею, вставали на цыпочки, пытаюсь увидеть площадь. Гул приближался. Колонны достигли Васильевского спуска и, просачиваясь сквозь отцепление, растекались по набережным. Здесь их уже поджидали грузовики. Ловкие снабженцы

принимали от демонстрантов флаги, транспаранты, портреты лидеров партии и государства, складывали в кузов, водители прицепляли тележки с наглядной агитацией.

Патриотический заряд в нас иссяк, людской поток подхватил и понёс к дому на Котельнической набережной. Кто-то отдал нам воздушные шары, бумажные цветы сняли с отъезжающей машины. Внешне мы ничем не отличались от тех, кто минуту назад приветствовал руководителей страны на трибуне мавзолея. Встречные мальчишки смотрели на нас с завистью.

В назначенный час звонили в дверь Витькиной квартиры. Его родители праздновали юбилей на даче, и он оставался за хозяина.

«Это школа Соломона Пляра, школа бальных танцев вам говорят. Две шага на лево, две шага направо, шаг вперёд и два назад», – звучал из магнитофона гнусавый одесский голос; радостный Колька Савченко, открывал бутылки.

Перебивая друг друга, рассказали, как одурачили кэгэбэшников, преодолели заслон и примкнули к шествию; как нас вычислили, хотели сдать ментам. Но нам второй привод ни к чему – мы вырвались и убежали.

Когда подошло время, и мы собрались уходить, кто-то обратил внимание на необычный цилиндр; он стоял перед зеркалом в прихожей. Витька объяснил, что это лак для волос, привезли матери из Парижа. Он снял колпачок и важно нажал кнопку, из-под пальца вырвалась золотистая струя, хотел унести, но мы не дали. Я знал, что при завивке волос девочки иногда используют пиво, укладка в таких случаях сохранялась дольше. О существовании специального средства слышал впервые.

Витька заметно нервничал, когда Володька Мартынов взбил на голове кок и зафиксировал его лаком; я расчесал волосы на пробор, и недовольный Витька побрызгал меня. Кольке Савченко отказал: «Мало осталось! Мать заметит, мне влетит».

С кафе «Лира» не повезло. На стеклянной двери висела табличка «Мест нет», на ступеньках зябла очередь. Изредка к двери приближался швейцар, угрюмо смотрел мимо собравшихся у входа и удалялся. «Меньше чем за трёшку не пустит, – сказал кто-то из очереди девушкам, стоящим первыми. – Вы ему денежку покажите, всё будет в ажуре. А так будем мерзнуть до второго пришествия».

«Трояк с каждого или со всех?» – не поняли мы. В любом случае платить швейцару за вход не собирались, а торчать на ступеньках без ясной перспективы не позволяло достоинство.

Недовольные, прошлись вдоль окон, пнули ногой фундамент и повернули к улице Горького.

По свободной магистрали фланировал народ. Молодёжь водила хороводы, играла в ручеёк. Со скамеек Тверского бульвара и от памятника Пушкину доносилось дребезжание гитар. У здания Центрального телеграфа попали в запруду. В дни государственных праздников его украшали ярче любого в Москве. Когда пацаны во дворе говорили, что едут в центр смотреть иллюминацию, они имели в виду это место. Над угловой башней сияло число «50», под ним надпись: «Родине Октября Слава!». Ниже – в ореоле гербов союзных республик – портрет Ленина. Под ним – герб СССР с использованием глобуса вмонтированного над входом. На фасадах по бокам башни – портреты членов Политбюро, картины достижений страны за пять десятилетий. Тысячи огней световыми дорожками бежали от тротуара к крыше.

На углу с улицей Огарёва заметили кафе-стекляшку. Володька проверил в кармане пачку, и мы поднялись. Швейцара точке общепита не полагалось, свободный столик отыскивали быстро. Минут через двадцать подали меню. Пока выбирали и ожидали заказ, выкурили ещё по две сигареты. Салат «Столичный», заказанный нами, оказался салатом с майонезом, который к каждому празднику готовила мама. От домашнего он отличался курятиной, тогда как мама предпочитала колбасу. Лангет – два кусочка свинины с жареным картофелем, капустой провансаль и ягодами, похожими на чёрный виноград. Витька Соловьёв объявил, что это называется сложный гарнир, ягоды – маслины.

В «Песенке Чиполино» из сборника стихов Самуила Маршака, подаренного мне Валюшиным тестем, маслины упоминались в одном ряду с апельсинами, лимонами и плодами фигового дерева. Был уверен, что сладкие. Смело положил в рот и надкусил.

«Надо же! – недоумевал, выплёвывая в салфетку кость, обтянутую солёной шкуркой, – чуть зуб не сломал. Такое вкусное название, и такая гадость».

Лангет ножом не резался, пилили зубчиками на конце лезвия. Колька Савченко, не имея навыка, боролся дольше всех, и мы над ним подтрунивали. Наконец он озлобился, уперся в мясо вилок и энергично задвигал ножом. Кулинарный шедевр не выдержал надругательства и соскользнул с тарелки, маслины, остатки картошки и провансаль разлетелись по столу. Подали счёт. Мартынов ждал этот момент месяца. Как подгулявший купчик, он откинулся на спинку стула, театрально опустил руку

в боковой карман пиджака, извлёк двенадцать купюр и шмякнул на стол. Официант оторопел, мы притихли. После некоторых колебаний, не найдя, что ответить наглецам, официант сгрёб накопленное нами за долгий срок, демонстративно пересчитал и удалился, демонстрируя нам своё презрение.

Обычно праздничные фейерверки в Москве ограничивались двадцатью залпами, юбилею революции салютовали пятьдесят раз. Я впервые смотрел шоу с Красной площади и заразился энергией десятков тысяч человек, собравшихся на историческом месте. Каждый залп встречали гулом восторга и криками ура. К тридцатому запершило в горле, и я кричать перестал, а из-за кремлевской стены, храма Василия Блаженного и здания ГУМа продолжали вылетать огненные заряды, лопаться и с треском разлетаться на тысячи фрагментов. Переливаясь, они медленно оседали в ночном воздухе. «Цветоложе, – пришёл на ум термин из школьного курса ботаники. – Люди на площади – тычинки, салют – лепестки».

Пушки отгрохотали, над площадью поплыла ржавая гарь. По улице Разина мимо гостиницы «Россия», возведённой к праздничной дате, спустились к площади Ногина, с которой начался наш день. Шли молча. Уличные фонари на Солянке и Ульяновской улицах освещали фасады домов, в глубине тёмных окон мерцали экраны телевизоров. Меня мучила жажда и чувство вины непонятно перед кем. Думал, что хрустящая десятирублевка, смотрелась бы солиднее мятых рублей. Мартынов, наверно, досадовал, что, хлопнув пачкой об стол, забыл сказать: «Сдачи не надо». Официант её и так не принес. Кольке мерещились оливки и провансаль, которые собирал, пунцовый от стыда. Витька переживал: «Заметит мать, что пользовались её лаком или нет?»

На Тулинской улице, не доходя до Площади Ильича, заметили подозрительную компанию. Хотели обойти, но они побросали окурки, затолкали нас в подворотню, прижали к стене; обшарив пустые карманы, отпустили.

Бронзовый Ленин в сквере на Площади Ильича, заложив руки за спину, безучастно смотрел в коммунистическую даль. Два милиционера у постаментов, проводили нас взглядами.

Дома у двери ждала мама.

– Сколько ты будешь надо мной издеваться? – накинулась она на меня. – Ушёл чуть свет, а сейчас ночь! У людей праздник, а я от окна не отхожу! Говори, где был?

Сидя на стульчике, я расшнуровывал ботинки, соображая, что

ответить.

– Не молчи! – потребовал отец и ухватил за волосы, но тут же отдернул руку. – Мать, да у него вся голова пивом полита.

Мама осеклась, отец растерялся. Что им померещилось: пьяный шалман, воровской притон или того хуже, но меня оставили в покое.

«Никаким не пивом, – думал раздеваясь. – Это как её... аэрозоль. Французский лак».

В феврале следующего года мне исполнилось шестнадцать – возраст, когда подросткам выдают паспорта. Получая тёмно-зелёную книжицу, решил: на летние каникулы устраюсь на работу. В моду входили расклешённые брюки. Общественность новинку не приняла. До этого осудила узкие брюки стилияг, теперь ополчилась на широкие. Промышленность не выпускала, молодёжь заказывала их в ателье или у портных-надомников.

Первые модники реально «подметали клешами тротуар», ткань понизу лохматилась, и кто-то додумался разъединить молнию и оторочить ею края. Тотчас стальные зубчики по низу брюк сделались стильным аксессуаром. Следующее новшество – складки. Особым кроем их создавали от колен. Внутрь нашивали пуговицы или скрепляли края складок цепочками. Их количество варьировалось от одной до пяти. Малочисленные хиппи, они кучковались в скверах на Бульварном кольце, украшали клеша цветочками.

Нам в субсидии родители отказали, и мы с Мартыновым чувствовали себя изгоями. Отчаявшись, распорол по паре старых брюк и вставили клинья. Управляться с иглой и ниткой умели, в начальной школе обучили не только различным стежкам, но и ставить заплатки, штопать носки, вышивать крестиком. Но в этот раз мы обмишурились: клинья следовало вставлять с двух сторон штанины, и узкие, мы вставили с одной, и широкий. Брючины перекрутило, стрелки ушли в бок, новые не держалась. Выйти в таких днём не рискнули, вечерком разошлись «подмели Шепелюгинскую».

Моё намерение заработать на клёш Мартынов поддержал, но разделить не мог: его очередь получать паспорт наступала в октябре; раздосадованного, его отправили в лагерь.

Первый месяц лета я пробалбесничал, с июля принялся искать место. Хлебозавод на Золоторожском валу нужды в работниках не испытывал, в гастрономе на Площади Ильича, где круглогодично болталось объявление «Требуется грузчик», связываться со школьником не захотели, а в отделе

кадров вагоноремонтного завода им. Войтовича предложили должность упаковщика.

Одним из видов деятельности завода являлось изготовление уплотнительных прокладок для деталей ходовой части подвижного состава и обеспечение ими железнодорожных депо и ремонтных предприятий по всей стране. Прокладки из фибровых листов вырубали на специальных станках и доставляли на участок упаковки – мрачный закуток с грязными окнами, куда привёл меня мастер. Вокруг кучи полосок, сваленных на пол, на низких скамейках сидели работницы, у каждой на коленях фанерка. На ней они отсчитывали нужное количество изделий, перевязывали шпагатом и укладывали в ящики. Мастер представил меня коллективу, женщины потеснились, и я занял предложенную скамейку.

Нехитрое на вид занятие оказалось не без подвоха. От постоянных наклонов заныла поясница, от низкой посадки затекали ноги, от монотонного повторения чисел клонило в сон. На следующий день, найдя на территории цеха подходящий брусок, принёс его на участок и перепилил надвое. Одну половину прибил к краю фанерки, другой, отсчитав нужное количество прокладок, ограничил и тоже приколотил. Получился шаблон, в который, не считая, стал их укладывать и за короткое время выполнил дневную норму. Женщин нововведение озадачило. Когда вернулся с перекура, они предложили меня проверить. Из трёх десятков, взятых наугад пачек, ошибку нашли в одной.

– Ты, сынок, мастеру о брусках не говори, – попросила старшая.
– Задание выполнять не торопись. Собрал ящик, дальше хочешь с нами сиди, хочешь на солнышке грейся, хочешь по заводу пройдишь. В случае чего мы тебя прикроем. К концу смены доберёшь остальное и домой.

Воспользоваться моей фанеркой они отказались, предложение изготовить им такие же отвергли, и я, начиная понимать, чем их напугал, отправился на экскурсию. Разгуливая от цеха к цеху, наткнулся на пацана с Душинской улицы, он разбирает буксу колёсной пары. Дружбу с ним не водил, но встречаясь кивали друг другу.

– Какими судьбами? – поинтересовался он.

– На шмотки решил заработать. А ты?

– Менты направили. Или сто первый километр, или сюда. Косяк забьём? У меня есть.

Со словами «дурь», «шмаль» и «план» мы с Мартыновым

познакомились вскоре, как закурили, естественно, попробовали. Заводилой был Славка Аболин, мы вместе посещали футбольную секцию клуба «Крылья Советов» на Мееровском проезде. Ни я, ни Володька кайф не славили. План фуфло или организм крепкий – не разобрались, а Славка хвастал, что его торкнуло.

По пацанским понятиям за угощением должна следовать ответка. Добыть «травку» труда не составляло, её активно предлагали у кинотеатра «Факел» на углу шоссе Энтузиастов и Авиамоторной улицы. Толкачи чуть ли не за рукав хватали: «Анаша бухарская, улётная», «Слышь, малец, дурь пантовая, недорого». Главное не попасться. Облавы там случались регулярно. Оперативники в штатском растворялись в толпе, примечали банчил¹⁰. В назначенное время с Авиамоторной улицы по трамвайным путям вылетали тёмно-синие «воронки», а из проезда между гастрономами-близнецами, придерживая на бегу фуражки, милицейская группа захвата. Слышалось: «Атас!», «Шухер!» Суматоха. Крики. Заломленные руки. Помимо торгашей мели всех подряд от пятнадцати до тридцати.

Моё отсутствие на рабочем месте не осталось без внимания мастера.

– Смотрю, управляешься быстро. Молодец! – похвалил он. – Завтра поедешь груз сопровождать.

На следующее утро к двери участка подкатил бортовой «ЗИЛ», я подавал, а экспедитор укладывал ящики с подписанными адресами.

– Забирайся в кузов, – приказал мастер, когда закончили погрузку и экспедитор прыгнул на землю, – там тебе место приготовили. Ложись и не вздумай высовываться! Поднимешься, когда машина остановится и тебя позовут. Понял? За перевозку людей в кузове стали штрафовать. Не подведи водителя.

Конечно, ехать и смотреть по сторонам было бы интереснее, но лежать и ничего не делать тоже ничего. Тем более, что как только улёгся и взглянул в небо, почувствовал небывалый покой, словно голубая высь вобрала в себя все мои заботы и мысли.

«Шоссе Энтузиастов, бывший Владимирский тракт», – отметил про себя, когда машина выехала из заводских ворот и повернула в сторону Площади Ильича. С недавних пор меня стала интересовать история моего района, при случае расспрашивал сторожил, выискивал упоминания в книгах: подборка о Москве в библиотеке на Авиамоторной, стояла на видном месте.

Исстари Владимирский тракт брал начало от Рогожской заставы Камер-Коллежского вала – таможенной, затем фактической

границы города, – тянулся до Нижнего Новгорода, Казани, далее через Уральский хребет в Сибирь. По нему осуждённых отправляли на каторгу. Первое поселение на скорбном пути – Новая Андроновка, более известная, как Новая деревня. Севернее её – Анненгофская роща. По преданию, императрице Анне Иоанновне не понравился вид из Анненгофского дворца, где остановилась. За ночь, по приказу Бирона, в Сокольниках выкорчевали сотни деревьев и высадили перед окнами правительницы. Москвичи Анну Иоанновну не жаловали, не полюбили и рощу, устроив там со временем свалку. С юга к Новой деревне примыкал посёлок старообрядцев и Рогожский богадельный дом. С востока – Новоблагословенное кладбище и основанный при нём Всехсвятский единоверческий монастырь.

С приходом капитализма в Россию деловая жизнь в Москве забурлила, земляные укрепления Камер-Коллежского вала не могли сдержать индустриальный натиск, город перевалил за преграду, растёкся по уездным землям; миллионщики прибирали к рукам крестьянские наделы. Территория Новой деревни приглянулась акционерам Московско-Нижегородской железной дороги. Справа от Владимирки построили товарную станцию и Главные вагонные мастерские; слева – задымили трубы Товарищества металлургического завода Юлиана Гужона. От Новой деревни уцелела полоска земли, но и ту захватили. Спланировали улицы, переулки, застроили домами. Одну из улиц называли Новодеревенская. Дорога в посёлок старообрядцев стала Старообрядческой.

После революции Рогожскую заставу переименовали в Заставу Ильича. Главные вагонные мастерские стали заводом имени Войтовича, а Товарищество Гужона – металлургическим заводом «Серп и Молот». Новоблагословенное кладбище и Всехсвятский монастырь сравнивали с землёй, Владимирский тракт в пределах Москвы в память о политкаторжанах и ссыльных, получил название шоссе Энтузиастов.

От срытого Камер-Коллежского вала остались проложенные на его месте улицы: Рогожский вал, Золоторожский, Лефортовский. От Анненгофской рощи не осталось ничего. Смерчи над Москвой не редкость. Особенно разрушительный по свидетельству очевидца Владимира Гиляровского случился в 1904-м¹¹. Шквалистый ветер вырывал с корнем деревья, срывал крыши с домов, переворачивал экипажи; не пощадил и здание Кадетского корпуса, возведённого на месте Анненгофского дворца, начисто сбрил рощу, стерев память о нелюбимой царице и услужливом временщике.

Первые шесть лет жизни я провёл на Новодеревенской

улице, и вот уже одиннадцатый год познавал мир на углу Старообрядческой и шоссе Энтузиастов.

О том, что шоссе закончилось, оповестили трамвайные пути. Водитель «ЗИЛа», торопясь проскочить площадь Ильича на зелёный сигнал светофора, добавил газа, подпрыгнули не только ящики, досталось спине и затылку. Пока потирал ушибленные места, линия троллейбусных проводов, на которую ориентировался, отслеживая маршрут, ушла в сторону, возник купол заброшенного храма. «Площадь Прямикова, – догадался я. – Повернули к Костомаровскому мосту».

Переехав Язу, машина поползла в гору, открылся вид на Спасо-Андронников монастырь, оставшийся на противоположном берегу. Основал его митрополит Алексий. Во время паломничества в Константинополь судно, на котором плыл предстоятель, попало в шторм, и он дал обет построить на Москве собор в честь того святого, в день которого достигнет бухты Золотой Рог. День пришёлся на праздник Спаса Нерукотворного. Спасский собор монастыря – древнейшее здание города. Речушке, впадающей неподалёку в Язу, и теперь взятую в коллектор, Алексий в память о спасении дал имя Золотой Рожок. Инок обители был Андрей Рублёв.

Первая остановка – Курский вокзал. В кузове стало просторней, а перед глазами всё то же: небо, небо, облака, паутина проводов; они тянулись, разветвлялись, скрещивались и снова тянулись. По левую руку – стена домов, по правую – верхние этажи зданий. «Слава труду!», – провозглашала конструкция на крыше одного. «Планы партии – планы народа!» – извещала другая. Этот район знал хуже, но понимал: едем по Садовому кольцу. Неожиданно небо заслонила сталинская высотка, через минуту – другая. Машина въехала под путепровод, над головой грохотал состав, я закрыл глаза. Когда опасность миновала, на карнизе второго здания прочёл: «Гостиница Ленинградская».

На Казанском и Ярославском вокзалах оставили основную часть груза. Теперь «ЗИЛок» спешил налегке, притормаживал перед светофорами, трогался, набирая обороты. Мы обгоняли автомобильные краны, цистерны с горючим, фургоны с продуктами. Ближе к тротуару, касаясь проводов, ползли троллейбусы, мелькали фонарные столбы. Легковушки проносились ближе к осевой. Ничего этого я не видел, но слышал. Гудение шин, разноголосица моторов, лязганье самосвалов и громыханье прицепов сливались в единую трудовую какофонию города. Проводил глазами одну высотку, другую, задержался на строящимся здании в виде книги, и тут же, по открывшемуся простору догадался – переезжаем

Москва-реку. На Киевском вокзале сгрузил последние ящики.

Вечером, придя домой, вышел на балкон, разыскал на фоне темнеющего заката контуры гостиницы «Ленинградская» и соседнего с ней здания. Другие высотки торчали в разных частях города. Когда-то, в ожидании искусственного спутника Земли, отец показал мне крохотные красные точки – звёзды высоких башен Кремля, едва заметные, они виднелись в центре ночной панорамы. Огней за прошедшее десятилетие в столице прибавилось, но пока не отыскал их, не лёг.

С первой полочки приобрёл отрез тёмно-синего трико. Эксперименты со складками, пуговицами и цепочками к тому времени закончились. Сформировалась классика: двадцать пять сантиметров в колене, двадцать семь внизу, скос на каблук и четыре прорезных кармана: два спереди, два сзади; пояс шесть сантиметров без шлёвок. Как ни странно, обновка маме понравилась, к брюкам она прикупила две нейлоновые рубашки, дала на ботинки. Мартынов, вернувшись из лагеря, уговорил явиться к нему в обновке. Его мать смерила меня недружелюбным взглядом и отвернулась. Володька чуть не плакал, умоляя посмотреть, но она осталась непреклонна. Через две недели друг щеголял в таком же.

В ближайший выходной поехали на ВДНХ. В Политехническом музее мы записались на лекции по химии и хотели знать, чего добилась страна в этой отрасли и не найдётся ли там для нас дело. В автобусе, метро и на аллеях выставки нам казалось, что все на нас смотрят. Мартынов заглядывал мне в лицо, нёс ахинею, а глаза сияли: «Ведь хорошо, Ген! Здорово! Что может быть лучше этого дня, тебя и меня в расклёшенных брюках?»

Для получения Аттестата о среднем образовании нам предстояло сдать восемь экзаменов; первый – литература устный. К предмету относились пренебрежительно, поэтому, когда Володька предложил перед экзаменом раскатать пузырь красного, чтобы почувствовать кураж, доводов отказаться не нашёл.

В класс запустили всех одновременно. Директор школы – Людмила Владимировна Цветкова – назвала мою фамилию первой. Ответ на основной вопрос билета я знал, второй – о роли личности в истории по роману Льва Толстого «Война и мир» вызвал недоумение. Книгу с пропусками, но читал, фильм Сергея Бондарчука, а ещё раньше кино с Одри Хепбёрн в роли Наташи Ростовской, видел, но о роли личности в истории в понимании писателя ничего сказать не мог. Наверняка учительница объясняла, но мы или прогуляли урок, или

прослушали, играя в «морской бой» или во что-то другое, занимательных игр в арсенале было достаточно.

Не зная правильного ответа, начал импровизировать, превозносить «эту самую роль». Вижу, директор отодвигает стул, встает и, проходя мимо, шепчет: «Всё наоборот». Я, как флюгер, разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и начинаю «эту роль» поносить, члены комиссии одобрительно закивали головами.

В качестве дополнительного вопроса попросили назвать двух-трёх современных поэтов. Имена Роберта Рождественского, Евгения Евтушенко и Андрея Вознесенского были на слуху, и я их назвал. Тогда предложили прочесть стихотворение любого из этих авторов. По лицу поняли, что не знаю, и согласились послушать чьё угодно, но нашего современника. Поинтересовался: «Высоцкий подойдет?». Комиссия зашикала. Выручил Маршак. Он умер в 64-м, и по моим понятиям подходил под требуемое определение. Комиссия снизошла. Читать «Вересковый мёд» не решился, обнажать душу перед классом... В голове замелькали «Мистер Твистер бывший министр», «Неизвестный», которого «ищут пожарные, ищет милиция», но портвейн красный крепкий подсказал иное. Начал уверенно с выражением, Мария Васильевна, думаю, осталась бы довольна. «Собирались лодыри на урок, а попали лодыри на каток». Члены комиссии упали головами на стол.

Результаты испытаний после последнего экзаменуемого озвучил учитель литературы. Объявив оценки, подвёл итог:

– Это ваш первый экзамен. Экзамен сложный, трудный. Вы его выдержали! Кто-то показал себя лучше, чем мы ожидали, кто-то разочаровал. Это волнение. Это понятно. Комиссии очень понравился ответ Вахрамеева. Он был первый. Кажется, какая ответственность. Первый! А вспомните, как он держался: легко, непринужденно...

Дальше не слышал. Володька Мартынов, давась от смеха, шептал в ухо: – Прими стакан, тебе тоже будет «легко и непринужденно».

Перед экзаменом по географии опыт повторили, но нас промариновали два часа, спрашивали последними. Подозреваю, что на экзамене по литературе, проходя мимо, директриса почувствовала запах и предупредила географичку. Когда та меня вызвала, апатично тыкал указкой в карту, показывал Куйбышевское водохранилище, Горьковскую и Волжские гидроэлектростанции.

Выпускной прошёл буднично. Из напитков на столах лишь кувшины с разведённым вареньем и лимонад, но мы позаботились о себе ещё утром. Перелили содержимое двух бутылок в грелку и днём пронесли её в школу, поместили в сливной бочок в туалете.

На танцевальном вечере в школе на Шепелюгинской старшая пионервожатая не отважилась поставить твист, хотя Никиту Хрущёва к тому времени сняли, и гонения на пляску «секты трясун» прекратились. А вот парни из вокально-инструментального ансамбля, приглашённого на выпускной, не побоялись отжечь шейк, пришедший ему на смену.

За полгода до этого Мартынов выпросил у отца на подарок матери рубль, и мы поехали на улицу Горького в студию звукозаписи, где за эти деньги можно было записать на гибкую пластинку песню любого советского исполнителя и даже некоторых западных. Проговорив в микрофон слова поздравления матери, Мартынов выбрал «Хиппи Хиппи шейк» группы «Свингин Блю Джинс». Мы заездили пластинку до дыр, репетируя танец. Кульминационным был момент, когда я брал его руками за шею, подпрыгивал и обхватывал ногами за талию, после чего отпускал руки и откидывался назад, продолжая конвульсивно дёргаться. Отклонив корпус, Мартынов повторял движения. Первое публичное исполнение состоялось на выпускном.

Естественно, после такого выброса энергии требовалось её восполнить, довольные, направились в туалет и застали там незнакомого мужика. Тряпкой он собирал с пола воду, отжимал в унитаз. Видимо, кто-то из нас в предыдущее посещение неаккуратно сунул грелку в бачок, нарушив механизм подачи воды. Она наполнила ёмкость, перелилась через край, затопила пол и капающим пятном проступила на потолке квартиры директора. Та жила при школе. Ничего не оставалось как посочувствовать мужику и убраться.

Ночью катались на речном трамвайчике по Москва-реке, наблюдали смену часовых у мавзолея, слушали бой курантов. Домой возвращались под утро. Оставив тротуар, шли по мостовой. Свободные от машин улицы казались необычайно широкими, непохожими на себя. «Не обманули учителя, – вспомнили их напутствия при вручении аттестатов. – Все дороги перед нами открыты!»

ВЫБОР

Дискуссия, кто важнее для общества «физики» или «лирики», завершилась в конце 60-х. Портреты Эйнштейна и Ландау потеснили в квартирах москвичей Толстого и Хемингуэя. Мы с Мартыновым разделяли успех сторонников технического прогресса, увлекались научной фантастикой, паяли транзисторные приемники, засматривались фильмами «Иду на грозу» и «Девять дней одного года». Но чётких предпочтений, кем стать, у меня не было, ясно, что учёным, но каким? Прилежанием я не отличался, с физикой возникли проблемы, математика и химия давались легко, поэтому поддался на уговоры друга и подал заявление в Московский химико-технологический институт имени Д.И. Менделеева. Мартынов поступил, а мне не хватило баллов. Подростковое самомнение получило удар. Впереди маячила армия, до неё восемь месяцев пустоты.

Узнав о моей неудаче, Склярская Люся – дочь Наума Матвеевича, чьей библиотекой пользовался раньше, – обратила внимание на Московский вечерний металлургический институт, где требования к абитуриентам были ниже. Я забрал результаты экзаменов с Миусской площади и перенёс на Лефортовский вал. Их приняли, но так как ВУЗ предназначался для обучения рабочей молодёжи без отрыва от производства, потребовали справку с места работы. Узнав, что я вчерашний школьник, направили в отдел кадров завода «Серп и Молот», учиться требовалось по специальности. Мне было безразлично, недобитое самомнение нашёптывало: «Этот институт и эта работа – ненастоящие. Промучись год и переведёшься в МХТИ». Чёрную металлургию как профессию я не рассматривал.

«Гужон» (так по имени основателя продолжали называть завод «Серп и Молот» в народе) испытывал дефицит кадров постоянно и по всем специальностям. Из предложенного на выбор, предпочёл мартеновский цех, кирпичная труба которого маячила над местностью, где мы жили. К печи меня поставить не могли, до совершеннолетия оставалось пять месяцев, определили учеником слесаря по ремонту оборудования. В кладовке выдали новенькую спецовку, пару рукавиц, ботинки из грубой кожи; на плечо повесили холщовую сумку, куда сложил инструмент. В таком виде в октябре 69-го предстал перед членами бригады. В заношенной одежде, с потемневшими от копоты лицами они походили на угрюмых ветеранов, хотя старшему не было и пятидесяти пяти. Горячее производство не красило.

Коллектив отвечал за работоспособность механического

оборудования цеха. Моими наставниками поочередно становились: бригадир Сергей Васильевич Тараскин, балагур и пьяница Коля Горбачёв, правдоискатель Толя Холдин, газорезчик Нил, фронтовик и дамский угодник Михаил Илларионович Парфенов. С одним разбирал ролики транспортера на скиповом подъемнике, с другим менял сальники в редукторах на участке охлаждения слитков, с третьим ликвидировал трещины и каверны на подкрановых путях. Детство и юность большинства из них пришлись на предвоенные и военные годы, образование 5–7 классов, редко у кого ремесленное училище. Знания им заменял опыт, развлечения – игра в домино, досуг – поход на троих. Меня не обижали, отстраняли от опасной работы, хотя я рвался, вольные на язык в моём присутствии сдерживались, не соблазняли выпивкой, когда не хватало третьего. Без нотаций и поучений они преподали мне урок добросовестного отношения к труду, привили чувство ответственности за порученное дело. Чураясь промасленной ветоши, шамотной пыли, лязга подвижного состава и жара мартена, подростковое самомнение никло и скукоживалось.

Юного слесаря заметили: девушка из экспресс-лаборатории, узнав, что я «несоюзная молодежь» предложила вступить в комсомол, табельщик – он отвечал за спорт – пригласил на каток, первенство завода по хоккею начиналось в декабре. На игру с командой сталепроволочного цеха меня собирали всей бригадой: Михаил Илларионович Парфенов наточил коньки, Коля Горбачёв обмотал изоляционной лентой рукоять и крюк клюшки.

Стадион «Металлург» на левом берегу Яузы, как у многих крупных предприятий города, собственный: футбольное поле, волейбольные и баскетбольные площадки, хоккейная коробка и административное здание, где участникам соревнований выдавали спортивную форму. Рейтузы, свитер и трусы мне достались впору, а нагрудник с пластиковыми накладками на плечи – с Ильи Муромца. Его следовало утянуть, для чего имелась шнуровка, но табельщик звал на раскатку, и я поспешил, поправляя накладку, спадающие на грудь.

Что заводской спорт грубый, знал по опыту, участвуя за год до этого в первенстве завода имени Войтовича по футболу, где подрабатывал упаковщиком. Правило: «Водочки для обводочки, пивка для рывка, а кваса для точного паса» соблюдали многие. Плохо координированные, физически крепкие и бесцеремонные – для них игрок команды соперника, как красная тряпка, – неслись с трёх сторон; даже если вовремя успевал избавиться от снаряда, не спасало от жёсткого стыка. В первом же

периоде в меня врезался детина. Со льда поднялся быстро и продолжил борьбу, но, когда сменился, понял: с левой рукой непорядок. В медпункте на первом этаже административного здания явных повреждений не нашли, посоветовали обратиться в травматологию на Энергетической улице. Там сделали рентген и диагностировали перелом ключицы. Удар пришёлся в накладку из затвердевшего пластика. Обездвиженную руку согнули в локте и прижали к телу. Через двадцать минут от плеча до пояса я был закован в панцирь. Правая рука осталась свободна, кисть левой торчала из гипса ниже рёбер.

- Повязка называется Дезо, - объяснил врач, делая запись в журнале. - Я сообщу о случившемся в районную поликлинику, завтра тебя навесвят. А пока посиди в коридоре, подсохнет, можешь идти.

Одеваться помогала медсестра, кроме свитера на гипс ничего не налезло. Она с трудом стянула на мне полы пальто, застегнула верхнюю и нижнюю пуговицы; пустой рукав сунула в карман. Зная, что мама у окна просмотрела глаза, нахлобучил шапку и вышел на улицу.

Вдоль Энергетической желтели фонари. Поразмыслив до какой остановки ближе, кивнул любопытной луне, проглянувшей из-за облаков, и поплёлся в сторону Авиамоторной, снег скрипел под ногами.

- У него жар, - проснулся, услышав мужской голос. - В доме у кого-нибудь есть телефон?

- Есть. У Склярских в третьей квартире, - ответила мама.

- Вызову «неотложку». Страшного ничего не случилось, но произошло смещение, рентгена не надо, так видно, - врач пальцем провел по ключице. - Декольте, спортсмен, тебе не носить, - пошутил он, заметив, что я открыл глаза, - но, если криво срастется, будет нехорошо. И прогулка в сыром гипсе не пошла на пользу, надо исключить воспаление лёгких.

В палате Бауманской больницы на Госпитальном валу я провалялся с месяц, пропустил зачетную неделю и часть сессии. О том, что выгонят, не жалел. «Травмой отмажусь от весеннего призыва, - строил планы, лёжа на вытяжке, - за лето подготовлюсь и поступлю в Менделеевский». Но меня не исключили. Не знаю, кто надоумил, наверное, Склярская Люся, мама наведальась в институт. В деканате её огорошили: проект приказа об отчислении направлен на рассмотрение ректору, она заспешила к нему.

- Он меня принял, - довольная, рассказывала она, - удивился,

что мать интересуется учёбой сына. «Институт не школа, – говорит, – здесь родительских собраний не бывает. В моей практике это первый случай». А я ему: «Он в хоккей играл, честь завода защищал, а вы его за дверь». Он позвонил кому-то, успокоил: «Хорошо! Выздоровеет, справку о болезни принесет, мы ему академический отпуск оформим».

Новость огорчила, поблажка привязывала к постылому ВУЗу, лишала попытки воссоединится с Мартыновым, но пойти супротив не посмел.

Полученная травма ничему не научила, на майские праздники вышел против таких же футболистов. Борьба плечо в плечо и неокрепшая хрящевая мозоль дала трещину. Отец эмоций не выказал, а мама считала дни, когда меня призовут, академический отпуск лишал иммунитета от армии. А тут снова Дезо, больничный лист, двухмесячное сидение на её шее. Посвятив себя воспитанию троих сыновей, она только-только раскрепостилась, устроилась на работу, старалась улучшить наш быт, заработать пенсию, накопить на старость. Однорукий лоботряс путал планы. Я чувствовал её настроение, потаскал гипс дней двадцать, и, уговорив врача снять, явился в военкомат. Провожали от Дворца культуры завода «Серп и Молот». Плач матерей, напутствия отцов и старших братьев потонули в звуках «Прощания славянки» заводского оркестра.

В тот же вечер забор Военной авиационных школы механиков на Юго-Западе Москвы отгородил меня от привычного мира. Армейский принцип: «Приказ начальника – закон для подчиненного», ограничил волю. Правило: «Не умеешь – научим, не хочешь – заставим» вступило в действие. Занятия на плацу и в учебных классах, уход за оружием, физическая подготовка и политинформации заполнили дни. Самая желанная команда «отбой», ненавистная: «подъём». Радостное событие в сутках – приём пищи, на неделе – баня, в месяце – получение денежного довольствия. Безрадостные – наряды в очередь, когда провинишься – вне очереди: дежурство по кухне и роте, караул, уборка территории.

Исподволь родились понятия «там» и «тут», «тогда» и «сейчас», запустился механизм переоценки ценностей. Началось с пустяков. Лишний кусок хлеба доступный на гражданке, здесь стал недостижим, время приёма пищи ограничено 7-10 минутами, сон – 8 часами, а через 45 секунд после команды подъём надо стоять в строю одетым, готовым к выполнению приказа. Мамины разносолы, застольные беседы у Бурмистровых, сладкая полудрёма по утрам и бесцельные мечтания на диване выросли в цене. Следом стало меняться отношение к источнику этих

благ и в первую очередь к родителям. За каждым поступком отца и матери проступили участие, самоотречение, любовь, не замечаемые прежде. Видения вызвали ответные чувства. Тёплые и нежные, они мучали, не находя применения. Дальше – больше, благо армия с её отлаженным механизмом избавила от забот, за шесть месяцев переосмыслил многое.

После школы – авиационный полк на окраине села Саваслейка в Горьковской области. Аэродром и самолёты на полтора года определили бытие. К привычным нарядам добавились охрана знамени, патруль, дежурство на КПП, хозяйственные работы. «Зачем тебе бульдозер? – шутили «счастливчики», отправляясь на ночную разгрузку угля, – возьми двух солдат».

Уголь в часть поступал в открытых полувагонах и хопперах. Летом – гребни лопатой и радуйся, антрацитовая пыль на коже и в лёгких заботила мало. Но зимой – это шестидесяти тонный монолит. Лом для него, что булавка для колки наледи на взлётной полосе. Редкая удача, если справлялись до рассвета, но бессонная ночь и физическая усталость не повод прилечь на кровать. До конца дня маялись по казарме, кемарили на стульях в Ленинской комнате, дремали в курилке.

Наряд на рытьё траншеи по сравнению с зимней разгрузкой угля – оздоровительная прогулка. Десять погонных метров на штык лопаты шириной и три штыка глубиной вдоль опушки леса давались играючи. Закончив, углублялся в чашу, валился на траву и наблюдал, как сосны верхушками метут по небу облака.

Как-то после лесного моциона и команды отбой, вытянулся на койке. С запахом гуталина, портянок и испарений солдат свыкся давно, к писку комаров привыкнуть не мог, укрылся с головой, оставив отдушину. Лежал, вспоминая школьных товарищей, их отношение ко мне, моё к ним. Представил отца за рулем автобуса, где-то на полпути от Таганки в Перово¹², маму у телевизора, братьев: Валюшу, Володю, пустынную в этот час Красную площадь. Всё на местах: «Двадцать восьмой», памятник Ленину на Площади Ильича, берёзка у дома. На тёмной карте Родины зажегся огонёк – я в глуши муромских лесов, а за сотни километров зарево – Москва, мой мир. Он существует отдельно, независимо от меня.

«Ничего, скоро туда вернусь, – сладкая истома растеклась по телу. – А если нет? Он продолжится, а меня в нём не будет. Как сейчас». Осознание, что в будущем назначен миг, когда жизнь прервётся, потрясло очевидностью. «В календаре затаился месяц, в нём число, на часах минута и секунда, которые не преодолею. Девятнадцать раз проскакивал, перескачу в

тридцать, возможно в пятьдесят, а в какой-то момент споткнусь. И это неизбежно произойдёт. И не с кем-нибудь – со мной! И я не смогу этому помешать!»

Исчезла казарма, смрад. Вереницей промелькнули детские фотографии. Светлое пятно над головой, куда они унеслись, неумолимо сжималось, пока не исчезло совсем. Обступила тьма – предвестник беды, из подсознания выбрался страх. Сплёнатым я погружался на дно Марианской впадины.

«Для чего всё было? Спорт, школа, мечты? Я – вершина цивилизации, плоть от плоти королевских мушкетеров и рыцарей Круглого стола, ратник в дружине Александра Невского и артиллерист в дыму Багратионовых флешей, матрос с «Корейца» на рейде Чемульпо и стрелок-радист в кабине штурмовика. Я – умру?! И не узнаю, чем это закончится...»

Вскипело чувство несправедливости. Хотелось выть, бить ногами, рвать путы. Сколько длился кошмар не знаю. Я вынырнул и оторопело огляделся. Дневальный дремал на табурете, сосед сопел, комар звенел у лица. С трепетом подумал о смерти, но жути не возникло. «Да, умру, я знаю, но воспринимаю спокойно. Откуда тогда этот ужас, это испепеляющее чувство несправедливости?»

Подобное повторялись несколько раз. После каждого случая в душе поднималась муть, к утру она оседала. Я свыкся с ней, как с лишними килограммами, не сразу осознав, что чужеродный груз лишил способности мечтать. Я перестал ощущать себя счастливым.

Ответы на произошедшее пытался отыскать в книгах; по психологии не помогли, переключился на философские. Учения античных авторов и их западноевропейских коллег в гарнизонной библиотеке были представлены в изложении советских интерпретаторов, Карла Маркса и Фридриха Энгельса – в полном объёме. Увлёкся марксизмом. Попросил брата Валентина подписаться на сочинения Ленина, изучил Устав и Программу КПСС и стал кандидатом в члены партии.

Размышляя над положением Гегеля: «Всё действительно разумно, а всё разумное действительно» разработал свод личных правил, которые назвал «диктатура воли». Тезис Маркса «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» воспринял как руководство к действию. На первом же партийном собрании выступил с критикой недавно назначенного замполита полка, не отвечающему на мой взгляд высокому званию «комиссара». Молва об оплеухе высокому начальнику облетела офицеров всех

подразделений. Одни смотрели на меня с интересом, другие с усмешкой.

Капитан Бочарников из технико-эксплуатационной части разыскал меня в казарме и пригласил к себе на квартиру. Его жена (по личной инициативе) читала нам лекции о классической музыке, приносила пластинки, знакомила с лучшими образцами.

Неслужебные посещения солдатами домов офицерского состава в полку не приветствовались. Мой непосредственный командир, выслушав просьбу, пожал плечами, но отпустил. Беседа с Бочарниковым длилась два часа. Доискавшись до причин, побудивших меня к публичному выпадку, он поделился мыслями, далёкими от расхожих. Разговор на равных польстил, поэтому совет: «Не мочись против ветра», – данный им при прощании, показался неуместным. Юношеский максимализм не позволил тогда осознать, что офицер желал мне добра и предупреждение продиктовано не его грубостью или неуважением, а личным опытом. По должности, деловым качествам и выслуге лет ему давно полагались пагоны майора, он же прозябал в капитанах.

Подчиняясь «диктатуре воли», казарменный досуг посвятил самообразованию. Из триединой задачи построения бесклассового общества увлекло «воспитание нового человека». Всерьёз подумывал о философском факультете МГУ, но нерадение в школе и льгота, выхлопотанная мамой, перевесили. «Создание материально-технической базы, – тоже достойная цель. Трудился же Валентин начальником цеха на оборонном предприятии, я буду – на «Серпе». Металл – хлеб индустрии».

Демобилизовавшись, вернулся на завод, восстановился в институте. Днём работал, по вечерам посещал лекции. В напряженном графике прошло полтора года. Как-то между парами ко мне подошёл парень чуть старше меня, модно одетый.

– Пушкин, – представился он, – Владимир. Работаю на кафедре «Теплотехника и автоматизация металлургических печей». Мне поручил поговорить с тобой доцент Зеньковский.

Парень рассказал, что несколько месяцев назад окончил институт и готовится в аспирантуру. Тема его дипломной работы – установка по изучению лучистого теплообмена в газовой среде. Её создание и проведение на ней экспериментов позволит уточнить данные по переносу тепловой энергии в печной атмосфере, что в конечном итоге приведёт к снижению расхода топлива. Экономический эффект по стране ожидается огромный. На кафедре образована научная группа, в которую помимо него входят Зеньковский и Анатолий Иванович Зюльков

- мой преподаватель математики. Он, собственно, меня и рекомендовал.

- На монтаж и опыты, - рисовал перспективу Пушкин, - уйдёт три-четыре года. Полученных данных хватит не на одну диссертацию. Я защищаюсь первым, ты к тому времени окончишь институт, защитишься следом. В будущем преподавательская деятельность, занятия наукой. Подумай, такие предложения второкурсникам делают не часто.

За год до этого в парткоме завода «Серп и Молот» мне предлагали рабочую путёвку на подготовительные курсы в МГИМО с последующим зачислением на первый курс, но я остался верен выбранному пути, а Пушкину отказать не смог, накопились сомнения. Казарма - как парник, выращенные под её защитой убеждения в открытом грунте приживались слабо, видоизменялись, не давая ожидаемого плода. Идеалистически настроенный, я наступал на грабли, разбросанные повсюду. Коммунизм строили с трибун.

Я любил завод, прикипел к цеху. Мне нравилось, находясь на верхней площадке, наблюдать, как загрузочные машины короткими хоботами подцепляли мульды с шихтой, спешили к завалочным окнам; как злые языки пламени облизывали кабину машиниста; как сталевары один за другим подхватывали лопатами ферросплавы и, выбросив далеко вперед руку с зажатым в ней черенком, швыряли добавки в ванну. И тут же, защищаясь рукой от ожога, всматривались через затемнённые стёкла туда, где гудел огненный факел, булькала кипящая сталь. С подкрановых путей нижней площадки следил, как вскрывают лётку. Вырвавшись на свободу, металл - в огне и искрах - устремлялся по жёлобу в ковш. Бурые клубы дыма и плавильной пыли поднимались со дна. Цех наполнялся запахом гари, серы и ещё чего-то грандиозного. Мостовой кран с трудом отрывал ковш от земли. Он медленно плыл над цехом, зависал над составом с изложницами, и труд тысяч москвичей воплощался в слитки высоколегированной стали. Пройдя обработку на прокатных станах, в кузнечно-прессовых и штамповочных цехах машиностроительных заводов, она становилась тракторами, танкерами, мостами и перьями для поэтов. Героический баритон Муслима Магомаева, исполняющего «Песню сталеваров» Холминова и Кобзева, в конце смены звучал над главной проходной.

Пафос созидания я променял на тихий подвал в доме № 26 на Лефортовском валу. Польстило, что заметили, выделили из потока, произвели в инженеры. «Занятие наукой» особенно не обрадовало, не чувствовал, что готов, но не об этом ли мечтали

с Володькой Мартыновым?

В Л А Д И М И Р П У Ш К И Н

Кафедру «Теплотехника и автоматизация металлургических печей» возглавлял профессор Ващенко – высокий нескладный старик с кроткими голубыми глазами. Образование, надо полагать, он получил в царской России и внешне сохранял облик тех профессоров и приват-доцентов, у которых учился, даже летом ходил в макинтоше и шляпе, а в слякоть и дождь – в калошах и зонтиком-тростью в руке; любил, чтобы его навещали дома.

– К Александру Ивановичу студент, – слышал за спиной шёпот домашних, когда впервые переступил порог его квартиры.

– А-а э-т-о вы-ы, – дребезжающим голосом поприветствовал он меня, сидя за столом, – проходите, присаживайтесь.

Его старческая манера растягивать слова меня раздражала, я бессовестно прогуливал его лекции, чем заслужил честь сдавать зачёт ему дома. «Я к вам приходил, – заучено повторял Ващенко, – теперь будьте любезны вы ко мне».

Единственное слово, которое он произносил чётко, было слово «алло». Я несколько раз попадался. Звоню ему на квартиру, чтобы договорится о встрече, в трубке молодое звонкое «алло». Думаю, наверное, внук, прошу: «Пригласи, пожалуйста, Александра Ивановича». В ответ: «Э-э-то-о я-а-а».

Промышленные печи, которыми занимались на кафедре, предназначались для тепловой обработки металла. Условно их можно было поделить на две группы: факельные и электрические, приблизительно так же делились сотрудники. Андрей Георгиевич Зеньковский – приверженец прямого горения, возглавлял группу единомышленников, в число которых входил Пушкин и поневоле я; Леонид Александрович Шульц продвигал электрические и имел своих сторонников. Среди аспирантов и младшего научного персонала утвердилось мнение: тот из оппонентов, кто первым защитит докторскую диссертацию, сместит Ващенко с поста. Это удалось Зеньковскому, научный работник на глазах трансформировался в администратора.

Наше сближение с Пушкиным произошло стремительно. Днём монтировали установку, свободные вечера проводили в Лужниках или на «Динамо», он болел за ЦСКА, я за «Торпедо»; посещали выездные спектакли Театра драмы и комедии на Таганке во Дворце культуры завода «Серп и Молот». Одно

время в мартеновском цехе я отвечал за культурно-массовую работу, наладил связь с заводским ДК, билеты на знаменитую Таганку приобретал без ограничений. Радостью делился, приглашал друзей, двоюродную сестру Ольгу Коротееву с мужем Константином Ефетовым¹³, теперь и Пушкина. Расставание с заводом на взаимоотношения с администрацией ДК не сказалось.

Эпический театр Бертольда Брехта, последователем которого был Юрий Любимов, меня покорила. Здесь не стремились убедить зрителей, что отображают действительность, разрушали условности. Высоцкий в подобных обстоятельствах смотрелся органично, и в роли безработного летчика Янг Суна в «Добром человеке из Сезуана», поэта Семёна Гудзенко и Чаплина-Гитлера в «Павших и живых». Неточности в игре пропускал, ожидая от него песен и забывал обо всём, когда они звучали. Но роль Хлопуши в «Пугачеве», решённая Любимовым в традициях Станиславского, требовала от артиста иного. При минимуме декораций, отсутствии исторического костюма и характерного грима, ему требовалось убедить зал, что перед ними каторжанин, подсланный к самозванцу убийца. В игре Высоцкого было всё: безошибочно расставленные акценты, страсть, рвущийся голос, протянутые в мольбе руки, но «мальчика-шута» не было, не было и песен.

Полученные до армии травмы вынудили меня отказаться от контактного спорта, футболу и хоккею предпочёл волейбол. Пушкин наблюдал за мной со скамьи спортивного зала. В свою очередь я расхаживал вдоль футбольного газона, пытаюсь докричаться до центрфорварда с поставленным ударом, которого он исполнял.

Умственный потенциал моего наставника сомнений не вызывал, равных в общительности не было. Ему с удовольствием жали руку заведующие кафедр и работники стеклодувной мастерской, техники-литейщики и проректор по научной работе.

Замена спецовки на костюм заставила меня подсобратиться. Знакомясь с доцентами и профессорами, старался понять, чем живы, подмечал характерные черты, угадывал намеренья. Выводами, случалось, делился с Пушкиным. Они его заинтересовали. Устав обсуждать степень непрозрачности печной атмосферы, мы выбирались из подвала, гуляли по Лефортово и непременно скатывались на личности. «Что думаешь о том?», «Почему изменилось поведение этого?». Я как мог объяснял, мина озадаченности не сходила с лица приятеля. Создавалось впечатление, что та сторона, с которой их видел я, была ему неизвестна.

Как-то мы обсуждали конструкцию нестандартной кюветы для инфракрасного спектрометра, неожиданно в лабораторию вбежал аспирант.

- Книги выбрасывают! - прокричал он, сваливая на стол фолианты. - Во дворе целая куча! Машину ждут! Приедет, погрузят и увезут! Идите быстрее! Там такое...

Мы с Пушкиным, как по команде вскочили, схватили пальто, шапки и, одеваясь на ходу, выбежали из подвала. Зрелище на институтском дворе напоминало картину Василия Верещагина «Апофеоз войны», только вместо черепов - гора книг, и не вороны, а люди спешили к ней, рылись на её склонах.

Библиотека Московского вечернего металлургического института мало чем отличалась от сотен подобных в Москве. На видном месте труды классиков марксизма-ленинизма, материалы очередного съезда КПСС, брошюры с речами Генерального секретаря. За обязательной экспозицией учебная и научная литература. Библиотечные фонды пополнялись ежемесячно. Когда на полках не осталось места, книги стали складировать в подсобных помещениях, на антресолях, в проходах. Исчерпав ресурс, устаревшую и маловостребованную литературу, списали; её и выбросили. Техническая никого не интересовала, а вот маловостребованная... Ходили слухи, что при создании института в 1930-м основу библиотеки составили книги прежнего владельца завода «Серп и Молот» Юлия Гужона. На них и развернулась охота.

Пушкину повезло, он раскопал том Малого энциклопедического словаря «Брокгауза и Эфрона», о чём громогласно оповестил старателей. По молчаливому согласию всех, тома из собрания, кто бы ни нашёл, переходили в собственность первого, заявившего на него права. Через двадцать минут Пушкин стал обладателем уникального комплекта.

Мне из книг фабриканта достались сочинения Белинского, а из советского времени - Техническая энциклопедия и Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова, четыре увесистых тома, изданных накануне войны. Прежде толковых словарей у меня не было, читал как художественную литературу, удивляясь, как знакомые с детства слова в трактовке авторов принимали необычайно внятную форму. Подтрунивал над собой: «Эх, зачем я не учился прежде! Я бы всё это уже знал». Тогда же сделал «открытие»: все книги русских писателей собраны здесь под толстыми коленкоровыми обложками. Требуется только отыскать нужные слова и правильно расставить. Гипотезу подтвердил на практике.

ЕЩЁ – до сих пор; **ЖИВ, ЖИВА** – такой, который живет; **И** – соединительный союз; **МОЯ** – та, которая в данный момент является предметом обсуждения; **ПРИВЕТ** – обращение, доброе пожелание, выражение сочувственного отношения;

СТАРУШКА – женщина, достигшая старости;

ТЫ, ТЕБЕ – личное местоимение, употребляется при обращении к близкому человеку;

Я – личное местоимение, служит для обозначения говорящим самого себя.

Получилось: «Ты жива ещё моя старушка, жив и я, привет тебе, привет». Романс Василия Липатова на слова Сергея Есенина переживал второе рождение, проникновенный голос Николая Сличенко звучал из радиоприёмника.

Следующее «открытие» поразило стократ сильнее: «Здесь не только изданные книги, но и те, которым предстоит быть написанными». Мысль, что и моё будущее сочинение может таиться на этих страницах вызвала восторг.

Жил Пушкин в подмосковной Лобне, тратя на дорогу четыре часа ежедневно. Бабушка и мать не находили себе места, пока поздно вечером он не появлялся в дверях. Даже облезлый кот Череп выходил встречать, как бы невзначай задевая хвостом хозяина. Любимый и обласканный Пушкин тем не менее избегал недостатков однобокого воспитания. Его отец – полковник авиации – умер рано, Владимир показывал его фотографию; в кителе военного образца тот сидел в рабочем кабинете, причёской напоминая маршала Шапошникова.

– А вы имеете какое-нибудь отношение к Поэту? – Я не мог не задать этот вопрос. У Пушкина были тёмные, жёсткие волосы, которые он коротко стриг, и смуглая кожа. В полковнике африканские черты не просматривались.

– По прямой – нет. Но где-то есть общий пращур. Все Пушкины родственники.

Весной 74-го Владимира призвали в армию. По действующему законодательству он был обязаны отслужить два года офицером или год рядовым. От лейтенантских погон Пушкин отказался. Зная по себе, как приятно в разлуке получать весточки от друзей, писал ему регулярно, ко дню рождения отправил денежный перевод – 4 рубля 12 копеек: стоимость бутылки водки «Экстра», самой дорогой из доступных. На сопроводительном извещении нацарапал: «Атарвал ат сердца».

Монтаж установки к тому времени застопорился. Отсутствовал главный элемент – инфракрасный спектрометр. Прибор прибыл, когда срок армейской службы приятеля подходил к концу. Событие нашло отражение в переписке.

Моим наставником в отсутствие Пушкина стал преподаватель математики Зюльков, с ним осваивал ЭВМ (электронно-вычислительную машину). На курсы повышения квалификации, куда направили Анатолия Ивановича, он приглашал меня. Там изучил Алгол – язык программирования.

БЭСМ-4 – Большая (или Быстродействующая) электронно-счетная машина была построена по блочному принципу, размещалась в металлических шкафах и занимала площадь 60 кв.м. Пульт управления походил на пианино с кнопками вместо клавиш и сигнальными лампочками на передней стенке. Носитель информации – перфокарта из тонкого картона; исходные данные на ней в виде отверстий набивались вручную на специальном устройстве.

Час работы на ЭВМ стоил дорого, ночью и в выходные дешевле. Институт арендовал машинное время в вычислительном центре у станции метро «Первомайская». В воскресенье вечером мы встречались с Зюльковым в зале управления, он загружал колоду перфокарт в приёмное устройство и уходил, я оставался, вносил корректировки, перезапускал программу, если случался сбой. Вся работа – вовремя нажать кнопку, ввести дополнительные данные, забрать результат. Самое сложное не пропустить момент, устройство сигнализировало о нём загоревшейся или наоборот потухшей лампочкой. Когда волевыми усилиями бороться со сном не оставалось, делал физические упражнения, прогуливался по машинному залу, где промышленные магнитофоны мотали ленту, а в наглухо закрытых шкафах гудело и пощелкивало. Большинство писем в армию написаны в такие ночи.

Как-то ещё до призыва, задал Пушкину вопрос: почему ты предпочёл металлургический институт любому другому? Твои возможности гораздо выше. В ответ он процитировал Цезаря: «Лучше быть первым в последней галльской деревушке, чем последним в Риме». В отличие от меня Пушкин знал, чего хочет. Уверенный, что каждое его действие должно приносить дивиденды – фактическую или моральную прибыль, – он ставил перед собой задачи и решал их. Даже год службы, что для большинства молодых людей, расценивалось как потеря, использовал с выгодой.

КПСС в то время – полузакрытая организация. Толя Холдин –

слесарь мартеновского цеха, не стесняясь, называл партийный билет «хлебная книжка» и горячился, не умея это доказать. В наших словесных баталиях в мастерской справлялся с ним одной левой, но удовлетворения не получал. Молчаливые члены бригады, сидя на скамье и пуская табачный дым себе под ноги, были на его стороне.

Действительно, получить повышение по службе и соответственно высокую зарплату без партийного билета было сложно. Его наличие учитывалось при распределении жилплощади, садовых участков, автомобилей, путёвок в санаторий. Граждане это понимали и писали заявления о приёме, чтобы не быть ущемлёнными.

Исторически КПСС позиционировала себя как партия рабочих и крестьян, но к началу 70-х суммарная их численность едва превышала 50%. Ещё немного и партия победившего пролетариата вырождается в партию чиновников и служащих. Реформаторы со Старой площади¹⁴ допустить этого не могли и ввели негласные ограничения: рабочих, тружеников села и воинов Советской Армии принимать, для остальных установили квоты. Институту их не выделяли. Пушкин это знал и вернулся из армии кандидатом в члены КПСС. Свои приоритеты не скрывал: защита диссертации, вхождение в сообщество молодых интеллектуалов посредством членства в Доме ученых, стажировка за границей, что для того времени редкость, и поиск источника дефицита.

Роль денег в процессе обмена товарами к тому времени ослабла. В дефиците практически всё. И если где-то, как тогда говорили, что-то «выбрасывали» – очередь выстраивалась от прилавка магазина через торговый зал на улицу и пятнадцать-двадцать метров вдоль фасадов домов. Первый вопрос, который задавал запыхавшийся гражданин, завидя хвост очереди: «Кто последний?» Затем уже: «Что дают?» Работники торговли образовали некое сообщество, перераспределяя товары повышенного спроса между собой и нужными людьми. Дефицит, всё равно какой, открывал доступ к другому дефициту. Из моих знакомых Пушкин понял это первым.

Вскоре ему подвернулся великовозрастный студент, он занимал руководящую должность, не имея высшего образования. Учиться в силу обстоятельств не мог, и Пушкин взял над ним шефство: чертил эпюры, выполнял курсовые, договаривался с преподавателями о снисхождении. Взамен получал спирт – универсальную для русского валюту: рубли, доллары и фунты стерлингов одновременно. В одночасье у Пушкина появились расклешённые джинсы и джинсовая куртка, чёрная «водолазка»

и пластиковый «дипломат». Он заделался самым модным сотрудником института, ходил, подшучивая над нашими брюками фабрики «Большевичка», ботинками «Парижская коммуна».

Но Пушкин расходовал сырьё не только на личные цели, обменивал на услуги третьих лиц и детали к установке, а в праздничные дни разбавлял водой, и мы употребляли его по прямому назначению. Общительный и компанейский, Пушкин любил вечеринки, созывал друзей по всякому поводу. Чаще всего они проходили у него в Лобне, иногда в Долгопрудном у его приятеля Серёжи Тришина, по прозвищу «Человек-гора», изредка у меня. Собирались в складчину. Владимир распределял кому принести салат, кому мясную нарезку, кому торт. Сам выставял спирт.

Вечеринки в его исполнении – не заурядные посиделки с выпивкой и танцами под магнитофон, а «светское мероприятие». Он угощал гостей новыми людьми, свежими новостями, разнообразил обсуждением театральных и кинематографических новинок. На одной из встреч в качестве «знаменитости» выставил меня, предложив гостям послушать письма, которые писал ему в армию.

«Он их сохранил! Зачем? – недоумевал я, отставляя рюмку. – Нет ли там чего предосудительного?» Кроме «Атарвал ат сердца», я ничего не помнил.

На вопросительный взгляд друга пожал плечами. Пушкин вышел на середину, эмоции переполняли его, а средств выразительности не хватало. Старался. Некоторые места для пушского эффекта повторял дважды, одобрительно поглядывая в мою сторону. Мне показалось, он знал их наизусть.

Это был второй случай публичного чтения текста, написанного мной. Первый случился в школе при разборе изложений. Учительница светилась, декламируя моё классу. От стыда хотелось под парту. «Пересказ чужого отрывка своими словами, – злился тогда. – Что тут особенного?» Не понимал и Пушкина.

НА КОНЧИКЕ ВЕКТОРА

Практические занятия по математике у нас вёл Зюльков, а лекции читал известный советский геометр Исаак Моисеевич Яглом. Я спрашивал себя: «Что он делает в заштатном институте?» И не придумал ничего лучше, как «прячется» или «отбывает барщину».

Позднее, общаясь с художниками ленинградского андеграунда, казалось, нашёл этому подтверждение, многие тогда поступали аналогично, избирая местом службы кочегарки, дворницкие и почтовые вагоны поездов дальнего следования. Официальное трудоустройство избавляло от надзора властей, давало средства к существованию и, не требуя умственных затрат, оставляло время для творчества. Так же Яглом. Мне казалось, он чурался рутинного кураторства, нудных заседаний кафедры, свёл к минимуму общение со студентами, которым от него требовалось «удв» в зачётку, после чего интегралы и дифференциалы благополучно забывались. Его не тяготила ответственность за качество выпускаемых специалистов. Прочитал «пару» – и к любимой геометрии. Минимум нагрузки, максимум свободы.

Но это оказалось не совсем так. Недавно мне стало известно, что в годы сталинских репрессий доцента мехмата МГУ Яглома обвинили в «безродным космополитизме» и выгнали из университета; а через двадцать лет – уже профессора – за подписание «письма девяносто девяти» в защиту математика Есенина-Вольпина – из пединститута. После шести лет в металлургии Яглом перебрался в Ярославль. Он не столько «прятался», сколько его гнали.

Свои лекции Исаак Моисеевич помнил наизусть, я никогда бы этого не узнал, если бы не слушал их дважды: когда поступил и когда демобилизовался. В 69-ом он начал приблизительно так: «Я буду читать вам курс высшей математики. Почему высшей? Я никогда это не понимал! Если существует высшая математика, то, следовательно, должна быть низшая. А кто-нибудь о такой слышал? Нет ни высшей, ни низшей. Есть математика! Наука, объясняющая всё относящееся к порядку и мере, ею мы и будем заниматься». В 72-м повторил слово в слово.

Мне нравились его лекции: образные, понятные. Знакомя студентов с аналитической геометрией, рассказывал о Декарте, излагая математический анализ – о Лейбнице и Ньюtone, приводил факты их биографий и философские воззрения. Создавалась впечатление, что сведенья получены им не из книг или от учителей, а от самих творцов науки. Давая определение вектора, Исаак Моисеевич, говорил: «Вектор – это отрезок прямой, характеризующийся величиной и направлением», чертил на доске линию всегда снизу в верх.

Каждому ребенку в СССР вектор развития был задан с рождения. Для городских – детский сад, школа, далее ПТУ, техникум или институт. Досуг – в кружках и спортивных секциях. Лето – в пионерских лагерях с линейками, поднятием флага, игрой «Зарница». Одновременно выковывался идеологический

стержень. В семь лет – октябренок, в девять – пионер, в четырнадцать – комсомолец. Общественно полезная работа обязательна, художественная самодеятельность по желанию. Право на труд гарантировала Конституция, наказание за тунеядство – Уголовный кодекс.

В фильме Ильи Авербаха «Монолог» академик Сретенский, его прекрасно сыграл Михаил Глузский, оглядываясь на прожитое, спрашивает: «Правильно ли он поступил, посвятив жизнь науке?» И приходит к неутешительному выводу, что не был для этого достаточно полоумным. «В науке, – говорил он, – существуют те, кто прошибает стены, и те, кто сто лет подчищает осколки». У того пролома, где стояли мы с Пушкиным, крупные куски давно разобрали, не осталось и мелких, только пыль. Перспектива мести её до старости удручала. Осложняла ситуацию и моя ранняя женитьба. Зарплата 120 рублей для семьи и будущего ребенка выглядела несерьёзно.

Михаил Роднянский – он учился курсом ниже – предложил мне место в Минстройдормаше СССР – Министерстве строительного, дорожного и коммунального машиностроения. Его отца назначили начальником отдела, и тот искал металлурга. Оклад 180. До меня в высотное здание на проспекте Калинина Михаил направлял многих, всем от ворот поворот, а мне: пиши заявление. Пушкин расстроился, Зеньковский возмутился, а сотрудники кафедры одобрили, на логарифмической линейке в момент подсчитав, что, оставшись и без задержки пройдя путь от инженера до доцента, прибавку в 60 рублей компенсирую только через двадцать лет.

В знакомстве с литейными и кузнечными цехами заводов министерства прошло три года. Величина вектора, заданного с рождения, приближалась к концу, я находился на самом кончике. И когда поступательное движение из класса в класс с курса на курс прекратилось, повис на нём, как мальчишка, зацепившийся полкой за ограду. Дурацкое положение, унижительное. Долго пребывать в таком состоянии не мог, дёрнулся в одну сторону, в другую и провалился в кризис среднего возраста. Вопросы: для чего живу? в чём смысл жизни? этого ли желал, чего достиг? одолели. Чувство несправедливости, впервые испытанное в Саваслейке, захлёстывало. Вскипая в казарме на секунду, теперь терзало минутами, часами, неделями, настигало в общественном транспорте, на совещании у министра, дома у телевизора. На чтобы не смотрел, повсюду виделась гибель. Белёсый диск солнца в предгрозовой туче казался бельмом в глазу неба, одуванчики на газоне – сифилитической сыпью. «Куда торопитесь? – кричал в душе пассажирам метро,

спешащим к отходящему поезду. – Чему радуетесь? – мамашам с колясками, парочкам в скверах. – Неужели не видите? Перед вами бездна!»

Разум искал спасения и не находил. Ценностные ориентиры сместились, «открытие»: жизнь – западня, отравило сознание. «Кто заманил меня сюда? Родители? Отец и мать, которых почитал и которым верил, или?..»

За год до этого, двоюродная сестра Наташа Ерёмина с Сашей Налиповичем подарили мне фотоаппарат. Наблюдая за купанием новорождённого сына, проникся идеей необычной экспозиции. Для её создания мне требовалось фотографировать ребёнка ежедневно. Не прекращать заправлять плёнку, взводить и спускать затвор – год, пять лет, семнадцать. Далее, осознав замысел, он мог продолжить самостоятельно. Завершить задуманное были обязаны внуки. При благоприятном исходе у них на руках оказалось бы более тридцати тысяч фотографий. Выстроенные в линию они создавали бы уникальный памятник человеческой жизни: от первого дня до последнего.

От реализации идеи остановило множество причин, но главная – любовь к сыну. Не чувствовал себя вправе делать его заложником столь безумного проекта. Теперь о не содеянном жалел: многих бы экспозиция заставила задуматься.

В основе всякого брака, в том числе и так называемого брака по любви, лежит стремление решить личные проблемы за счёт партнёра. Я не исключение. Но к роли главы семейства, добытчика готов не был, а в том состоянии, в котором оказался, и подавно. Понимания не искал. Семья распалась. Обманутые надежды требовалось оплатить – мне запретили видеться с сыном.

В мае 79-го в возрасте шестидесяти семи лет скончался отец. Одна из опор, на которой покоилось существование, подломилась.

«Для чего жил?» – думал, стоя у гроба и глядя на пламя свечи в его руках. Трудиться начал ребёнком, помогал овдовевшей многодетной матери. В восемь лет подпасок, с двенадцати батрачил по соседям, в семнадцать подался на заработки в Москву. Моральный долг поддерживать родных сохранил до конца дней. Зарплату – в семью, а то, что удавалось скалымить, отсылал матери, когда той не стало, – младшей сестре. Наша мама обижалась порой: «Своим детям одеть-обуть нечего, а ты в деревню шлёшь». Отец замыкался, но ничего поделаться с собой не мог.

Более тридцати лет он отдал Первому автомобильному заводу имени Сталина, переименованному позднее в «ЗИЛ». Танкист по военной специальности, участия в боевых действиях не принимал. С июля 41-го находился на казарменном положении, работал контролёром-испытателем машин для Красной Армии. С октября, когда угроза захвата Москвы стала реальной, большую часть оборудования завода эвакуировали и заминировали корпуса, выполнял ответственные задания по перевозке боеприпасов на линию фронта. В конце января 42-го завод его отозвал.

Одно из ярких событий зилдовской биографии – командировка в Николаев, где испытывал бронетранспортёры-амфибии. Там видел море.

С мамой они познакомились на автозаводе. К сорока годам у него на шее четыре иждивенца. Он знал только руль, улицы Москвы, дороги Подмосковья. Даже в отпуске не отдыхал, искал подработку. Оформив пенсию, трудиться не бросил, но появилась мечта. С нами не делился, знали от мамы. Желанию вернуться к корням, воспрепятствовал тромб.

Разбирая его пожитки, Валюша выбрал на память опасную бритву. Вытянул из футляра, а вставить не смог. Поковырявшись, достал из него сложенную пяти рублёвую купюру – записку, которую тот не успел отправить.

В 10-15 лет мне отца не хватало. Его статус кормильца и сорокалетняя разница в возрасте мешали сближению. Тогда или чуть позже решил: «Заведу детей как можно раньше, буду им не только отцом – другом». Задуманное исполнил, а стать товарищем не успел. На тайных встречах у детского сада, чувствовал, что обманываю ребёнка, перерождаюсь в субъекта, приносящего подарки.

Вопросы: «что делать?» и «для чего жить?» продолжали мучить, но ответ на них я уже знал: что ни делай, как ни живи – смерть неизбежна. Ответ бесил сильнее вопросов.

«И всё-таки выход должен быть!» – убеждал себя и изводил его поиском. Как в школьные годы, узнав, что «пифагоровы штаны во все стороны равны», самонадеянно засел за решение великой теоремы Ферма, так и теперь – обложился книгами. Идя от обратного, «открыл» смысл жизни. «Лиши человечество потомства, – рассуждал я, – и жизнь потеряет смысл. Всё обесценится! Кому взбрёт в голову сочинять оратории, бороться за власть или выдумывать хитроумные схемы для получения сверхприбыли? Утратится стимул! Восстанови репродуктивную функцию, и всё вернётся на круги своя».

«Если без будущих поколений смысл жизни теряется, следовательно, он в детях, в бесконечном воспроизводстве». Это «открытие» тут же вошло в противоречие с тем, что жизнь – западня. Из разногласия вытекал единственный вывод: смерть – благо, но с этим я примириться не мог. «Если скотское размножение удел человечества, то жизнь – не дар!» Чувство вины перед сыном, умноженное на своеволие жены, переросло в фобию: «Вызванный из небытия прихотью и неразумием, за что ему почитать меня, обрекшим на казнь самим фактом рождения?» Родительская любовь поголовно представилась завуалированной боязнью вопроса: «Обо мне вы подумали?» А пятая заповедь – запретом на инакомыслие¹⁵.

Блуждая в трёх соснах и ударяясь о каждую, принял предложение брата Владимира посетить село Саюкино на Тамбовщине – родину мамы, где проживала её старшая сестра Мария Петровна с мужем Василием Ивановичем Субочевым. Встретили нас радушно. За ужином и неспешной беседой приблизилась ночь, в городе такую не встретишь. Вышел и уткнулся: ни огонька, ни отдаленного лая собаки, ни шевеления ветра. «Село будто решетом накрыли, – пришло на ум, – а звёзды – свет в отверстиях».

Мария Петровна постелила нам в кухне. Поверх оконной занавески чернела полоска. Представил село, накрытое решетом. «Нет! У решета обод. Не было бы звёзд на горизонте. Лучше дуршлагом, он и по форме подходит».

Уже дремал, когда будто кто толкнул: «Дуршлаг городская утварь, не вяжется с деревней. Подыщи что-нибудь другое».

Володя храпел, а я смотрел в окно, подыскивая сравнение. «Может сито? Чайное как раз в форме сферы». Но село, накрытое чайным ситечком... «Сачком? Не держит форму. Что есть ещё с отверстиями?» Вдруг осенило: «Землю! Не село, а землю! Тогда и дуршлаг сойдет. А ещё лучше – нас». Я изменил предложение в третий раз, в четвертый, получилась нелепица.

Сон отлетел, я мучился, подыскивая слова, по-разному их расставляя, пока не вспылел: «Что дурью маешься?! Зачем тебе это?! Сито, решето... Брось! Закрой глаза и спи». И тут зародыш, посеянный чтением моих писем Владимиром Пушкиным, шевельнулся и подал голос: «Так ты же писатель. Странно, что не понял этого раньше».

В тот же миг решето и дуршлаг отлетели и ударил свет! Возникло неодолимое желание начать всё сначала, вернуться к тому дню, к той развилке, когда вместо своей дороги, пошёл по заданному вектору. Отчаяние, что в мире нет силы, способной

туда вернуть, переборол мыслью: «Эта сила есть! Она во мне! Это моя воля!»

Рожденный под знаком «Рыб», двадцать семь лет я следовал в фарватере той, что плыла по течению, с этой минуты дерзнул против. С утроенной энергией двинулся к истокам, не предполагая, что желание всё изменить, стать тем, кем не стал – характерная черта кризиса среднего возраста.

ПРЕДЕЛ

Дуэт с Пушкиным распался, но дружба не прервалась. В день защиты диссертации помогал ему развешивать графики и чертежи, волновался при подсчете «шаров».

Традиционный в таких случаях банкет проходил в ресторане гостиницы «Россия» в Зарядье. Задержанный и измотанный соискатель ещё накануне попросил меня встретить его мать и проводить до места, редко навещающая столицу, она плохо ориентировалась.

Москву прихорашивали. Дистраивались спортивные объекты, открытые участки земли засеивали газонной травой, украшали клумбами. На пересечении оживленных трасс возводили конструкции с пятью переплетенными кольцами и стилизованной Спасской башней. На домах вывешивали пиктограммы видов спорта, транспаранты с Олимпийским мишкой. Красная площадь изменений не претерпела, а ГУМ отреагировал: товары с олимпийской символикой заполнили уличные витрины.

В конце ужина, когда веселье от стола перекочевало на танцплощадку, ко мне подошёл Зеньковский.

– Не понимаю, – начал он с деланой строгостью. – Что вас держит в министерстве? Деньги? Так я заплачу столько же, если не больше. Вы умный мальчик, у вас отличная перспектива. Сегодня Владимир, завтра вы. За учёными будущее! А чиновников общество уничтожит, недолго осталось. Бросьте и возвращайтесь.

Бледный, не похожий на себя новоиспеченный кандидат наук, сидел за столом и смотрел на нас. Этот разговор они, видимо, спланировали заранее.

– Я провожу, – поднялся он, когда наконец-то я отклеился от бывшего научного руководителя и подошёл к нему попрощаться. Апрельский ветерок словно поджидал нас у выхода. После прокуренного зала, запахов кухни и звуков оркестра его заигрывания казались особенно приятными.

- О чём говорили?
- Убеждал вернуться.
- А ты?
- Пробую писать.

Я не собирався открывать свои намерения, ни ему, никому другому. Желание проложить свою колею было тайной. Однако он имел право узнать её первым. Глядя под ноги, Пушкин издал звук – не то крякнул, не то хмыкнул. Понимание и одобрение слышались в нём. Не оскорбляя момента словами, мы обнялись.

С детства я чувствовал в себе некую силу, но применения ей не находил. Есть и есть. В школе, расходовал себя процентов на тридцать. Характеристика: «Способный, но учиться не хочет», сопровождала из класса в класс. Знал в любой момент могу прибавить, но зачем? Спорт – другое дело, однако и на спортивной площадке выкладывался не весь, всегда находилась часть, которая филонила, смотрела на меня как бы со стороны. Армейский постулат «Солдат спит, а служба идёт» настроил на коллективную волну. Завод много не требовал и только в рабочее время, в институте радел, но без напряжения, чтобы не иметь «хвостов». Пушкину помогал. А сила дремала...

Ощущение, что я запасной – из юности. Жизнь, как футбол, представлялось мне. У каждого на поле своё амплуа. Получил мяч – ускорился, отпасовал – открылся, потерял – в защиту. Я готов не хуже других, но сижу на скамейке. Один сезон, второй, третий. И вдруг команда: «Переодевайся».

Идеи начать всё сначала отдался целиком. Мысль, что проглядел себя, бездарно потратил десять лет жизни обжигала. Намеренье наверстать упущенное за год, за месяц, за неделю, подстёгивало.

Ещё школьником меня занимало: откуда берётся зло? Слушая на уроке физики закон сохранения энергии, подумал: «Так, наверно, и оно, несотворимо и неуничтожаемо, переходит от одного к другому, сохраняя баланс». Подтверждение вскоре обнаружил у датского художника Херлуфа Бидструпа. Карикатура, где босс отчитывал клерка, клерк срывал зло на секретарше, та выплёскивала обиду на помощницу, несправедливо обиженная отвешивала оплеуху курьеру, тот пинал собаку, разъяренный пёс набрасывался на босса, называлась «Круг замкнулся». В тринадцать лет я знал, как его прервать, надо похоронить зло в себе. Это стало темой первого рассказа «Марки Бурунди». В основе – встреча со шпаной у магазина «Филателия»

на Большом Факельном переулке. За ним последовал ««Овод» в кинотеатре повторного фильма», «Кудесник», «Ржавчина». Ни один в рамки советской идеологии не вписывался, отчаяние от «работы в стол», сменялось радостью от удачно найденного слова.

Тогда же начал пьесу, где главное действующее лицо занавес. Если у Юрия Любимова в «Гамлете» подвижный занавес – символ трагических сил, то мой – статичный, олицетворял время. Висящий поперек, он делил сцену пополам: слева – юность героев, справа – они же в зрелом возрасте. Проходя сквозь занавес, персонажи «старели» и «молодели» на глазах. В двадцать семь я ещё дорожил идеалами весны, но уже предчувствовал метаморфозы осени.

Перечитывая «Войну и мир», всякий раз мучился: почему Андрей Болконский так погиб? В чём провинился перед автором, если тот в день сражения поставил его в резерв, не дал сделать выстрела по врагу и умертвил осколком гранаты? «Блестящая смерть» под Аустерлицем, «нелепая» под Бородино». Ясно, что это символ! Но чего? Не пример же непротивления, как считают некоторые. Перебрав возможные варианты и не проникнув в замыслы писателя, остановился на простом: бесславная смерть Андрея – жестокая иллюстрация войны. Духовные искания и обретение всеобщей любви, могли произойти и после героического поступка, но Толстой оборвал жизнь случайным куском металла, демонстрируя цену за притязания на европейское господство.

Ранняя смерть стала следующей темой.

Мама вспоминала: «Нашими соседями по Новодеревенской были Рожковы. У Шурки и Нинки имелся брат Лёшка. Его мобилизовали в июле сорок первого. Прошёл месяц, Шурка летит. – «Саш, у тебя хлеб есть? Дай, Лёшку на фронт отправляют, состав на Курском, на час отпустили». Что было дала, тогда продукты ещё имелись. Пошла к ним сама. Лёшка на табурете сидел, обмотки разматывал. Шурка дом обегала, чай ему подала, хлеб с маслом сверху вареньем помазала. Лёшка аккуратно ел. Мы, три бабы, к стене привалились, стоим, смотрим, а самим реветь хочется. Он чай выпил, стал собираться. Мы следом. В конце Курской Канавы забрался на насыпь, помахал нам и по шпалам к вокзалу. Долговязый, худой, скатка через плечо.

Вскоре к Рожковым пришёл Виталик из четырнадцатого дома, его часть переформировывали в Балашихе. «Мы с Лёшкой в одном вагоне оказались, – начал он. – До Можайска не добрались

– бомбардировщики. Выскочим, отбежим метров на двадцать, заляжем и ждём; пролетят – едем дальше. А под Гжатском «Мессершмиты». Старшина услышал их вой, побелел. «Все к лесу! К лесу!» – кричит. Мы кубарем из вагона и врассыпную, Лёшка впереди, я сзади. «Мессер» пикирует, и полосует по нам почём зря. Упадём, обдаст рёвом, бежим дальше. Слышу гул, заходит следующий, я залёг, а Лёшка не стал. Ему до леса чуть-чуть оставалась. Как упал, не видел. Подполз к нему, тормошу: «Лёшка! Лёшка!» – не отвечает. Перевернул, а он мёртвый, в шее дырочка». Через год Рожковым принесли похоронку: «В бою за социалистическую родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество...». Лёшку оплакали второй раз».

Когда мама рассказывала, дома на Новодеревенской уже не существовало. Не было двора – клочка московской земли, где впервые ступила его, а потом моя нога; не было двери, к которой мы оба стремились, чтобы, толкнув или пнув ногой, выбежать на улицу. Мы поднимались по одной и той же лестнице, наступали на одни и те же ступени, его руками отполированы перила, которых касалась моя ладонь.

Через чувства матери я пытался передать своё отношение к человеческой бойне. Вот она перед зеркалом невестой; вот боком оглаживает живот; вот удивленно смотрит на свёрток в руках. «Это я?» «Это мой ребенок?» «Я – мать?» Мне хотелось наделить её сына талантами, предвосхитить будущее, наобещать и оборвать, обмануть. Как судьба обманула подольских курсантов под Ильинским и якутских стрелков с ильменского льда атакующих высокий берег озера. И тысячи тысяч мальчишек с бесконечными линиями жизни на окоченелых руках.

Помимо повести о Рожкове задумал роман о Маяковском.

Поиск рифм никогда не вызывал у меня затруднений. Сопротивляясь навязанному в школе творчеству «агитатора-главаря», ответил хулиганским четверостишием.

Владимир Маяковский – трибун, горлан, поэт. С стихами своими лезет, как пьяный лезет в «Буфет». Стихи грубятиной дышат с начала и до конца. Нет смысла, нет рифмы, как пытка, стихи его для чтеца.

В армии без понуждений взял его «Избранное» и ошалел от вывернутой лирики «Флейты-позвоночник» и «Облака в штанах», испытал восторг от «Нате», «Гимна критику» и «Вам». Он поднялся на небывалую высоту. Советский агитпроп опустил на землю, но приоткрыл завесу трагедии.

Отправной пункт романа – «точка пули в её конце», главное действующее лицо криминалист, вызванный в комнату на Лубянке. За время следствия он проделывает путь от неприятия творчества и поступка к преклонению и осознанию неотвратимости иного исхода.

Многостраничный труд был призван заслонить четыре строки школьной выходки. Я охотился за книгами Павла Лавута, Виктора Перцова, Василия Катаняна. Через знакомых искал подходы к уголовному делу, планировал визит к Веронике Полонской.

Трудился над всем разом. Сегодня, проходя сквозь занавес, становился ретроградом; завтра, заполучив журнал «Новый мир» с «Алмазным венцом», делал выписки; из «комнаты-лодочки» – под Гжатск, в август 41-го, замороженно смотрел на два бенгальских огонька под фюзеляжем «Мессершмита». Отказался от беллетристики, углубился в специальную литературу, писал рецензии на прочитанное, письма сыну, вёл дневник. Не умея и не желая отделить творчество от повседневности, занимался им круглосуточно. «Сова» по натуре, писал ночами. Ночь темна, но сколько светлых мыслей она таит...

Иной раз сядешь, включишь лампу, в комнате тишина. Мысли, как вода из крана, который подтекает. Набежит капля, оторвётся, ждёшь следующую. Но кто-то невидимый отвернёт и побежит струйка. Скрип пера усиливается, торопишься, но ещё успеваешь следить за брызгами. Но тот словно издевается, выворачивает кран до упора, упругая струя бьёт в днище, разлетаясь осколками. Образы толпятся в голове, теснят друг друга, просятся на бумагу. Ты уже не за столом, несёшься с ними и даже попутный ветер тебе в лицо.

Часы бьют девять, двенадцать, три. Приляжешь, а мысли интереснее прежних. Откинешь одеяло – и к столу, а они как в прятки с тобой играют. Посидишь над пустым листом и на место. Только угреешься – свистопляска повторяется. Часам к пяти забудешься, а в половине восьмого мамин голос: «Гена, завтрак на столе». И так изо дня в день.

Чувствовал, как меняюсь. В жестах, выражениях лиц и походках людей читал характеры и судьбы. Страдал за обиженных, радовался беспечным. Слезы сторонних мучили, свои – освобождали. Огромный мир лёг мне на плечи, я ощущал его счастливую тяжесть. Отказался от алкоголя, бросил курить, стал неразборчив в еде, похудел и осунулся. Мама ходила настроенная, смотрела с опаской. Потом спросила:

- Может, ты наркотик какой принимаешь? Ты меня, сынок, не пугай. Зачем себя так ведешь?

На одной из лекций Яглом нарисовал на доске круг и вписал в него треугольник. Из середины каждой стороны треугольника опустил на окружность высоту и полученные точки соединил с вершинами. Получился шестиугольник. «Таким манером, – объявил он, вытирая руки о тряпку, – могу вписать в круг любое количество фигур. Каждая последующая будет максимально приближаться к кругу, но никогда его не достигнет. Круг – предел».

Свою задачу я понимал просто: у меня образ, одеваю его в слова, подобный должен возникнуть у читателя. Образ – это круг, слова – стороны многоугольника. У Яглома, чем их больше, тем ближе к цели. В литературе не всегда. Трудно отыскать нужные слова и найти им место, ещё сложнее не наставить лишних. От десяти листов, исписанных в угаре, на следующий день оставалось две строки, да и те корявые. Образы, яркие и чёткие в голове, оказывались блёклыми и вялыми на бумаге. Я упёрся в истину: «Мысль изречённая есть ложь». Год работая еженощно, законченного не имел. И если в достижении образа к пределу не приблизился, то порог жизненных сил преодолел.

НАЧАЛО КОНЦА

На время Олимпийских игр неблагонадёжных и тунеядцев из Москвы отселили, перекрыли поток транзитников и приезжих, желающему населению предоставили отпуска. Улицы города опустели, в общественном транспорте появились свободные места, в магазинах исчезли очереди. Москвичи дивились чистоте улиц, безоблачному небу, делились впечатлениями о вкусе «Фанты», «Спрайта», финского сервелата и соков в мелкой расфасовке.

За эстафетой олимпийского огня наблюдал из окна министерства на проспекте Калинина, присутствовал в Лужниках на генеральной репетиции открытия и на одном из финалов по лёгкой атлетике, остальное досматривал по телевизору. Соревнования транслировали два из четырёх каналов Центрального телевиденья, а также технический канал, созданный на время Олимпиады. Картинка на нём не сопровождалась голосом комментатора: арена, спортсмен, эмоции зала. Письменный стол на время оставил; возвращаясь с работы, включал технический, знакомился с отчётами в прессе.

Газета «Вечерняя Москва» поступала в киоски «Союзпечати» к пяти часам вечера, подписчикам доставлялась после семи. Читать начинал с четвёртой страницы, с некрологов. Не самый достойный способ самоутверждения, но утешался тем, что им грешили многие. Мелкий шрифт пропускал, выхватывал фамилию, выделенную жирно и переходил к городской хронике.

В тот день в чёрной рамке было выделено «Высоцкий Владимир Семенович», скользнул глазами и переключился на новости олимпиады. Через секунду вернулся. «Высоцкий Владимир Семенович». «Что за Семенович? – мысли испуганно запрыгали. – Отчество ему не подходит». «А какое подходит? Петрович?» «Нет, не он». «Тёзка и однофамилец». «Такое бывает». Вернулся к медальному зачёту. «Но если отбросить Семеновича, получится...» «Ерунда какая-то». «Он молодой». «Недавно был на его концерте».

С бьющимся сердцем принялся разбирать мелкий шрифт: «Министерство культуры СССР, Госкино... ЦК профсоюза... театр драмы и комедии на Таганке...» Перечитал второй раз, третий, пытаюсь отыскать в славах подвох, и выронил газету.

Он.

Я не гонялся за его записями, не торопился на фильмы с его участием, где он не пел, не проводил ночей у театральных касс и не дежурил у служебного входа с фотографией. Я даже не знал его отчества, как уверен большинство его поклонников в стране. Он был просто Высоцкий... Владимир Высоцкий... Володя – старший товарищ, наставник, друг.

Калиевая селитра – нечто вроде поваренной соли. Сера, если отбросить дьявольщину, – жёлтые кристаллы без запаха. Древесный уголь – вообще ерунда. А когда всё это истолочь, смешать и поднеси искру... Так и Высоцкий. Его тексты в самиздате, если не слышал их в авторском исполнении, ничего выдающегося не представляли. Тремя аккордами мог выразить и удасть балаганного скомороха, и тоску зека на лесоповале, но без слов мелодии не жили. Его надтреснутый баритон украсил бы дружескую вечеринку или звёздную ночь у костра, но до всесоюзной любви без собственных песен не добрался. Но всё это вместе взятое, перемолотое, перемешанное, пропущенное через сердце превращалось в гремучую смесь. Он горел сам, не щадил и нас.

Особняком в афише ДК «Серп и Молот» стоял спектакль «В поисках жанра». В здании театра на Таганке такой никогда не шёл. Под незатейливым названием скрывался праздник – концерт Высоцкого. В такие дни даже владельцы билетов брали

Дворец культуры штурмом. Стулья из буфета, бухгалтерии и кабинета директора перетаскивались в зрительный зал, люди сидели в проходах, теснились в дверях, прятались в кулисах. Зал взрывался, когда с гитарой он выходил на сцену и после «лекции» о театре, товарищах-актёрах переходил к главному – ради чего собрались. Чувство сопричастности к чему-то великому, непреходящему читалось на лицах зрителей. После каждой песни, пережидая овации, он нетерпеливо водил пальцами по струнам, просил успокоится. «Чем дольше будите аплодировать, тем меньше смогу показать», – обращался он к нам. Его потребность высказаться казалась выше нашего желания слушать.

В ночь, когда Олимпийский мишка исчез в небе над Москвой, вернулся к столу. В юности, обсуждая с Мартыновым творчество Высоцкого, пришли к единому мнению: «Если «Евгений Онегин», по словам Белинского, – энциклопедия русской жизни, то его песни – учебник истории СССР». В ту ночь казалось невероятным, что когда-нибудь его издадут. Я вырезал из газеты некролог и вклеил в тетрадь, в которой писал письма сыну. После приветствия, вывел: «Если бы совесть советского народа могла заговорить, она бы заговорила голосом Высоцкого». Через неделю поехал к Вениамину Викторовичу, переписал на свой магнитофон все песни Высоцкого, какими он располагал.

В армии у меня был товарищ – Владимир Богданов, собрат по Москве – суетливый, как мышь и въедливый, как червь. Он скрывал своё эго под множеством личин: казённая – для начальства, филантропа и брюзги – для друзей, саркастического шута – для остальных; язвил остро и метко. Мы разглядели друг друга и сошлись на втором году: на занятиях рядом, в строю к погону погон, койки вплотную. Он подсовывал мне то военную лирику Евгения Винокурова, то стихотворение «If» Редьярда Киплинга, то высказывание Рабиндраната Тагора «Разве велик и силен тот, кто силен и велик...». Временами у него появилась причуда, вставать по ночам и уединяться в курилке – полуподвале казармы с «буржуйкой» и водяным котлом. Поднялся и в ту ночь, когда я дневал. Зашёл к нему, будто взглянуть как горит, он строчил в блокноте, прижатом к коленке. Сморщенный нос и досадливая поза насторожили, пошевелил кочергой угли и вернулся на пост.

Утром Богданов объяснился: – Встретил у Козьмы Пруткова: «Где начало того конца, которым оканчивается начало?» Ты знаешь, зацепило. Явилась идея, пишу трактат. – Повинившись таким образом, нацепил маску балагура и принялся переплетать причины со следствиями.

Начало конца моих дерзаний – 4 октября 1980 года.

Простуды в ту пору воспринимал как подарки судьбы. Вместо давки в транспорте, министерской чехарды и бдений до рассвета – автономное плавание, творческий отпуск. Последний год изобиловал подобными подношениями, каждое последующее чуть продолжительней предыдущего.

ОРЗ: температура, ломота в костях, ноги мёрзли даже в шерстяных носках, голову, казалось, сдавил обруч – не ослабить, не сбросить. Лекарства, мамин чай с протёртой смородиной, таз с горячей водой и горчицей не помогали. Как бы там ни было, занимался: читал, писал, сидя за столом. Когда стало невмоготу, поднялся, чтобы прилечь, и в этот момент случилось. В комнату будто кто влетел с морозца, обдало холодком, сознание помутилось. Чтобы не упасть, опёрся на столешницу. Тупое острие под лопаткой проткнуло спину и упёрлось в сердце. Боль отдалась в предплечье. За грудиной всплыл тугой комок, уверенно поднялся и перекрыл дыхание.

«Вот она смерть, – подумал, покрываясь испариной, – и ничуть не страшно». И стоило словам промелькнуть, сознание просветлело. Всё, над чем корчился последний год прояснилось, стал понятен Промысел Божий и моя роль. Они оказались до боли просты. Ошеломлённый, взирал ответы на извечные вопросы. «Но почему так поздно?! Сейчас, когда умираю! Я не смогу это передать!»

Сердце, тем временем, опомнилось и заколотило. Жаркие волны растекались по телу. Облегчение сменилось недоумением, а следом ужасом: обретённая мудрость, побледнела, картина мира растрескалась и осыпалась. Я попытался облечь увиденное в слова и не смог. Знания уносились, не оставляя следа. Мгновение – и на том месте, где они сияли, – бульжная мостовая. Ничего не задержалось, кроме чёткого понимания: Истина существует, я ею обладал, и я её потерял. Чувство обиды не возникло, но родилась уверенность: каждого в конце ждёт награда.

Смысл жизни больше не открывался, а приступы тахикардии стали повторяться с частотой поездов в московской подземке. Следующий в Туле, затем на Стромынке, дома. Кареты Скорой помощи у подъезда сделались обыденностью, больницы – убежищем. Первая – в Ясной Поляне, вторая – Бауманская, где вправляли ключицу.

Когда-то Никита Хрущёв объявил 1980 год годом коммунизма. Лёжа под капельницей, вспоминал юношеские иллюзии – участвовать в решении триединой задачи, в частности –

стирании грани между городом и деревней. Обязательным анализом при поступлении в сельскую больницу был анализ на яйца гельминтов, в столичной – реакция Вассермана.

Трактатов Богданова не читал, со слогом товарища познакомился случайно. Мы сидели перед казармой, я просматривал «Литературную газету», он по дужки очков зарылся в книгу. Неожиданно поднялся и исчез, явился с сигарой, шахматной доской и фотоаппаратом. Через неделю преподнёс снимок, на обороте прочёл:

- Стоп! – сказал он фотографу, собирающемуся уже нажать на кнопку фотообъектива; и, словно боясь, что его не поймут или поймут не так, повторил еще раз: – Стоп! Так не годится!

Когда шахматная доска была принесена, он быстренько расставил фигуры – позицию, описанную в монографии «Алёхин и его лучшие партии». Конечно же «Алёхиным» был он, он очень любил выигрывать.

- Ну-с, – сказал он, – ваш ход, маэстро.

Фотограф спустил объектив, и маэстро сдался.

- И чёрные сдались, – сказал он. – Вот в таком положении чёрные сдались.

- И чёрные сдались, – произнес снова, сладко жмурясь и разминая сигару ароматно-зелёную, как и положено «гаване», в сорочке из серебряной фольги.

- И чёрные сдались, – пропел ещё раз; видимо это доставляло ему несказанное удовольствие.

Милый, смешной Богданов, на этот раз ты ошибся, фотограф нажал на спуск, но маэстро не сдался. Оберегая мечту, как пораненную руку, продолжил сопротивление.

Я покинул футбольное поле из-за травмы, но как только болевой синдром исчез, возобновил тренировки. Тяжёлые отставил, сосредоточился на лёгких, такими представлялись стихи. Пытаясь отыскать грань, что отделяет поэзию от того, что в рифму, вознамерился «сжечь мосты» и поступить в Литературный институт.

ПЯТИЛЕТКА ПЫШНЫХ ПОХОРОН

Интересных книг в библиотеке пансионата на берегу Оки, где проводил очередной отпуск, не нашлось, заинтересовала брошюра: библейский сюжет – два листа критики, цитата

из Евангелия – страница опровержений. Воспитанный под лозунгом «Религия – опиум для народа», я мало что знал о Боге. «Почему я должен пережёвывать чужую жвачку, не имея собственного представления о предмете?» – возмутился и положил книжонку на место.

По возвращении в Москву, отправился в Кафедральный Богоявленский собор в Елохове. Храм выбрал не случайно, здесь в 1799 году отставной майор Пушкин крестил своего первенца. Дом, где Сергей Львович жил с Надеждой Осиповной, погиб в пожаре 1812 года, а жилище брата Василия Львовича по соседству, уцелело.

Церковь в СССР по Конституции была отделена от государства, но за ней осуществляли надзор. Списки прихожан и лиц, участвующих в обрядах, регулярно ложились на стол начальству.

В 1960 году моей двоюродной сестре Наташе Ереминой не было десяти лет, когда бабушка Фрося, увязав в платок домашний кулич и крашеные в луковой шелухе яйца, повела её в церковь.

«Всё мне было в диковину, – вспоминала сестра, – необычно и ново. Да и я была одета празднично. Батюшка окропил меня водой. Впереди было воскресенье, провела его легко и радостно. В школу пришла с хорошим настроением. А в середине урока в класс вошёл директор, старшая пионервожатая и незнакомый мужчина.

– В вашем классе произошло нечто ужасное, – начала вожатая, властная женщина с пионерским галстуком, – чрезвычайно гадкое и подлое. Одна из учениц была замечена в церкви. Её поступок порочит школу и требует всеобщего порицания. – Она замолчала и пристально осмотрела класс. – Фамилию называть не буду, вижу, она осознала и вряд ли осмелится совершить подобное в будущем. Для остальных сегодняшней разговор пусть послужит уроком. Пунцовая, я сидела за последней партой, испуганные ребята не смели шелохнуться».

В 70-е дежурной отмазкой членов КПСС, уличенных в крещении детей, была фраза: «Иначе бабка отказывалась сидеть». Они потаённо улыбались, если партийное собрание, рассмотрев их персональное дело, ограничивалось «поставить на вид», не вынося «выговора» или «строгача», что могло повлиять на судьбу.

Я о наказании не думал, не подгадывая попал на Божественную литургию, служил патриарх Пимен. Гордый неверием и непричастностью, отстоял службу верстой, слушая хор, разглядывая иереев. В золоченных ризах они образовывали

коридор перед амвоном. Одни дряблые и безучастные, другие молодые и самодовольные, с бороды третьих струилась сытость. Доверие вызвал один. Он ликовал, обходя с кадиллом иконостас, в умилении шевелил губами, повторяя за дьяконом слова ектеньи, радовался, произнося положенные фразы, светился, целуя Евангелие, принимая из рук предстоятеля святое причастие.

По окончании службы ринулся к нему наперерез и, сбивчиво объяснив, что запутался, попросил помощи. Он предложил подождать его в церковном дворике и вознёсся, к зданию церкви с тыльной стороны был пристроен лифт. Пока ожидал, служки под руки вывели Пимена и усадили в «Чайку», многочисленный клир крестил её пока не скрылась в потоке. Доверенное лицо в зимнем пальто и шапке, не узнал, лишь рыжеватый клин на подбородке и неостывшее свечение выдавали знакомца. Назвался Николаем Николаевичем, вручил книжицу размером с блокнот. Разговаривая, дошли до метро «Бауманская», где священник спустился под землю.

Книга называлась «Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа», изданная в Польше и ввезенная в СССР, надо полагать, контрабандой: бумага папиросная, буквы с маковые зёрна. Читать в трамвае не смог, дома набросился, думая одолеть за вечер, но куда там. «Евангелие» пошатнуло, «Ветхий завет» – Николай Николаевич не хотел давать, но я настоял – восстановил равновесие. С атеистической платформы книги не сбили, исписал девять тетрадей критических замечаний.

В доме на Новодеревенской, когда впервые попал в чулан, мама тронула что-то и подняла пыль. Незаметные в темноте, в полосках света пылинки клубились и переливались. Наведываясь туда в одиночку, повторил опыт. Детские впечатления и полученные позднее знания с годами наслоились. Теперь мне кажется, уже тогда я знал планетарное устройство мира, и облако пыли представлял вселенной. «Вдруг одна из них обитаема? Живут такие же, как и мы, только маленькие. Их век соразмерен планете. Как у нас у них существуют искусства и науки, в том числе теория большого взрыва. Они верят в могущество того, кто его совершил, молятся ему, прося о спасении. А чем может помочь пятилетний мальчик? Здесь даже мама бессильна. Я ещё понаблюдаю немного и побегу. Завтра приду и устрою ещё одно мироздание».

Богу нет до нас дела. Если есть, то не умеет, не знает, или не хочет помочь. Возможно, увлечён иным проектом. Сын человеческий... в этих словах альфа и омега. Убери хлеба, хождение по водам и воскрешение дочери Иаира

- проступит история странствующего пророка, Царством Небесным освободившим себя от абсурдности собственного бытия. О том, что чудеса выдумки свидетельствует Иуда, Пётр и тысячи на площади. Да и сам не противоречит, моля о чаше и на кресте. Мужчины трусливее женщин, но даже последний не мог сказать: «Я не знаю его» о человеке, прикосновение которого исцеляло, даровало зрение, поднимало из гроба. Обманувшийся - вполне. Примкнуть к Машиаху - идеальному Царю, несущему благоденствие Израилю, или одержимому личным примером доказать безумную гипотезу... Лишь возлюбленная, неутешная мать, родные тётки и неразумный отрок сопроводили на гору. Обожествление его трагедии ставит под сомнение Вездесущность, Всемогущество и Всезнание, - вот что вынес из чтения разум. Душа: «Господи, яви чудо!»

Институт церкви не принял. Непонятная группа людей присвоила себе право за деньги сопровождать по жизни, наставлять и отправлять туда, куда сами не знают. Их удаленность от источника очевидна. Поставь Его между ними и сравни. При этом всегда виделся Иисус с картины Николая Ге. Количество святых удивило: «Разве им недостаточно Спасителя?» Затем сообразил: «Его жизнь не образец. Ну ходил, смущал народ, плохо кончил. А многочисленные «жития» - капитал, пример для подражания».

Польскую книжицу возвратил без сожаления, а Библию в рваной обложке, скрепя сердце. На раритет не претендовал и высказал желание приобрести современную, попроще.

- К сожалению, тираж ограничен, достать невозможно, - огорчил Николай Николаевич, но видя как расстроился, предложил: - Возьмите эту, - и предупреждая вопрос о деньгах, добавил: - Помните у Матфея: «Даром получили, даром отдавайте».

По моей просьбе знакомая одела дар священника в цвета Богородицы: бордовый переплёт и синий футляр. После меня читали Валюша, Наталья Бурмистрова.

Зёрна толстовства упали на подготовленную почву: «Исповедь», «В чём моя вера?», мудрые мысли «На каждый день». После «Воскресенья» ощутил на плечах руки старца, он развернул и подтолкнул в сторону любви к всепрощению. Под влиянием романа восстановил семью.

Ответственность за обеспечение заводов металлургическими заготовками с меня никто не снимал; ездил в командировки, проводил совещания, размещал заказы. Приступы тахикардии не прекращались. В различных медицинских учреждениях ставили удобные им диагнозы: изменение миокарда, слабость

синусового узла, вегетососудистая дистония, снижение судорожного порога, остеопороз черепа. Обнаружили дополнительную хорду в левом желудочке, предположили наличие не предусмотренного природой нерва к сердечной мышце, предложили пресечь хирургически. Самый несуразный диагноз свалился следом за ответом из Литературного института, где поданная работа не получила одобрения, – эпилепсия.

В лаборатории нервных болезней А. М. Вейна при 1-м медицинском институте оснований причислять меня к гениям не обнаружили, посоветовали мягкую седативную терапию. Лечащий врач в поликлинике, подстраховался и призвал на помощь фенобарбитал – усмирителя нервной системы.

Первая половина 80-х не зря именуется «пятилеткой пышных похорон»: три Генеральных секретаря, четыре члена Политбюро, один кандидат. «Мертвецы погребали своих мертвецов», я – замыслы и надежды. Под действием барбитуратов развилась апатия, яснополянские идеи поблекли. Жена ушла и увела сына. Досуг заполнил голос Высоцкого из катушечного магнитофона.

Творчество угасало, ещё писал рифмованные поздравления коллегам ко дню рождения, от имени памятника Маяковского, сошедшего с пьедестала на Триумфальной площади, сочинил для них «Новогоднюю поэму». «Глаз скосил, взял такси, / скомандовал шоферу: Марш в Минстройдормаш». И потаённое для себя: «Он в тридцать начал. И я начну, / Чтоб в тридцать три добраться до Голгофы. / Его распяли. И я распну / Себя на строфы».

С утратой заветной цели жизненная философия упростилась. Теперь мне представлялась бесконечная прямая, на ней две точки **А** и **В**. Расстояние между ними значения не имеет. До этого извёл пузырьёк чернил, споря с Марком Аврелием, что, умирая, юноша и старик теряют «разное», а не «одно и то же», как он утверждал. «У молодого перспектива, – горячился я, – у немощного её нет». Под воздействием лекарств, признал правоту философа, но внёс коррективы. Говоря «одно и то же», римский император не конкретизирует, что именно, но из подтекста следует: н а с т о я щ е е, день или миг. Но не это ставит их на одну доску. Их уравнивает потеря памяти. Неизвестность за точкой **В** виделась в двух вариантах. В первом – небытие, чёрная пустота, где нет сожаления: восемьдесят лет прожил или двадцать семь. Во втором – вечная жизнь. Ещё более глупо жаловаться, что недопил, недоел и даже недоделал.

Стремление к долголетию сродни тщеславию – в ходу у

смертных, как и желание задержатся в истории. Скажи Поэту на балу у Дарьи Фикельмон, что через двести лет в каждом городе будет улица или площадь его имени, съязвил бы так, что граф Воронцов облегченно выдохнул и перекрестился. А памятниками, думаю, заинтересовался. «En bronze? Peuvent ils être ici?»¹⁶ Парочку оставил, остальные следом за «медной бабушкой»¹⁷.

К сожалению, знания не освобождают от инстинктов, о долгих годах не забочусь, о самочувствии – другое дело.

Между тем время до точки **В** требовалось чем-то занять. Утешения в Христе не обрёл, путь к творчеству преградил фенобарбитал, суицид не по мне; оставалось последнее... Спасительное «открытие»: смысл жизни в удовольствиях, не заставило ждать.

В тридцать три вместо креста занял кресло начальника отдела. Закройщики в ателье склонились над отрезами трико и габардина, фарцовщики подсчитывали барыши за джинсы и трикотаж. Демократичный волейбол уступил место элитному теннису, драматический театр – консерватории. Отдыхая две недели летом, две зимой, коллекционировал названия санаториев и домов отдыха. В меню появилось шампанское, креплёное, водка. При встречах с Пушкиным тупил. Он не спрашивал и хмыкал понимающе. Потом и хмыкать перестал.

О данном себе слове: с каждой полочки покупать книги не забывал, посещал районные магазины, обходил арбатские.

Ещё недавно Арбат представлял собой строительную площадку: котлованы, из которых насосами откачивали воду, траншеи с отвалами земли, катушки с кабелем, разбросанные трубы, дымящиеся чаны с битумом. Редкие пешеходы передвигались по деревянным настилам и мосткам, рискуя свалиться в канаву или угодить в коллектор с незастывшим бетоном.

Среди развороченной земли и строительной неразберихи в черед арбатских домов, необычным окрасом выделялся дом Хитрово, его отреставрировали первым. Сюда после венчания Поэт привез Натали. Москвичи приезжали любоваться на достопримечательность.

Реконструкция длилась более трёх лет. Наконец ямы засыпали, технику убрали, расставили фонари. Прежнего Арбата – с неспешными троллейбусами, снующими автомобилями, маркизами над витринами магазинов и вереницами гостей на узких тротуарах – не стало. Появилось нечто. Вместо пешеходов – праздные гуляки, вместо обитых порогов букинистических

лавок – ступени антикварных салонов, вместо приветливых закусочных – пафосные рестораны; вернисажи с зализанными видами Москвы, развалы с матрёшками и шапками-ушанками. Толчея. Гвалт. Иностранная речь. Местные жители ходили вдоль домов, не поднимая глаз.

Во время учёбы в школе авиационных механиков на Юго-Западе Москвы, доводилось бывать на «Мосфильме»; киностудия охотно привлекала солдат для съёмок в массовых сценах. Видел там бутафорные улицы, дома из щитов, брусчатку из пластика. Выпустят массовку на такую улицу, она оживает, раздастся возглас: «Стоп, снято!» – схлынут ряженные, мертвеет. Пешеходный Арбат представлялся такой бутафорной улицей. Казалась, зайди за стену, там некрашенная фанера и деревянные подпорки.

ВТОРАЯ ВОЛНА

Благоденствие наступает, когда перестаешь предъявлять претензии к жизни. С началом Перестройки самовольно избавился от аптечного надзирателя, приставленного ко мне лечащим врачом, развал Союза отвлек от эпикурейства. Тогда же женился вторично. Чувство вины перед сыном усилило любовь к дочери. Совместный с братом Владимиром бизнес заставил сменить берега Москвы-реки на невские.

С 80-х годов брат жил в Ленинграде. Во время реформ, известной как «шоковая терапия», занимал должность заместителя генерального директора производственного объединения по ремонту сложнobyтовой техники, после его ликвидации возглавлял коммерческую фирму профильного направления. Я присоединился к нему в 93-м и занялся оптовыми закупками и сбытом холодильников. Инфляция подогревала спрос, за короткий срок мы увеличили вложенные в холодильники деньги в несколько раз. Сколотив первичный капитал, часть средств инвестировали в доленое строительство многоквартирного дома; другую – в розничную торговлю продуктами питания. К концу 94-го инфляция поутихла, на рынке появилась импортная бытовая техника, интерес к отечественным маркам упал, и я возвратился в Москву, где наладил выпуск одежды для новорождённых.

Идея объединения нескольких продовольственных магазинов в торговую сеть – необычного тогда дела – воссоединила нас в 97-м. Продав швейное производство в Москве, перебрался к нему, перевёз семью. Жить стали на съёмной квартире. Дефолт 98-го обесценил капиталы и остудил пыл. Оставшись без средств,

я переквалифицировался в «старьевщика», за четыре месяца до «чёрного вторника» на площадях мастерской по ремонту холодильников открыли комиссионный магазин, брат остался спасать торговлю продуктами.

Мой опыт в обращении товаров, бывших в употреблении, ограничивался на тот момент исключительно книгами. Книга в СССР ценилась высоко. Она не только источник знаний и эстетического удовольствия, но и предмет гордости. Между обновкой в гардероб и книгой советский интеллигент зачастую делал выбор в пользу последней. Особым спросом пользовались подписные издания. Стать обладателем талона, дающего право на приобретение собрания сочинений – невероятная удача. На магазин их выделяли 10-15 штук, а желающих собиралось в десять, а то и в двадцать раз больше. Везло не всегда. Тогда-то и обратил внимание на букинистические книги. Приобретая разрозненные тома нужного автора, изданного в предыдущие годы, можно было собрать комплект. И в обеденные перерывы я стал покидать здание министерства и обходить букинистические лавки Арбата, посещать Дом книги на проспекте Калинина.

За пятнадцать лет хождений собрал библиотеку русской и отчасти зарубежной классики, серию «Литературные мемуары» (личность писателя интересовала порой выше его творчества), немалую часть «Литературных памятников»; не пропускал достойных книг по истории, философии и искусству. Свёл знакомства со многими собирателями и среди них шапочное с актёром Александром Кайдановским и художником Ильёй Глазуновым. Всякий раз, заставая Александра Леонидовича, беседующего с продавщицей отдела «Литературоведение» в Доме книги, терпеливо ожидал, когда они закончат. Сублильный, небрежно одетый артист искоса поглядывал на меня и нехотя удалялся. В свою очередь и я комкал беседу с ней, заметив его, нервно стоящего в отдалении. Илья Сергеевич вёл себя иначе. Ухоженный и импозантный, он никогда не уступал мне место рядом с кокетливой брюнеткой из отдела «Антикварная книга», бесцеремонно вмешивался в разговор, когда я приходил раньше него.

Помимо букинистических на Арбате, случалось, заходил в комиссионный, желание иметь артефакт из прошлого, отвечающий моим устремлениям, охватывало всякий раз, когда замечал в уличной витрине необычный предмет. Здесь присмотрел подстаканник с тройкой, седок в коляске отдалённо напоминал Гоголя. К тому времени уже год, как я прокладывал свою колею, жил иллюзией скорого освобождения. «На ней

умчусь в светлую новь!» – думал, оплачивая покупку, заказывая дарственную надпись: «Себе самому с удовольствием и надеждой».

Через восемнадцать лет подстаканник вновь окажется в комиссионке, но не на Арбате в Москве, а на улице Декабристов в двух шагах от Невы, и не на полке для продажи, а на чайном столике у директора.

Став «старьевщиком», в деятельность товароведа вмешиваться не стал, занялся организационными работами: оформлением наружных витрин, расширением торговых площадей, приведением их в надлежащий вид.

Обсудив с рекламным агентом текст объявления в газете, согласовывал с рабочими колер для стен нового зала и отправлялся на поиски потолочных светильников, линолеума для пола, отопительной арматуры. В другой раз, обзвонив десяток типографий с намерением разместить заказ на печать бланков договоров-комиссии, спешил на окраину, где прогоревшие в дефолт, распродавали торговое оборудование.

За два года расширил площадь магазина в три раза, создал пять отделов: посуды, техники, детской одежды, букинистический и антикварный; коллектив разросся до десяти человек.

В 2000-м на городском конкурсе на лучшую организацию комиссионной торговли в номинации «Комбинированный ассортимент товаров» магазин занял третье место, при этом два первых никому не присудили.

Перед следующим этапом – преобразованием магазина в «Центр комиссионной торговли» с отделениями во всех частях города – взял таймаут, требовалось выработать тактику, накопить средств. Обдумывать планы мне сподручней в движении – мало ли какая вывеска, витрина или пешеход натолкнут на дельную мысль – и при благоприятной погоде стал покидать рабочее место и совершать прогулки по Коломне. Так исторически назывался район, где пролежала улица Декабристов.

Коломна хотя и считалась центром города, походила скорее на бедную родственницу при царствующей особе, ничто в ней не напоминало столицу бывшей Российской империи. И лишь соседство с Театральной площадью и Никольским собором говорило о том, что она где-то рядом.

Меня и прежде удивляли амбиции города, именовать всякое здание в нём дворцом, а улицы – проспектами. Проспект – в представлении москвича – широкая, скоростная магистраль. А как можно было назвать Английский проспект проспектом, если

из конца в конец прошёл его за пятнадцать минут? На светофоре в два ряда автомобили на нём стоять могли, двигаться для безопасности предпочитали в один. Лермонтовский в пределах Коломны оказался просторней, но на пять минут короче. Конфигурация проспекта Римского-Корсакова в плане вообще вызвала ассоциацию с рисунком Антуана де Сент-Экзюпери к «Маленькому принцу», где писатель от имени героя сказки изобразил удава, проглотившего слона. На участке от площади Репина до Аларчина моста водители чувствовали себя вольготно, ничто здесь не мешало движению – на рисунке это жертва в утробе хищника. А за Аларчиным мостом все вытягивались в линию.

Из трёх дворцов, обнаруженных в Коломне, два оказались на набережной реки Мойки. Надстроенное и осовремененное здание академии физической культуры имени П.Ф. Лесгафта, если бы не окна и балюстрада террасы, мало чем напоминало чертог великокняжеской четы. Другой – одноэтажный, с двумя парадными входами и башенкой – соответствовал высокому званию, но находился в аварийном состоянии. Дворец культуры имени Первой пятилетки на улице Декабристов числился таковым номинально.

Мавританский стиль синагоги в начале Лермонтовского проспекта впечатления не произвёл, а новоявленные ортодоксы позабавили; в дни религиозных праздников они появлялись на улице. Впереди – в долгополом сюртуке и шляпе – глава семьи, следом сыновья с кипами на головах, жена и дочери. Девочки вели себя достойно, мальчишки обычно, в походке и выражении лица их родителя читалось превосходство и пренебрежение. Полагая, что вера – это глубоко интимное состояние души, к подобным демонстрациям относился снисходительно.

В здании церкви во имя священномученика Исидора Юрьевского на канале Грибоедова ещё недавно располагался Художественно-оформительский комбинат, повсюду велись восстановительные работы. Но рукописный листок с расписанием служб уже белел на запачканной двери.

Прихожан костёла Святого Станислава на улице Союза Печатников не видел, храм казался необитаемым, как и трёхэтажное здание в духе конструктивизма напротив магазина. Никаких признаков, указывающих на то, что это бывшая Лютеранская кирха, не обнаружил.

Нашлись в рядовой застройке Коломны и откровения. Приглянулся особняк нидерландского консула на Английском проспекте, теперь здесь Военный комиссариат. Из-за утраты ассиметричных

балконов, не сразу разглядел черты модерна в доме № 10 на улице Писарева; из девятнадцати окон его фасада практически ни одно не повторялось. Заинтересовал кукольный замок, перенесённый сюда как будто из западноевропейского городка. Он тихо разрушался у Храповицкого моста.

Жизнь в Коломне, заметная на остановках общественного транспорта и у магазинов, вдали от них замирала. Прилегающие к основным трассам улицы, пугали безлюдьем и тишиной, неестественной для центра. От соседних с площадью Кулибина, которую местные иначе как «квадрат» не называли, торопливо бежал, ощущение гиблого места не покинуло, даже когда вернулся к себе. Не лучше показалось и в районе Покровки, или площади Тургенева, на современный лад.

У воды дышалось свободней. Коломна, как и значительная часть города, покоилась на островах, ограничивалась реками: Фонтанка, Крюков канал, Мойка и Пряжка. С востока её пересекал канал Грибоедова. Прогуливаясь по набережной Мойки – ближайшей к магазину, – рассматривал строения Новой Голландии, скрытые за тополями. Остров находился в ведении военных, посторонних туда не пускали. Остановившись напротив знаменитой арки, крошил в воду хлеб для уток, представлял, как гружёные баржи проходили под её сводом во внутренний бассейн острова.

Набережную Пряжки не жаловал, здесь остро ощущалась окраина и влияние улиц мистического «квадрата». Дом скорби на противоположном берегу также не вызывал вдохновения.

Имена архитекторов Коломны и прежних владельцев домов узнавал из надписей на чугунных табличках, а знаменитых жителей – на мемориальных досках. У тех, кого не знал, долго не задерживался. Постоял на Мастерской улице у дома, где бедствовал Чюрлёнис. Побродил вокруг домишки на канале Грибоедова, в котором (как тогда считалось), приехав из Москвы, поселились родители Пушкина, и где лицеистом он гостил у них на каникулах¹⁸. Побывал у доходного дома на Фонтанке, в котором они действительно снимали квартиру и откуда, окончив учёбу, он начал выезжать в свет. Посмотрел на угловатое здание на площади Репина, где в оборудованной мансарде художник создал великие полотна. Посетил квартиру Блока в доме на Пряжке и квартиру его матери двумя этажами ниже, в которой он умер. Озадаченный посмертной маской, не виденной мною прежде, посидел на пне у входа на чёрную лестницу, откуда его выносили. «Куда девался пышноволосый юноша в студенческой тужурке? – спрашивал себя, отгоняя мысли, навеянные Оскаром Уайльдом. – Что за старик лежал на

смертном одре?» Образ дедовского Шахматово, так любовно устроенного им, сменялся картинами разорения и пепелища; благостный покой кабинета – гомоном подселённой матросни; дымящегося кофе по утрам – куском ржавой селёдки, которую ещё требовалось добыть.

«Не он один пережил обстоятельства. Так почему только на него они подействовали так катастрофически? Были те, кто принял, и те, кто отверг. А он... между. Как должен был он ненавидеть себя, осознав ошибку? Какие муки терпеть от одной только мысли, что печать Каина теперь навсегда? А тут ещё гиблый «квадрат» неподалёку и жёлтый дом. Зря он сюда переехал».

Возвращаясь к себе, взглянул на окна магазина, в которых для рекламы разместил муляж холодильника, швейную машинку, супницу со стопками тарелок, статуэтку английского дога. «А ведь он, проходя мимо, отражался в них? Как и его гости...» – и замер с озорной мальчишеской надеждой: вдруг мелькнёт силуэт Валерия Брюсова, проедет пролётка с Анною Ахматовой. Но стёкла отражали трамвай, выходящих из него жителей близлежащих домов, с которыми с недавних пор начал знакомится. Слонящегося без дела директора, сотрудницы стали приглашать на разборки, случающиеся иногда в магазине.

Однажды вызвали к старухе. «Какая-то сумасшедшая, – возмущалась продавщица, войдя в кабинет, – требует, чтобы ей вернули драгоценности. Я ей говорю: «Вы нам ничего не сдавали», а она бубнит одно и то же: «Мне деньги не нужны, верните вещи». Я вышел. Грузная неопрятная женщина стояла у прилавка и выражала недовольство: «Здесь лежали мои бриллианты, а тут, – она ткнула пальцем в витрину, – жемчужное ожерелье». Она заметила меня и осеклась. Пока собиралась с мыслями, в разговор вступила посетительница за её спиной. «Не слушайте её. Она всё врёт. Раньше дворничихой у нас работала, а когда Горбачёв объявил гласность, вдруг вспомнила, что она дочь «их высокопревосходительства». Проходу никому не давала. А после того, как Ельцин перезахоронил царскую семью в Петропавловке, ей совсем башку снесло. Пристаёт ко всем, чтобы вернули похищенное. А саму от помоек не оттащишь. Вон, сумищи набила». Старуха недобрым взглядом окинула говорившую, горестно покачала головой, подняла с пола сумки и, тяжело ступая, пошла к выходу.

Другой раз позвали к девчужке. Рабочий день близился к концу, промозглый зимний вечер заглядывал в окна. Ладная, с румяными щёчками она ожидала меня в зале, посетителей – ни души. «Вам сегодня книгу приносили, – теребя в руках варежки, начала она, – вы её купили. Верните, пожалуйста. А деньги

за неё, я вам потом отдам». – «Какая книга? – не понял я. – Никаких книг я не покупаю, для этого существует товаровед». – «Неправда! – воскликнула она. – Вы купили! Мне брат сказал!» – и гневно посмотрела на меня. – «Честная! – мелькнуло в голове. – Так смотрят только те, кто ненавидит ложь». Но доброе чувство тут же сменила досада: не выношу несправедливых обвинений. Не показывая вида, что её слова задела, произнёс: «Милая девушка, повторяю: никакой книги я не покупал». Она пыталась возражать. Пришлось произнести фразу в третий раз. Отповедь подействовала. Девушка смутилась, огоньки в глазах погасли.

У меня подрастала дочь. Только став отцом девочки, почувствовал, как все они уязвимы. Всякий раз при мысли о том, что в будущем с ней может произойти, а меня, чтобы защитить, рядом не будет, во мне закипал безудержный протест, переходящий от бессилия в жалость – вечную спутницу бескорыстной любви. Сын таких эмоций не вызывал.

«Ну вот, – настала моя очередь огорчаться, – пришла с уверенностью, что вернёт пропажу, а ты лишил её надежды».

Заметив, что девушка надевает варежки и собирается уходить, попросил: «Объясни подробнее, что произошло?» Она остановилась. – «У папы книга была. Старинная. Там все боярские рода перечислены. Он говорил, что, когда вырасту, деньги от её продажи пойдут мне на образование. Брат об этом не знал, пришёл из армии и загнал её, сказал, что вам». – «А что же отец?» Девушка потупилась. – «Папа умер» – скорее догадался, чем расслышал я.

Всё в её сердечке открылось: боль потери отца, обида на брата, отчаяние за неудачу вернуть реликвию. И хотя конец истории был мне ясен, как мог успокоил её, посоветовал к кому ещё можно обратиться и научил как правильно разговаривать.

От идеи «Центра комиссионной торговли» пришлось отказаться. Город – собственник помещения магазина – в лице Комитета по управлению городским имуществом под формальным предлогом потребовал расторжения договора аренды и освобождения занимаемых площадей. Мне только исполнилось пятьдесят, дочь училась в частной гимназии, жена занималась её воспитанием и вела хозяйство, накоплений – ноль, всю прибыль вкладывал в развитие торговли.

Конфронтация с городскими чиновниками длилась около года. В результате право на пользование просторным отремонтированным помещением переуступил третьему лицу, сам занял меньшее, но в этом же доме. Количество отделов сократилось до двух,

число сотрудников – до трёх, обязанность товароведа принял на себя.

Работая в министерстве и тратя обеденное время на поиски книг, знавал таких собирателей, которые приобретали их не только для личного пользования, но и перепродажи. Новенький двухтомник Евгения Евтушенко стоимостью 4 руб. 70 коп, взятый с боем на втором этаже «Дома книги», с рук отлетал за 25. Купленный из-под прилавка букинистический восьмитомник Артура Конан Дойля, оценённый в 100 рублей, уходил в полтора раза дороже.

Не успев утвердиться в новой для себя должности, обнаружил среди покупателей похожих. Объезжая с десятков скупок и комиссионков в день, они выискивали недооцененные предметы. Их интересы в то время ограничивались произведениями искусства и вещами, изготовленными до революции и в первые годы советской власти. От обычных покупателей они отличались обширными познаниями в живописи, в декоративно-прикладном искусстве и народных промыслах. Приобретаемое подновляли и выставляли в антикварных салонах, перепродавали знакомым коллекционерам. На местном сленге таких именовали «крутящиеся».

Как у всякого, у них имелись имена, но поскольку Юриев, Михайлов и Андреев среди них было много, то каждого в отдельности идентифицировали по прозвищу, характеризующему внешний вид, черту характера или круг интересов. Дима-пагон тяготел к военной тематике, Саша-Будда – к Востоку; двух Евгениев отличали по возрасту: Женя-молодой, Женя-старый; дел с Колей-противным старались не иметь, а Серёжа-борода – классный парень. Именно они, не желая того, стали моими учителями в увлекательной науке знаточества – атрибуции произведений искусства и артефактов прошлого. Под их влиянием развилось художественное чутьё, окрепло влечение к прекрасному, не без их участия сменил курс магазина, взятый прежними товароведами: от малопользованных утилитарных вещей – к предметам минувшего. Старая Коломна, населённая когда-то мелкими чиновниками, мастеровыми и театральной богемой сумела сохранить в себе прошлое.

Смена курса заметно повлияла на состав покупателей. Подобно Илье Глазунову и Александру Кайдановскому в Москве, нас стали посещать публичные люди, и в первую очередь – артисты Мариинского театра. Не сложно было узнать в улыбочивом мужчине всемирно известного тенора Владимира Галузина, труднее – в выбирающем украшение для супруги – баритона Евгения Уланова, в любительнице живописи – сопрано Светлану Волкову, а в ностальгирующей по «совку» жительнице Франции

- меццо-сопрано Елену Соммер. Помог Геннадий Иванович Беззубенков – бас, народный артист России. Приглашая на спектакли со своим участием, Геннадий Иванович открыл для меня не только богатство мирового оперного репертуара, но и доставил радость узнавания своих клиентов на сцене и в оркестровой яме. Дружеские отношения с премьером балетной труппы Игорем Колбом расширили круг знакомства в мире танца.

Вскоре при магазине образовалось некое подобие клуба, который про себя называл «друзья магазина». Здесь пересекались интересы не только музыкантов, певцов и артистов балета, но и профессора университета телекоммуникаций им. М.А. Бонч-Бруевича Евгения Рафаиловича Милютина, детской писательницы Милы Блиновой и краеведа Татьяны Соловьёвой, актёра театра Балтийский дом Михаила Брискина и музыкального режиссёра и тележурналистки Ирины Таймановой, посещавшей нас с супругом композитором Владиславом Успенским, митрополита Истинно-православной церкви Антония (Корбата) и священника Новгородской епархии отца Иоанна, владельца бара «Шемрок» на Театральной площади Сергея Закревского и предпринимателя Андрея Тумарева.

Обсуждения и споры случались всякий раз, как только в торговом зале встречались два-три члена «клуба». Посиделки перед закрытием вообще превращались в вечера воспоминаний, наперебой звучали истории о «жирных годах» исхода евреев в Перестройку, рассказы о приобретении уникальных вещей, антикварные байки. Запоздалые посетители останавливались послушать знатоков.

Марина Анатольевна Гулина – заведующая кафедрой на факультете психологии СПбГУ утверждала, что магазин повысил культурный уровень Коломны. «Намоленным местом» называла его художник-реставратор фарфора Ирина Всеволодовна Ларионова.

О нас появились статьи в газетах, фотографии в журналах, центральные каналы присылали телеоператоров и корреспондентов, какое-то издательство включило в путеводитель по городу для иностранцев; итальянская, французская и немецкая речь зазвучала у прилавков.

О теории «шести рукопожатий» впервые услышал от книголюбов на Арбате. Утверждение, что всякий человек знает любого другого на земле через пятерых общих знакомых, заинтересовало. От президента Соединённых Штатов в то время меня отделяли двое. При встречах я пожимал руку министру, в чьём подчинении

находился, он в свою очередь Генеральному секретарю ЦК КПСС, тот во время визита в Америку – хозяину Белого Дома. От лидера кубинской революции Фиделя Кастро и Премьер-министра Индии Индиры Ганди вообще один – Илья Глазунов. От режиссёров Андрея Тарковского и Станислава Говорухина – Александр Кайдановский. Сделанное тогда «открытие»: чем короче цепочки, тем выше и увереннее человек себя осознаёт, а чем многочисленней и разнообразней, тем прочнее, потешило самолюбие. Клуб «друзей магазина» вернул забытое ощущение. А новое поприще подсказало другое: «общий знакомый может соединить не только с живущим, но и с ушедшим». Сделал его после того, как повстречал девушку с румяными щёчками, что приходила за книгой, и сопровождал до дома на Английском проспекте, где она проживала.

Как и предполагал, поиски раритетного издания положительного результата не дали: достойные предметы, купленные за бесценок, обычно не возвращают. Выпытать что-либо о семье, о ней самой, удалось мало. «Честная, но скрытная, – подытожил, простившись, – общается из вежливости». Её брат, который вскоре явился и предложил довоенный радиоприёмник, оказался разговорчивее. От него узнал, что их отец – известный актёр, к которому я испытывал уважение. Оказалось, мы часто ходили с ним одними дорогами, но постоянно расходился во времени. По пути на Арбат, спускаясь с проспекта Калинина на улицу Вахтангова, я шёл мимо Щепкинского училища, студентом которого ещё недавно он был. Перебравшись в Ленинград, артист одно время служил в театре на Моховой улице, в доме по соседству вскоре поселится мой брат Владимир. В Коломне наши пути сошлись. Меня привёл сюда случай, его двадцатью годами ранее женитьба на однокурснице. Ко дню как его не стало магазин существовал четыре года. Уверен, что заходил, когда я отлучался в банк или в налоговую инспекцию; разгуливая по району, наверняка, я шагал по дороге, которую, минуту назад, преодолел он. Не сомневаясь, что к своей дочери актёр относился также трепетно, как я к своей, принял от него опеку над ней. На тот момент она училась в Университете кино и телевиденья, звали её Александра Стреляная.

Попадалась на глаза и дочь «их высокопревосходительства». Неблаговидное занятие – рыться в мусоре, – как и думал, приносило старухе доход. Ценные бытовые отходы сдавала в пункты приёма вторсырья, пригодную для носки одежду за гроши призраивала малоимущим. Конкуренцию ей составляла невысокая, шустрая женщина, непонятно откуда появившаяся в Коломне и прозванная за чёрный парик Клеопатрой. У неё был приятный волжский говорок и непобедимая мания: она ощущала

себя посланницей Бога на земле, призванной отмолить грехи мира.

«Осталась чуть-чуть, – убеждала она всякого, готового слушать, – миг и мы прорвёмся. Временноушедшие – так она называла умерших – возвратятся. Люди станут счастливые как дети. А не отмолю – сОна разОбъёт плОнету. Вы распОдётесь на раКовые клетки, а я уйду за Богом след в след». После чего делала хитрое лицо, давая понять, что спасение человечества напрямую зависит от твоей щедрости.

Называла она себя Ася, Ася Клемент, по отцу Исааковна. «БатькО у меня настОящий еврей, пОрхатый, – делилась в минуты откровения, – а мама кроткая».

С детства Асю готовили в Палехское художественное училище, но не прошла по зрению. Дважды была замужем. «Первый – трОгически пОгиб, втОрой – тОтарин. Гулял От меня страшнО». Когда развелась и возвратилась домой, «батькО» её не принял. Свою «избранность» она уже ощущала. Оставив сына сестре, ушла, чтобы возвратиться в ореоле спасительницы.

В отличие от дочери «их высокопревосходительства», «посланица Бога на земле» жилья не имела, на ночлег просилась к знакомым женщинам, а когда те отказывали, устраивалась на лестничной площадке в домах, где ещё не установили дверей с кодовыми замками.

В августе 2004-го магазин обокрали. Проникнув через окно, злоумышленники наломали и разбили не меньше, чем унесли. Пришлось влезать в долги, выплаты пострадавшим комитентам растянулись на годы. Чтобы не допустить повторения подобного, пригласил Асю ночным сторожем. «Хватит прыгать по этажам, – убеждал её. – Вечером Светлана Дунаева тебя впустит, ночь отдохнёшь, утром свободна – гуляй на все четыре стороны». Не сразу, но Ася согласилась. От раскладушки отказалась, спала на полу на поролоновом матрасе. По утрам убиралась, получая за это вознаграждение, днём обходила контейнерные площадки Коломны, отдыхая между рейдами в «Щуке» – рюмочной по соседству. От алкоголя, как и от мужчин, шарахалась, раздавая трофеи посетителям, выклиничивала у них мелочишку, пугала «ядернОй зимой». Приглядевшись к ней, привлёк к торговле, подменяла продавцов, когда те отлучались. На моё предложение оформить паспорт, купить билет до дома, неизменно отвечала: «СпОсибО, не надО».

Встречи с Александрой Стреляной, дочерью «их превосходительства» и Асей не были случайными. Одно дело принести в магазин серебряную ложку, водочный графин или рыбное блюдо, другое

- резной буфет, напольные часы, бронзовую люстру. На эти предметы, прежде чем дать согласие на доставку, отправлялся смотреть. Так детское увлечение «ходить по квартирам» стало частью обязанностей. И если в мальчишестве чужая обстановка и быт раздвигали горизонты, то теперь, интересуясь происхождением вещей, расспрашивая о судьбах прежних владельцев, совершал экскурсии в прошлое. Вскоре в Коломне не осталось улицы, площади, переулки, проходя по которым, с кем-нибудь не здоровался, не существовало дома, где что-нибудь не приобретал.

В первой съёмной квартире, в которой мы поселились, приехав из Москвы, имелось всё необходимое, последующие искал пустыми. Желание окружить себя предметами старины возобладало над новомодным дизайном.

Последнее десятилетие в Москве прошло у меня под знаком интереса к живописи. Началось с повести Ирвинга Стоуна «Жажда жизни» о Винсенте Ван Гоге. Поставив книгу за стекло, поспешил на Волхонку в Музей изобразительного искусства, где экспонировались картины знаменитого голландца. Бывая на Кузнечном мосту, заходил в Дом художника, экспозиции московских мастеров менялись там регулярно. Не пропустил выставку в Манеже «К 30-летию творческой жизни» конкурента за место напротив брюнетки в отделе «Антикварная книга»; отстоял очередь в Дом молодёжи, где выставлялось его полотно «Мистерия XX века». С надеждой угадать будущий шедевр, наведывался в художественный салон на Петровке, но ни одна из работ, выставленных там на продажу, желания расстаться с деньгами не вызвала. А на благотворительном базаре по сбору средств на восстановление церкви Николая Чудотворца в Клённыхках, решился - приобрёл картину Фёдора Моржова «Допрос» на тему пушкинской «Капитанской дочки». На выставке «Молодые художники России» в Политехническом музее поддался обаянию сказочно-фантазийных сюжетов Анвара Сайфутдинова. Юношеский этюд и эскиз в понравившейся манере Анвар мне не уступил, довольствовался «Зимней думкой» - боярской дочерью у края бревенчатого сруба.

Обосновавшись на месте товароведа, собирательство продолжил, предпочитая русскую реалистическую школу всему остальному. Понятно, имена первого и второго ряда Коломна не предлагала, но третьего и четвёртого не упустил. От принципа «лучшее - враг хорошего» страдали стены съёмных квартир.

Всё бы так и продолжалось, если бы не Владислав Фёдорович Афоничев - пожилой комитент с кухонной утварью, оказавшийся на деле художником-нонконформистом. Как Геннадий Иванович

Беззубенков и Игорь Колб ввели меня в светлый мир классического искусства, так с Афоничевым спустился в полумрак ленинградского андеграунда. Квартирная выставка, куда он меня пригласил, подобно спектаклю театра на Таганке, перевернула представление о прекрасном. Со сцены ветхозаветного братоубийства – первой картины, заказанной Афоничеву, – началось увлечение неформальной живописью.

Рассматривая готовую работу, принесённую Владиславом Фёдоровичем, зловещую ухмылку Каина и бескровное лицо Авеля, поинтересовался:

– А как вы себя осознаёте как художник?

– Я? – переспросил Афоничев. – Я гений!

Внутреннее ощущение далеко не публичная оценка. Многие творческие индивидуальности, чтобы сгладить это противоречие, прибегают к универсальному русскому средству. Вдохновляются им в начале пути, глушат сомнения в зрелом возрасте, попадая в зависимость, когда всё уже сказано, нарисовано, сделано. Афоничев оказался не без греха. Большим талантом, следовательно, и большей тягой к спиртному обладал его товарищ Владимир Евгеньевич Яшке, прозванный Дедушкой Митьков. Но притязаний на место в пантеоне он не декларировал. Хотя...

Я рассматривал кучевые облака на его картине, он задумчиво курил, сидя на кровати. Неожиданная ассоциация с виденным когда-то на Волхонке наполнила меня радостью. Полагая, что, поделившись ею, польщу художнику, воскликнул: «Как у Ван Гога!» Слова, как плётка хлестанули по нему. Он как-то пригнулся и сжался, словно ожидая второго удара.

«Обиделся», – опешил я, и радость исчезла.

Группа «Митьки», в которую входил Яшке, возникла в Ленинграде в годы Перестройки. До Москвы долетал шум, поднятый вокруг неё, мелькала примитивная живопись, рисунки, похожие на карикатуры; как рекламный слоган звучали фамилии лидеров: Флоренский, Шагин, Шинкарёв. Но кроме шутки: «На красный горбачёвский террор, митьки ответили белой горячкой» ничего не впечатляло. Что другое скрывалось за «братушками» в тельниках, словечками «дык» и «ёлы-палы» из Москвы не разглядеть. На месте картина произвела удручающее впечатление. Принцип – имидж важнее искусства привёл к распаду творческого объединения.

Яшке примкнул к движению ради возможности выставляться. В первом составе он был самым старшим, потому и получил

прозвище Дед. Но ничего митьковского к нему не прилипло, ни «ласковости, граничащей с идиотизмом»¹⁹, ни «сентиментального уныния», и «всегда навеселе» он не казался, а был. Единственное, чем соответствовал каноническому образу митька, так это то, что был «абсолютно не агрессивен» и «никогда не причинял людям сознательного зла».

В его мастерской в дворовом флигеле дома на Мойке, я познакомился с Юрием Шином – несостоявшимся художником и другом Яшке со сквота на Пушкинской, 10, и художником и поэтом, а может, поэтом и художником Игорем Пучниным. На юбилейной выставке «Митьки. 25-лет» меня представили Дмитрию Шагину, приватизировавшему к тому времени бренд. Не знаю как, но о нашей магазине прослышал другой лидер группы – Александр Флоренский. Они с женой Ольгой трудились над арт-проектом «Скелеты», наведывались за материалами для инсталляций. Через Юрия Молодковца – главного фотографа Эрмитажа – заполучил в гости идеолога митьковского движения Владимира Шинкарёва. От Афоничева узнал, что под рясой священника Новгородской епархии отца Иоанна скрывается художник-авангардист Иван Сотников. Именно Иван Юрьевич, когда ко мне попал необычный натюрморт с доской для столеточных шашек, игровой костью и детским мячиком, посоветовал обратиться к старейшему ленинградскому оппозиционеру официальной культуры Владлену Васильевичу Гаврильчику, чтобы подтвердил авторство.

Становление бизнеса, борьба за выживание, увлечение антиквариатом и собирание живописи ни на миг не заслонили памяти о временах творчества. Среди комитентов и покупателей давно разглядел «плюшкиных» и «ноздрёвых», «коробочки» ходили косяками. Досадуя, что не наделён талантом Гоголя, вытягивал из них по чёрточке, складывал в типажи: «законница», «свиной глаз», «нувориш». Мечтал: «Гоголь использовал кочующего героя, мой будет сидельцем в лавке». Подыскивал фабулу. В одну из ночей почувствовал себя под «саюкинским дуршлагом».

СРЕТЕНЬЯ

Я встречал людей безразличных к живописи Владимира Яшке, меня же она восхитила. В тот день, когда Владислав Афоничев познакомил с художником, почувствовал себя чуть ли Семионом на ступенях Иерусалимского храма. Хмельной и нетвёрдо стоящий на ногах автор «Зинаиды Морковкиной» заслонил «мёртвых душ». Желание писать с натуры возникло не сразу, но,

пробудившись, возобладало над сочинительством. Об истоках его творчества не помышлял, порожные пузырьки «боярышника» и винные тетрапаки надёжно перекрывали доступ. Выбрал роль «зеркала», отображая повседневность, транслировал уважение к личности и его искусству. Повествование от третьего лица лишало действие реалистичности, я же вознамерился максимально приблизиться к ней. Не колеблясь, вывел местоимение «я». К задумке отнесся как к пробе пера и заторопился, приравнивая посмертный фимиам к акту вандализма.

До подвига Душана Петровича Маковицкого – врача и хронографа Льва Толстого – мне было далеко, но я упорно, возвращаясь из мастерской художника, фиксировал события, восстанавливал диалоги. Записывал по старинке чернилами.

В первую волну я пользовался исключительно перьевыми ручками. Ценил их не меньше А.Н. Толстого, ревнуя его к его же словам, что «приглянувшиеся готов красть». Советских и китайских, поршневых и пипеточных, с золотыми перьями и стальными извёл штук десять. Хранил в пластмассовом стаканчике, именуемом «кладбище вдохновения». Погоню за ним металл в ручках не выдерживал. Попытка использовать пишущую машинку закончилась неудачей, мысли настолько опережали пальцы, что сдвинул агрегат в сторону и вернулся к перу.

Рассказы о художнике впервые набирал на компьютере, порадовала возможность исправлений. Раньше, чтобы изменить предлог, окончание, вставить или поменять местами слова, вымарывал, мельчил между строк, писал на свободных местах и заводил стрелки. Когда задуманное казалось отражено верно, переписывал набело. Но в процессе возникали свежие идеи и «готовое предложение» реконструировал. И так несколько раз. Изматывало похлеще рудокопа в шахте. Клавиатура компьютера и монитор избавили от страданий, манипулировал славами и абзацами, как фокусник.

С 2003 года мы снимали квартиру в Колтушах. До ввода в действие Ладожского вокзала дорога до дома представлялась загородной прогулкой, минутное препятствие в виде одноколейки при выезде из города не в счёт. Строительство дополнительных путей и возросшее движение перегородило шоссе. Николаевский шлагбаум заменили устройством ограждения переезда, будку дежурного – постом ГАИ. С обеих сторон улицы Коммуны выстроились автомобильные очереди. Со стороны области картина не лучше. Столпотворение длилось более года, в конце 2004-го возвели путепровод. Радость полёта над

железнодорожными путями и ненавистным постом ГАИ длилась недолго, подоспел ввод жилья на завоёванных территориях в Янино и Павлово. Чтобы к десяти часам доставить дочь в гимназию на Заневском проспекте, выезжал в восемь. Заканчивая рабочий день в семь вечера, двигатель глушил в половине девятого. О бдениях по ночам не могло быть и речи, писал в магазине. По горячим следам работалось легко, азарт преследователя не остывал даже после докучливого комитента.

Идею книги «Ленинградский андеграунд от А до Я» навеяли фамилии героев: Афоничева и Яшке. Нашёл в ней место и Юрию Шину, и трагически погибшему Игорю Пучнину. Из опыта общения с Владленом Гаврильчиком, Иваном Сотниковым, Александром Флоренским и Владимиром Шинкаревым выудил еще пять историй. Законченный рассказ «Нищий в горах» – о картине Гаврильчика – показал Наталии Николаевне Шумских. Если в молодости, представляя себе первого, кому откроюсь, испытывал страх, а в случае публикации спрятался бы за псевдоним, то теперь авторства не скрывал: вымышленный герой сомнителен, за реального готов постоять. Единственно, передавая текст женщине, вильнул хвостом, дескать, знакомый желает приобрести полотно известного мастера и требует провенанс. Юрий Молодковец действительно нацелился на «гаврильчика» и интересовался происхождением, но был бы удовлетворен и устной байкой.

С Наталией Николаевной свёл случай. Обнаружив на полке знакомый предмет, зашла узнать имя сдатчика. Благочестивым Семионом при этом себя не почувствовал, скорее Ляпкиным-Тяпкиным в момент пренеприятного известия. В словах посетительницы, манере держать себя чувствовалась твердость. Не в моих правилах раскрывать источники, но ей пошёл навстречу. Справедливость важнее принципа.

Знакомство развивалось неспешно. Узнав, что она жена писателя Алексея Даниловича Леонова, ушедшего в 2005-м, подумал: «Ей и карты в руки». Мне было достаточно её «хорошо» или «плохо», она же вернула текст с вычеркнутыми предложениями, обведенными и пронумерованными словосочетаниями, надписями между строк, исправив грамматические и синтаксические ошибки, по-хозяйски расположилась на стуле для комитентов и учинила разбор, объяснила каждую правку, каждую линию и знак. Один обозначал «с красной строки», другой «с маленькой буквы», третий «поменять местами». Диагональные линии крест на крест, воспринятые вначале как приговор, на деле указывали на повторяющиеся слова, взятые в кружок и соединенные для наглядности. Нумеруя словосочетания, не меняя смысла,

предлагала расставить в ином порядке. О «всах» и «цах» знал от Горького, а то, что два стилистически выверенных предложения, поставленные одно за другим, обнаруживают в последнем много лишнего – открыла она, убрав два десятка «мне», «ему», «он», «её», «их», бросив мимоходом: «И так понятно». Освободила от вводных: «тем временем», «надо полагать». Удалила повторения близкими по смыслу словами. К часто употребляемым существительным и глаголам предложила синонимы. Приказала: «Исправьте».

Моя уловка спрятаться за Юру Молодковца оказалась ладошками, которыми ребёнок прикрывает глазки, прячась от родителей. Она меня раскусила и, покидая кабинет, добавила: «Пишите, у вас получится». Разбор замечаний занял больше времени, чем сочинение. Что-то принял безоговорочно, где-то проявил гонор. Свободным временем Наталия Николаевна не располагала, наведывалась изредка, брала по несколько главков, возвращала частями.

Способность к самообразованию – ценное качество, полученное мной по наследству. Анализируя её замечания, за крючками и стрелками старался угадывать мысли, познавал требования. Навыками пользовался и, расставаясь с очередной порцией написанного, надеялся на возврат чистой. Но получал, чернее предыдущих, а нотации жёстче. Не обижался. Уважая и ценя её, как гуру, незаметно переместил в стан оппонентов. Захлестнул азарт – написать безупречно. Выдерживал текст месяц – огрехи кололи глаза; через столько же декламировал в тишине – резали слух. Но и после двойного контроля встречались ляпы. Как налоговый инспектор! Нагрязнул с проверкой – отыщет недоимку, будь ты хоть супербухгалтер. Так и она тыкала носом, где облажался. Название «Записки барыги» предложено ею.

Самообучение – благо, нетерпение – бич. Желание держать в руках книгу, о которой грезил в двадцать семь лет, закипало, как смола в чане, где казнят честолюбцев. Рассказ «Кентавр» об Иване Сотникове не показал, «Terra incognita» о Владимире Шинкареве не закончил. Распечатал готовое и раздал героям. Правило: знакомить их с содержанием прежде, чем отдавать в печать, соблюдаю неукоснительно.

Гаврильчик к третьему посещению отнесся благосклонно.

– Печатай так. Я подлости никому в жизни не делал, а про меня пишут. И ничего, терплю. Ты плохого не написал? Нет? Печатай смело.

Я настоял; вечером он позвонил.

- Ознакомился. Понравилось. Добрые рассказы.

Невестка Афоничева, озабоченная неприглядной ролью в рассказе «Судьбу не обманешь», потребовала убрать о мытарствах художника после продажи квартиры. Иван Сотников написал отповедь на шутку со сменой фамилии; Александр Флоренский находился за рубежом, и «добро» за товарища дал Юрий Молодковец, он же первым ознакомился с повестью «Дедушка Яшке». За ним продавцы магазина Светлана Дунаева и Люба Зайцева, коллекционеры Алексей Родионов и Борис Файзулин, вдова Игоря Пучнина Елена Новикова. Оставался центральный персонаж. Надежды, что после операции на глазах Яшке осилит шрифт, было мало, читал ему в мастерской. На втором или третьем сеансе он спохватился.

- Что же я сию? - отыскал чистый холст, приладил на стуле. - Продолжайте, а я вас порисую.

Цельной картины от услышанного у него, думаю, не возникло. Имена и события будоражили память, после каждого абзаца углублялся в дебри. Я пытался фиксировать всполохи на оборотной стороне рукописи, но, не обладая техникой Маковицкого, отставал, радуясь потехам художника.

- Я об этом совершенно забыл, - хохотал он, рассказывая не относящуюся к делу историю. - Спасибо, напомнили...

Частые экскурсии в прошлое не дали завершить и портрет. Через два года он принесёт его, снабдив четверостишием:

Оригинал портретом недоволен. Судить об этом он, конечно, волен - не фотография. Ни марша, ни туше, но слишком многим этот образ по душе.

Единственно, о чём Яшке попросил, когда закончил чтение, убрать слово «кровать».

- Мастерская для работы, - заметил он, раскуривая сигарету, - жить в ней нельзя, а прилечь не возбраняется. Вдруг в Союзе прочтут? Явится комиссия, хлопот не оберешься. Шконка хорошо бы, но это из тюремного жаргона. Пусть будет лежанка.

Опасения были не напрасны, представители КУГИ - Комитета по управлению городским имуществом совместно с администрацией Союза художников устраивали визиты к владельцам льготных площадей, выискивали нецелевое использование. Слово «лежанка» для меня, что рыба кость в овсяной каше, но уступил.

Сведенную рукопись Наталии Николаевне не показал, вынес на авантитул слова благодарности и позвонил Михаилу Сапеге – издателю «Красного матроса». Книга вышла в сентябре 2011-го. В октябре в галерее «Борей» на Литейном проспекте прошла презентация и выставка картин из моего собрания. Афоничев странствовал по больницам, Сотников и Флоренский – непонятно где, а Гаврильчик и Яшке явились, радуя почитателей и фотокорреспондентов.

Незадолго до демобилизации Владимир Богданов порекомендовал мне книгу Мариэтты Шагинян «Четыре урока у Ленина», а сослуживец Владимир Смирнов подарил. Первый урок, усвоенный писательницей из чтения работ вождя и воспоминаний о нём, гласил: если тебя начинают хвалить, например, за выступление или, как в моём случае, за книгу, значит, ты плохо сделал своё дело. А если говорят о предмете так, как будто тебя рядом нет – значит хорошо.

После выхода «Записок» ко мне подходили знакомые и незнакомые люди, поздравляли. О Владимире Яшке, его живописи, образе жизни, о том, как помочь художнику – ни слова. В лучшем случае интересовались: «Он еще жив?» Конечно, это приятнее, чем безмолвие или хула. Но через месяц заскучал. Немного взбодрился, когда неизвестная женщина воскликнула: «А я вас узнала! Вы описали выставку Баркова. Я там присутствовала. Помню, как вы вошли: Боря Борщ, следом Владимир Яшке, затем вы с Пучниным. Барков, увидев вашу компанию, обрадовался. Было приятно пережить сцену вторично».

Удивил Вадим Сысоев.

– Жаль его.

Не думал, что Яшке может вызвать такое чувство.

– Почему жаль?

– Как почему? Вы разве не понимаете? Он х-у-д-о-ж-н-и-к! А значит несчастный.

Вадим – плакатист от Бога – существовал, тиражируя и продавая свою живопись, бедствовал, знал почём фунт лиха.

Обнадёжила, что не всё так плохо, заметка Андрея Щербака-Жукова в «Независимой газете». Чувство, доверенное слову, эхом отозвалось через сотни километров. Заметка называлась «Незаписки Небарыги».

Писательница Мила Блинова, прочитав книгу, посочувствовала:

- Вы только не обижайтесь, Геннадий Федорович, но у меня такое впечатление, что вы человек не реализовавшийся.

Годом ранее подписался бы под каждым её словом, но не теперь. Точка невозврата - это для самолётов.

ОБЛОМ

Следом за «Записками» сочинил шутейные «Больничные истории» и нечто более серьёзное о поединке человека и насекомого. Окончательно не отделал, переключился на «Последнего мужчину» - антитезу первой любви, и затормозил. Зажегся красный, из прошлого явилась тютчевская истина: «Мысль изречённая есть ложь», в рассказах от первого лица не беспокоила.

Задумался: герой поединка - палатный больной, обеспокоен пискотом комара. Самке для продолжения рода нужна капля его крови, ему, чтобы уснуть, - её жизнь. Взаимная охота длится до рассвета. Так почему остановился? Женщине на излете улыбнулась друг. Исповедей о расточительнице-весне и скряге-осени наслушался вдоволь, но дальше первой страницы не продвинулся.

Творческая фантазия - действующая сила литературного процесса вступила в конфликт с совестью. Синонимы слова «вымысел» - неправда, вранье, ложь, встали непроходимой засекой. Героя поединка не существовало. Он выдуман. Наделён реальными чертами, действует разумно, но рядом с полнокровным Яшке выглядит созданием Виктора Франкенштейна. Мало кто заметит, но я-то вижу! Интеллигентный мужчина, измученный бессонницей, измотанный в борьбе, собран из кусков, аляповатые швы предложений стягивали факты и выдумки. Невеста под стать. Возникла дилемма: либо не способен к художественности изначально, либо перескочил, оставил ребячество позади: шестьдесят лет не двадцать семь. Диагноз рак, хирургическая операция и курс лучевой терапии времени на её решение не оставляли. Первый тайм отыгран, до окончания второго осталось чуть-чуть. Надежды, что Судья добавит 5-7 минут из-за травмы, призрачны. Выйдя на поле вторично, на скамейку запасных не собирался. Публикация о магазине в газете «Невское время» определила следующую тему: продавец прошлого. Воображение уступило место «правде», как её представлял, своя колея помимо воли влилась в столбовую дорогу, начатую со стёжки протопопа Аввакума²⁰.

СПАСЕНИЕ

В детстве мы строили крепости. Ватага мальчишек - человек

десять – катала снежные шары, крупные – в основание, мелкие – на них; устраивали бойницы, лазы, заготавливали снежки. Окончив, делились на две команды, одна – гарнизон, другая – захватчики. Весело было и атаковать, и обороняться. С «войны» возвращался расхристанный и счастливый.

Выстроить подобную в одиночку казалось по силам. Как и «Записки» начал в магазине, но быстро почувствовал, что кроме раздражения работа ничего не даёт. Для «Барыги» было достаточно свежих впечатлений и полутора часов в день урывками. «Продавец прошлого» требовал иного: тишины, сосредоточенности, напряжения памяти.

В 2011-м, окончив гимназию, дочь поступила в университет, и мы сменили квартиру. Переезд из Колтушей на Васильевский остров сэкономил мне на дороге три часа, и я – «сова» по натуре – перекроил себя в «жаворонка», поднимаясь в шесть, занимаясь до девяти. Вечером к компьютеру не подходил, иначе до третьих петухов и «Скорой помощи». Лепил увлеченно, мало заботясь о том, как один ком подойдёт к другому. Не разгубил четыре года. «Последняя глава» готова, а до предпоследней – сто вёрст по сугробам. А оттепель не вечна. Мысль, что не успею, не смогу, не закончу, пустила корни. Слабые – навредить не могли, но окрепнув, разрушили бы замысел, как асфальт на дороге. Спасла Елена Уланова – супруга солиста Мариинского театра. Они с Евгением восприняли «Барыгу» по-особенному, поверили в меня, прониклись к творчеству Игоря Пучнина, просили, и я давал им его «Запасную книжку» и посмертный сборник стихов, составленный вдовой Еленой Новиковой.

– Геннадий Федорович, когда будет следующая? – искренне заинтересованная в продолжении «Записок» спросила Елена Уланова, не подозревая, что борюсь с «анчаром».

Вопрос был задан так кстати, что я раскрылся, стал объяснять, что задумал нечто вроде «Истории моего современника» В.Г. Короленко.

– Я думала будет такая же маленькая книжка.

Разговор на ходу и два слова перевернули ситуацию. «Маленькая книжка!» Я выбрал из снежных шаров несколько, обтесал, подогнал один к другому и слепил «Коломенского комиссионера». Пусть не крепость – снеговик. На безрыбье и рак щука.

Как и в предыдущем случае, к финишу заторопился, главу «Бартер» – об обмене с Ольгой Суворовой²¹ буфета на портрет моей дочери, не дописал, распечатал готовое и вручил заинтересованным лицам.

Единственный, кто указал на пробел между «Островом сокровищ» и «Не-эпилогом» (место недописанной главы) Александр Сергеевич Тургаев – ректор Санкт-Петербургского института культуры. Передавая профессору рукопись, пошутил: «Записки барыги» – дипломная работа, эта, надеюсь, потянет на кандидатскую». Оппонентом Александр Сергеевич оказался достойным, прочитал, что для соискателя уже честь. Успокоил: читать интересно, «ячеств» в меру.

Продавцы: Светлана Дунаева и Люба Зайцева замечаний не высказали, а Ася Клемент, прочитав главу о себе, заявила: «Неправда!» – «Что неправда?» – возмутились те. – «Всё неправда!» Существовая на деньги комиссионки, Ася давно перестала обходить контейнерные площадки Коломны, коротала дневные часы в рюмочной по соседству.

От Наталии Николаевны Шумских пощады не ждал. Обладая литературным чутьём, – подобием музыкального слуха, но более редким, – она на взгляд распознавала неточные слова, сочинённое и выдуманное чувствовала за страницу. «Что это такое? – спрашивала, тыкая карандашом в текст. – Откуда вы это взяли? Уберите немедленно, не позорьтесь».

Разбор произведения с автором – кульминация труда литературного редактора. Слушал её, а сравнения, как из рога изобилия: «Графит и алмаз. То и другое углерод. Различие – в кристаллической решётке. Она спрессовывает расходный материал, преобразуя его во что-то более ценное». Или: «Скульптор изваял фигуру и отлил в металле. Она удаляет выпоры и литники, делая бронзового истукана произведением искусства». И еще: «Я насадил огород, она пропальвает. Труд тяжёлый, неблагодарный. Зато после неё грядки без сорняков, откосы ровные».

Но Наталия Николаевна вырывала не только сорную траву, не щадила и культурных растений. Сколько потрачено на поиск образа инфляции, обнаруженного в пиранье «с отвисшей челюстью и налитыми кровью глазами». А потерю капитала в 98-м сравнил «с тушей быка, опрометчиво забредшего в воды Амазонии, где водится злобная рыбка». Она безжалостно удалила и то, и другое, обозвала «литературщиной». Покобенился, но отнёс в компостную яму.

Со словами: «А вдруг на нём кровь», перечеркнула концовку главы «Маркиза». Фразой Ремарка: «Всё забудется, а запах останется» запретила входить в отхожее место на Новодеревенской.

Когда натыкалась на рассуждения, высказывание собственного мнения, снимала очки, требовательно смотрела в глаза.

- Вы кем себя возомнили?

Пожимал плечами.

- Кем? Никем. Я такой есть, - внутренне грозя: «Я ещё нравоучительный роман напишу. Отпущу бороду и босым по Невскому...»

Подказала образ Есенина, «отсчитывающего номера домов», настояла на «Коломенском комиссионере», отказав «Продавцу прошлого», под чьим именем создавалась произведение. Боролся, но уступил, роман Жузе Агуалуза с подобным названием уже существовал.

На осмысление и исправление замечаний ушло более двух месяцев. К концу походил на марафонца за сто метров до финиша. Рукопись с постылым названием ненавидел. «В набор и в отпуск». Но Наталия Николаевна - требовательная и ответственная учинила вторую редакцию. Каково вместо Кисловодска бежать ещё круг! О пламени печи не помышлял, а отвращение к клавиатуре испытывал. К издательским делам её не допустил, совестно злоупотреблять расположением занятого человека и поплатился. Не замышляя худого, в типографии подложили свинью. Книга вышла без ISBN - уникального номера, необходимого для розничной торговли. Заметил Михаил Евстратович Устинов - он держал корректуру и делал вёрстку. До утра боролся с одеялом, а днём вернул тираж бракоделам, но десятка два экземпляров успел раздарить. Силы подшучивать над собой ещё оставались: «Прославлюсь, стану библиографической редкостью».

Татьяна Георгиевна Орбели - невестка академика Орбели, директора Эрмитажа в годы войны - явилась с претензией: «Геннадий Федорович, вы мне день испортили. Перед сном решила пролистнуть, не оторвалась до утра, хожу, как сомнамбула».

Юрий Акимкин - «золотая валторна Мариинского театра», - больше доверяя своим глазам, чем моим словам, потребовал подстаканник с «Гоголем». Надпись: «Себе самому с удовольствием и надеждой» сделал в год работы над повестью об Алексее Рожкове. Возвратив артефакт, попросил записки Любви Дельмас «Мои принципы в области музыкального искусства», отношения оперной певицы и Александра Блока нашли отображенье в главе «Улица Декабристов».

Анатолий Венидиктович Стефаненко, более известный антикварному сообществу, как Толя-автобус, резюмировал мнение «крутящихся»: «Ну что ж, написано живо, но всё про артистов и театр. Методики

втирания в доверие к старушкам нет, как сбивать цены – не понятно, и главное: где адрески?»

Кузьма Кульков – выпускник философского факультета университета – навёл тень на плетень, подпортил репутацию. Мы познакомились с ним, когда его заботил не Сократ или Жак Лакан, а то, что плющит и штырит. Через меня он сбывал не нужные ему вещи. По-купчески тороватый, по-детски открытый и ранимый, Кузьма отличался от горемык, ищущих у меня вспоможения. Я благоволил ему, подбирался к сознанию. Положение своё Кузьма осознавал, бездействие оправдывал ложным посылом: «Опущусь на дно, оттолкнусь и выплыву». На что возражал: «Дна нет, а если есть – илистое». Он обижался, огрызался порой, но слушал. Не без Божьей помощи увлёкся плотницким ремеслом, из неумейки вырос в мастера, возрождал и ставил на киль петровскую «Полтаву».

– Геннадий Федорович, а вы сами писали или вам помогали? – Кузьма бесцеремонно ввалился в кабинет, напугав женщину-комитента. – Читал и не мог разобраться. Знаете, у миллиардистов есть понятия «наигрыш» и «талант», у вас что? Ну, правда, скажите.

ВОСЬМОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

То, что разум познает действительность в двух направлениях, понял в молодости, «уткнувшись» в надпись на стене храма Аполлона в Дельфах. Первое – объективная реальность; знания о мире копятяся, наследуются, сомнений не вызывают. Второе – самого себя; тут опыт предыдущих поколений востребован мало. Процесс представился движением по анфиладе: «детская», «классы», «зеркальный зал нарциссизма», «романтическая гостиная», ... Каждый на долгом пути решает три извечные проблемы: самоутверждения, чувственности и смерти, испытывая при этом схожи со всеми чувства, повторяя ошибки, совершая «открытия». От века маршрут неизменен, меняется лишь пейзаж за окном.

Не подозревая опасности, я задержался в «библиотеке». Мысль: «И я так могу» не возникала, но подспудно, думаю, зрела, как у многих в «картинной галерее», «музыкальном салоне» или «кинозале». Малейшая способность вблизи искусства, резонирует. Следующее помещение «бассейн с морской водой и шквалистым ветром». Соломинку принял за бревно, еле спасся.

Но творчество заразно, иммунитета от болезни нет, и в мастерской Яшке подхватил бациллу вторично. Рецидив протекал спокойнее, под наблюдением врача.

Издав «Записки барыги», я рассекретился и поплатился. Юра-хулиган – «крутящийся» с уголовным прошлым, – принёс повесть, пожилой учитель физики – трактат о переустройстве государства, дамы в годах – сборники стихов, тратя скудные пенсии на типографские издания. Даже работники театра искали отдушину, рифмуя глаголы, копируя старых мастеров, фотографируя закаты.

Графоманов обычно ассоциируют с литературой, но они повсюду, только им не придумали названий. Естественно, примерил одежду на себя. Оказалась впору. Из десяти признаков, которые вычленил из обличительных статей, шесть оказались как по мне сшиты: желание писать, процесс доставляет удовольствие, написанное нравится, жажда публикаций, все творения о себе, истории банальны. Три отверг: невосприимчивость к критике, громкий псевдоним и я никогда не носил с собой своих произведений и не раздавал, чтобы оценили. С десятым – по мнению психологов наиглавнейшим – не определился. Классический признак графомана – серьёзное отношение к своему «писательству». Клиники точно нет. Не случайно же назвал «Коломенского комиссионера» снеговиком. Но подтвердив первые шесть, понятно, оно мне не безразлично и желание черкнуть ногтем по граниту здесь не главное. Оно наиболее приемлемое занятие в ожидании точки **В**. Что до остального, то до него как до собрания сочинений за государственный счёт.

Неосмотрительно с моей стороны возражать Воланду, рассуждающему о королевских корнях Маргариты. «Кровь – великое дело!» Безопаснее спорить с Живаго, утверждающим, что чувство равенства присуще только дворянству. Во мне ни того, ни другого, но никогда не чувствовал себя низко. И простолюдин Бетховен, не сворачивающий с дороги при встрече с августейшей особой, мне ближе вельможи Гёте, отступающего в поклоне. Создавая человека, Господь не помышлял о слуге, но владыке над миром.

Пять доказательств Фомы Аквинского о Его существовании, по совету профессора чёрной магии с Патриарших прудов, прочёл; шестое – Эммануила Канта – поленился. Седьмое – Михаила Булгакова известно каждому. Моё – восьмое, добыто из «Ветхого завета». Оно не из логики, как предыдущие, скорее из генетики.

С первого стиха Библии Бог предстаёт творцом. Мир – результат его творчества. Вдыхая жизнь в первого, Он передал божественный ген. Изгнание из рая и поиски пропитания заслонили на время способность творить, но она пробивалась

наскальными рисунками в пещере Альтамира, статуями Айн-Газаля, глиняными табличками шумеров. В женщине из ребра, его меньше. В детях, не познавших зла, переизбыток. Предвижу возражения, но именно близостью к источнику можно объяснить разноталантливость сынов Израиля.

Так какого же рожна молю о чуде, когда оно во мне. Творчество! Напрямую от кроманьонца к праотцу, а от него к Богу. И вопрос, кто заманил меня сюда, отпал.

Писал бы от третьего лица, закончил примерно так: «...зарю у храма Аполлона сменил полдень, удушливый день – прохлада сумерек. Солнце еще не зашло, а на востоке в фиолетовом мареве уже обозначились звёзды. Дельфы остались позади. Он неторопливо шагал навстречу ночи, уверенный: познать себя – познать Бога в себе. Установленная связь, придавала спокойствие, назначенная встреча согревала сердце».

КОРОТКО О ФИНАЛАХ

В литературе существуют разнообразные финалы. Один из них — открытый, когда концовка произведения не даёт однозначного представления о дальнейшей судьбе героев. Такой в «Записках барыги». Незавершённость позволяла вернуться к теме.

В «Коломенском комиссионере», неуверенный, что здоровье позволит вести бизнес, предпринял попытку подвести черту, но оставил лазейку. Заключительная глава называлась «Не-эпилог».

В этой книге финалов три: «Последний хэппенинг Яшке», «Взгляд издалека», «... и снизу». Первый финал закрывает «Записках барыги»; второй – «Коломенского комиссионера» и эту книгу; третий завершает трилогию и отображает эмоциональную и когнитивную реакцию автора на события одного дня.

Известно, что всякое суждение об увиденном зависит исключительно от личности наблюдателя и характеризует только его одного. Сколько в его мнении бесспорного, ошибочного и даже предосудительного ему судить сложно: так он видел.

ПОСЛЕДНИЙ ХЭППЕНИНГ ЯШКЕ

Теперь даже рад, что в двадцать семь у меня ничего не получилось. Нагородил бы огород, сейчас стыдился. Писать с натуры не легче, но честнее. Вдохновение не оставляет, посещает по праздникам серпантинном и конфетти; вечером от мишуры дух захватывает, наутро – досада и веник. Труд не подводит. На вахте круглосуточно, непосредственно у руля рано утром. Иной раз, «написав в голове», переносу

готовое на бумагу; в другой – «двигаюсь в направлении», кого и что встречу – сам удивляюсь. Работаю медленно, вписывая в круги треугольники и квадраты. Как автор, кажется, волен распоряжаться героями, рассматривать события с позиций, которые выгодны, но возникают обстоятельства, и меняю дислокацию. И ничего не могу поделать! Глава «Восьмое доказательство» предназначалась для другого сюжета, но явился Кузьма, и она здесь, кургузая и маловразумительная. Выходит, и точки для обзора выбираю не сам.

Действие «Записок барыги» обрывается 2010-м годом, а в 12-м на встречу с Отцом Небесным отправился Владислав Фёдорович Афоничев. Его невестка недовольная своей ролью в рассказе «Судьбу не обманешь», о смерти художника не сообщила, постфактум поведал отец Иоанн – Иван Сотников, приглашённый отпевать.

Сам Иван Юрьевич, пережив старших сыновей и выдав замуж дочек, выправился и приобрёл домик в Черногории; благодатный край и собственность взбодрили. Исчезая на Троицу и возвращаясь к Покрову, охотно рисовал план участка, оживлённо говорил об усадебных преобразованиях. Зимой мыкался, весну тосковал, а летом с младшими детьми и матушкой Татьяной за рулём – по европам к солнцу. Много рисовал, выставлялся в тамошних галереях, сблизился с клиром. Подумывал о переезде, но изменить слякотному северу не пришлось. В ноябре 2015-го от матушки Татьяны получил SMS: «Отец Иоанн отошел ко Господу». Застарелый диабет и злокачественная опухоль одолели кентавра²². Прощались в храме Святителя Петра, митрополита Московского, по христианской традиции лицо соавтора «ноль-объекта»²³ было покрыто воздухом – знак того, что являлся совершителем Тайн Божиих.

Через два года и восьмидесятивосьмилетний Владлен Васильевич Гаврильчик – вахтенный офицер, штурман пограничного транспорта, шкипер на Неве, повёл порожнюю баржу к истоку жизни.

Из героев «Записок», по сути, остался один Яшке. Что место рядом с ним небезопасно, первым отметил Александр Флоренский. Один за другим скончались близкие к Яшке люди: грузинский художник Гуджа, Игорь Пучнин, Юра Шин, Парикмахер.

В конце лета 2010-го мне удалось уговорить Шина и отправить его в Старый Оскол к матери. Обтрёпанный, он подавленно брёл по Невскому, мы с его подругой Евой как два надзирателя

по бокам. На Московском вокзале купил ему билет и, зная о его склонности к побегу, дал столько же проводнице, чтобы довезла. А в апреле следующего года, одетый с иголки, бритый и улыбающийся, Юра нарисовался в дверном проёме моего кабинета. Семь месяцев материнских слёз и забот полетели под хвост Уголёше²⁴. Три недели кутежа – и невменяемым Ева отгрузила его обратно, а в августе возник вновь. Из монгольского сына²⁵ Юра переродился в монгольского демона. Явится, перебаламутит день с ночью – и в Оскол; отлежится в больнице – назад, колобродить.

В декабре 12-го мы с братом Владимиром возвращались из Тамбова, – гостили у двоюродной сестры Раисы Ильиной дочери Марии Петровны и Василия Ивановича Субочевых, в доме которых накрыло «дуршлагом». Под перестук колес, хмарь и пургу за окном узнал о кончине Шина. Рассказывая по телефону, Яшке плакал: «Вечером посидели хорошо, утром проснулся, а он синюшный. Представляете, беру его за руку, а она холодная. «Скорую» вызвал, они – перевозку; положили в мешок и унесли. – Яшке помолчал и продолжил навзрыд: – Он последний! Никого не осталось! Мы ели из одной миски, пили из одного стакана. Все поровну, а теперь... Почему он?! Почему не я?!» И сокрушенно попросил: «Узнайте, от чего он умер. У него на губах кровь запеклась. Кровотечения нам не в диковинку, но, чтобы изо рта, ни в жизнь. Когда забирали, заметил».

Освободившееся место на шконке занял Слава Агабалаев, спрос на его картинку упал, и он подрабатывал разнорабочим на строительстве Мариинки-2. Появление наперсника упорядочило жизнь обоих. Каждый по-своему колдовал над холстом, дружно откладывали мастихин и кисти, тянулись к стаканам. Пастозные утхи на стенах сохли недолго. Яшке – понятно, но и на Славу развернулась охота. На отёчном лице строителя новой сцены всё чаще проступали черты гордого кавказца. Между тем некто, уверовав, что, изолируя Яшке от собутельника и обеспечив материалами, создаст уникальную коллекцию, разрушил их союз, что, возможно, спасло Агабалаеву жизнь. Подлечив мастера в стационаре и обособив на съёмной квартире, анонимный благодетель предложил: рисуй. Но Яшке – цветок прихотливый, в чужом горшке не заплотноносил. Тогда раздосадованный он вытянул из семьи художника несколько ранних работ, «дескать потратился на лечение», расплатился и исчез.

Самостоятельно вести хозяйство не по силам и Яшке приблизил к себе Парикмахера. Где свела их нелёгкая – Бог весть. Пучнин, Шин и Агабалаев душу за Деда заложили бы, этот

же расчухал в нём золотую антилопу²⁶. Получит у меня за литографию или пастель и прямым в закусную. Торопясь по улице Декабристов, видел его, уплетающего с двух рук. Насытит брюхо, потратится на копеечное съестное для старика, остальное на алкоголь. Сам употреблял по желанию, Яшке подносил по усмотрению. Я отказал проходимцу, стал носить гонорар в мастерскую. Но халява настолько развратила цирюльника, что, не стесняясь посторонних, с криком «Отдай!» вырывал купюры у художника и исчезал, якобы уплачивать долги за мифическое «совхозное молочко» и «пиво по семь евро», которыми выхаживал подопечного. Яшке конфузился, извинялся за нахлебника и просил не вмешиваться. Я сдерживался, но кто запретит Ему?

Древний закон – «О мертвых либо хорошо, либо ничего» – я не переступил, так как за века потерялась концовка: «...ничего, кроме правды». Со школьной скамьи знаю: «правд» много и каждая в отдельности «не правда». Но иным его не видел.

Фильм Даниила Бондаря и Игоря Морозова «Безумие рая», где Парикмахер фигурирует наравне с Яшке, смотрел дважды. Первый – при жизни художника – с возмущением. И герой не при орденах, и люди вокруг случайные, и к режиссёрам претензия. Снимаете непотребности – создайте перспективу, отдалите разноцветием его холстов, выставка в Русском музее позволяла. Но авторы не захотели или не смогли воспользоваться случаем, живописи в картине мало, не лучшая и редко по теме.

Второй – после смерти Владимира Евгеньевича. Чужие? Бог с ними и их фамильярностью. Они неинтересны. Яшке пьян? Но как изумительно пьян! Весело пьян. Интеллигентно. С ног до бороды в секунд-хенде, а как колоритен! За один только кадр, когда с кистью в одной руке, пузырьком и сигаретой в другой, затягиваясь, проливает содержимое склянки на себя, не замечает и продолжает творить, простил авторам грех невразумительного второго плана. Более точной характеристики не придумать. И Уголёша – тоже история.

К обессиленному хворьями и неурядицами художнику приблизилась семья: жена Валентина Викторовна, дочь Яна; всё чаще он оказывался у них в Петродворце, сдружился с внучкой и пёсиком Мариком. Изредка мы с ним перезванивались.

О том, что Яшке в хосписе, мне сообщила Наталья Багрова, она недавно вошла в близкое окружение живописца, готовила о нём книгу. Расспросив о диагнозе, помчался, благо недалеко – у Нарвских ворот.

Дурная привычка примерять ситуацию на себя. «Хоспис, –

думал, объезжая по кругу триумфальную арку, – притвор для оглашенных, без разницы желаешь в Царствие Небесное или нет. Когда-то войду в него не посетителем, как сейчас, клиентом». Удаление опухоли и курс лучевой терапии не избавили от метастазов. «Вот и хорошо, будет время подготовиться. Всё лучше, чем ткнуться в руль от аневризмы или тромба-предателя».

Пугающее на слух заведение, на взгляд оказалось вполне приличным, мне даже понравилось: цветы на лестничных площадках, репродукции на стенах. В палате на пять коек все места заняты, кто-то читал, кто-то смотрел в окно, кто-то дремал. Ни запахов, ни стонов.

Озвученный Натальей Багровой недуг предполагал изменение внешности и потерю веса, Яшке же встретил таким, каким видел его в последний раз. Новосёл сидел на кровати и, что называется, устраивался, Валентина Викторовна хлопотала у тумбочки.

Я никогда не приходил к нему без подарка, на этот раз прихватил стограммовую бутылочку бальзама. Как же он обрадовался, когда жена вышла и я вытянул презент из кармана. Половину употребил с чаем, остаток – на вечер, суетливо пристроил среди средств по уходу. Спиртовая настойка и «игра в секрет» подняли настроение. Довольный, откинулся на подушку. «Давай поболтаем». Но у супруги оказался нюх на контрабанду. Яшке был не при делах, все упрёки достались мне. Не зная, чем ещё ему потрафить, предложил прогулку. Владимир Евгеньевич загорелся, врач разрешил. Верхняя одежда у Яшке отсутствовала, и мы обрядили его в пуховик Валентины Викторовны. Передвигаться самостоятельно он уже не мог, пересадили в кресло-каталку. На улице позволил себе несколько снимков на телефон. День был ясный, экран отражал мою тень и облака над ней, нажимал на спуск, не различая объекта. Фотографии вышли однообразными. Дома, разглядывая их, обратил внимание, что на каждом он смотрел в небо. Вспомнилось, сказанное им когда-то: «Мне достаточно пяти минут необычного пейзажа, чтобы наполниться радостью на длительный срок». Насколько хватило нашей прогулки, не отвечу. Пуховик натянули, а с обувью вышла заминка: я вывез его в шлёпанцах и всех носках, которые у него нашлись. Осложнять положение простудой – себя не простишь. Когда обугленный фильтр полетел в сугроб, заторопился к подъезду. Валентина Викторовна ожидала за дверью, помогала вкатить по пандусу. Прежде чем подняться на свой этаж, осмотрели рисунки постояльцев на первом.

Выговор за бальзам осознал на обратном пути, когда градус напряжения первого дня несколько снизился. Ни сто грамм, ни двести «лечению» Яшке не повредили бы, в чём она упрекала меня. А то, что за нарушение режима могли выписать, это серьёзно; тяготы ухода легли бы на домашних. Меня аж передернуло, когда представил его выдворение по моей милости. Мысленно извинился перед Валентиной Викторовной и больше не возил, да он и не нуждался, находясь под воздействием анальгетиков.

Печальные новости распространяются быстро, вскоре в трёхэтажное здание за забором Городской больницы № 14 потянулись друзья. Валентина Викторовна и Яна, чередуясь, навещали его ежедневно, я по четвергам и ещё раз на неделе, если кто-то из них был занят или недомогал. В этом случае мне поручали кормить его. Под бодрые звуки «Детского радио», которое он слушал, хозяйничал на тумбочке и в холодильнике. Назвать дальнейшее беседой сложно: он часто впадал в забытьё, и я терпеливо ждал возвращения. Рассудок не терял, отвечал осмысленно, но односложно. Заметил, ему приятно говорить о Марике – китайской хохлатой. Не встретив искренности в людях, он открыл её в домашних питомцах. Я пользовался слабостью, всякий раз, исподволь, подводя к теме. Яшке оживлялся, движением глаз изображал настороженность собачки при знакомстве, любопытство и желание дружить на другой день, беспокойство и тоску, когда уходил.

Приближалось 2-е марта – семидесятилетие художника. Яна торопилась знакомить его с содержанием книги Натальи Багровой «Две жизни Владимира Яшке», он слушал, поправлял. Книга вышла в издательстве «Красный матрос». В день презентации в ставке Митьков я приобрёл экземпляр, 5-го в хосписе состоялась малолюдная автограф-сессия. Владимир Евгеньевич уже не вставал, подписывал лёжа, отдыхая после каждого росчерка. Закончив, расчувствовался, оторвался от подушки, поцеловал руку автору, пожал мне.

Внешне он изменился мало и в лучшую сторону: исчезла вязь сосудов со скул, хмельная поволока с глаз. Цвет лица выровнялся и приобрел светло-матовый оттенок. Интерес во взгляде не угасал; обращенность в себя, появляющаяся минутами, придавала облику значительность, вызывая тоску безысходности. Нечесаная борода и седые волосы делали похожим на провидца. Держался мужественно, страданий не выказывал.

Предвкушение праздника для меня всегда выше самого события; по аналогии: ожидание развязки обернётся мрачным упадком и

окажется мучительнее кончины? Мысли о смерти донимают в здоровье и в радости, каково будет, когда счёт пойдёт на дни? Стараясь понять, что он чувствует, однажды спросил:

- А какого цвета счастье?

- Капустного, - ответил он, чуть задумавшись, и улыбнулся.

На душе было светло.

6 февраля посетил хоспис впервые, 7 апреля последний раз. Накануне позвонила Яна, пожаловалась, что загрипповала, а мама занята, и попросила навестить отца. Постоянный пропуск позволял мне посещать его в любой день. Я даже обрадовался, что будем одни. За два месяца хождений назначение здания забылось, казалось, день-другой и он встанет, всё потечёт по-прежнему. С настроением вбежал на третий этаж, но привычного в полудрёме старика не обнаружил, на койке лежал преобразившийся беспокойный Яшке. Он быстро-быстро дышал, скулы и лоб покрывала испарина. Глаза широко раскрыты. На мгновение он скосил их на меня.

- С Яшке что-то происходит, - обратился к дежурной сестре, озабоченно выйдя из палаты.

- Пойдёмте, посмотрим, - она поднялась со стула и пошла по коридору.

- Здравствуйте, Владимир Евгеньевич, ну, что у нас?

Он по-прежнему глядел в потолок, отрывисто дыша.

- Ничего страшного, всё нормально, - буднично успокоила она. - Сейчас мы его оботрём, подушечку поправим.

Женщина деловито сняла со спинки кровати полотенце и промокнула ему лоб и щёки, потом приподняла за плечи.

- Подержите, - обратилась ко мне, - я подушку взобью. Сейчас мы вас, Владимир Евгеньевич, повыше положим, будет удобнее.

Он что-то промычал.

- Тяните, - приказала мне, - я помогу.

Мешая друг другу, мы потянули.

Посчитав, что все доступные средства помощи оказаны, медсестра вышла.

- Это агония? - задал вопрос, догнав её у стола. Прежде я никогда не присутствовал при кончине.

- Ну, что вы... Так может продолжаться три часа и трое суток. Зависит от организма.

- А врач, лекарство?

- Всё необходимое он получил.

При мне не было случая, чтобы соседи по палате общались, отвечали на приветствия, интересовались происходящим. Каждый как в коконе. Вот и теперь на изменения в художнике не обращали внимания. В обычных больницах всегда находились доброхоты, давали советы, делились историями. Здесь – полное отчуждение. Профессиональная невозмутимость персонала и безучастность постояльцев создали вокруг меня пустоту. Чувство беспокойства нарастало.

- Владимир Евгеньевич, воды хотите? – надо же было что-то говорить.

Он отрицательно покачал головой.

- Врача позвать?

То же движение и следом несколько слов булькающим голосом. Переспросить не посмел. Показалось: «Скорей бы кончилось».

- Может, жене позвонить? – не имея мужества находиться рядом, спросил медсестру, побеспокоив ещё раз.

- Не надо! Ему никто не поможет. А слёзы, крики... Лучше так.

Обескураженный, вернулся в палату. Сидеть у кровати – попытка, стоять в коридоре – нелепо. Спустился в больничный двор. Набрал номер Яны. Сдержанно описал его состояние. По отрешенному голосу понял: оно им известно. Поднялся наверх. Ничего не изменилось. Ещё несколько раз выходил, возвращался. «Уехать – предать, остаться – но чем помочь?» Обессиленный вконец, поддался компромиссу: «При реальной угрозе его бы изолировали, бесчеловечно травмировать обречённых. Не беспокоятся, значит не время».

- Я приду завтра, – склонился, взяв его за ладонь.

Глядя поверх меня, он согласно кивнул, как занятый делом напрасно отвлекающему.

Через полтора часа раздался звонок...

- Каждому при рождении Бог дает лицо, – сказала Наталья Багрова, когда пригласил её в автомобиль и от морга мы отправились на кладбище, – другое он зарабатывает к концу жизни сам. У одного — это просто лицо, у другого – физиономия, у третьего – лик.

С её словами согласился бы каждый, пришедший утром 12 апреля 2018 года в зал прощания на улицу Косинова. Отошедший от дел имел вид праведника, даже отдалённо не напоминая оставленного мной накануне.

В смятении и малодушии того дня, я напрочь забыл собственный опыт: каждого в конце ждёт награда. Тогда недоумение во взгляде казалось мне отражением грозных перемен, которые он ощущал, но страха в нём не было, скорее удивление. Теперь, вспоминая его и прощальный кивок, хочу верить – ему открывалась тайна, то, к чему стремился всю жизнь.

– Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят, – ответил Наталье Богровой, выруливая на проспект Стачек. – В последние минуты он познал Истину.

День смерти Яшке пришёлся на Великую Субботу. По народному поверью душа, умершего в Светлое Христово Воскресение, попадает в рай, минуя мытарства. А таким, как он, даруется возможность помогать родным и близким, как ангел-хранитель.

Яшке не знал чувства зависти или ненависти, даже случайного знакомого называл «друг». Роль заступника ему ближе.

Священник церкви Троицы Живоначальной на Бабигонском кладбище предупредил, что отпевание на Светлой седмице отличается от обычного и попросил извинения, что будет заглядывать в требник. В необустроенном храме с бумажными и писанными иконами вперемежку, было прохладно, клирос пустовал. Траурным венком мы окружили покойного. Две женщины из числа провожающих вполголоса украсили сбивчивую службу.

Наталья Николаевна Шумских, редактируя «Записки барыги» главами и не по порядку, беспокоилась о композиции. «Какая композиция у жизни? – размышлял я, выстраивая повесть самостоятельно. – О Яшке могу писать бесконечно». Тем не менее историю требовалось как-то закончить, и я ввёл двух персонажей, вложив в их диалог распространённое в то время мнение и своё несогласие с ним.

«Недавно я стал свидетелем разговора двух господ. Они зашли в магазин и попросили показать трафаретную печать Яшке, выполненную методом шелкографии. Один, рассматривая листы, уверял другого:

– Яшке, как художник, кончился: ослеп, спился, ни на что не способен.

Другой возразил:

- Я знаю Володю лет десять. И все десять лет слышу эти разговоры. Но каждый год он возрождается. Поверьте, он нас еще удивит...»

Когда гроб с телом вынесли из церкви и погрузили на катафалк, заметил армейский автобус, стоящий в отдалении и как бы ожидающий своей очереди. «Поток, – подумал горестно. – Дедушка Митьков, солдатик, кто следующий?» На то, что автобус тронулся и поехал за нами, внимания не обратил. Вторично увидел его, когда катафалк остановился, а из автобуса высыпало два десятка бойцов. «И лежать они будут рядом», – отметил, машинально поискав глазами второй участок с разрытой землей. Но военнослужащие повели себя странно. Трое с российским триколором отделились от группы и встали у нашего гроба, остальные выстроились в шеренгу. Командовал молоденький офицер.

«Мальчик! Что ты делаешь?! – мысленно крикнул ему. – Ты перепутал! Это Яшке! Художник! Ему воинские почести не положены!»

Недоумение и испуг отразились и на лицах остальных. Страх за офицера усилился, когда, волнуясь, он подал команду: «Заряжай!» Клацнули затворы, и флаг страны склонился над гробом. «Огонь!» Залп сорвал пелену оцепенения с провожающих, все подоставали телефоны и фотографировали. В голове пронеслись байки Яшке о сбитом им из ружья американском самолете, участии юнгой в корейской войне, хмельная похвальба: «Об этом знают в ЦРУ».

Салют отгрохотал. В колонну по два торжественным маршем почётный караул протопал по оттаявшей земле. Впереди, приложив ладонь к козырьку, чеканил шаг офицер.

- Что это было? – спросил у стоящего рядом Шинкарева.

- Последний(нрб) Яшке, – ответил он, убирая телефон. Центрального слова не разобрал, но уточнять не стал. Валентина Викторовна и Яна так же пожали плечами.

Не отвечая на вопросы, солдаты погрузились в автобус, и он укатил. Когда провожающие пришли в себя, кладбищенские рабочие уже устанавливали крест и укладывали венки. Ещё минуту назад разобщённые траурной церемонией люди, сплотились, всеобщее воодушевление охватило всех, примирило с потерей.

Поминок избегаю. Скрываемое до поры довольство, что «это ещё не по мне», после третьей рюмки обычно перерастает в веселье. Ничего плохого в том нет, но тризну справил в

одиночестве. Весь вечер не давало покоя не услышанное слово Шинкарева. «Привет?», «Прикол?» Утром отправил ему E-mail.

«Яшке не был святым, – ответил Владимир Николаевич, – не был он и шутком. Он был средним между ними: блаженным (не всегда, конечно). А что блаженный устраивает? В сущности, хэппенинги. (Хотя это слово дискредитировали). Вот я и сказал: Последний хэппенинг Яшке».

Утруждаться поиском «хэппенинга» в словаре Ушакова смысла не видел, понятие родилось в 50-е. Википедия толкует его так: «Форма современного искусства, представляющая собой действия, события или ситуацию, происходящие при участии художника, но не контролируемые им».

ВЗГЛЯД ИЗДАЛЕКА

У партийных лидеров СССР существовала традиция: после избрания на пост Генерального секретаря ЦК КПСС встречаться с трудовыми коллективами столичных предприятий, демонстрировать, так сказать, неразрывную связь партии и народа.

Леонид Брежнев посещал «ЗИЛ». В пальто нараспашку, широко улыбаясь, он шёл вдоль конвейера, пожимал руки рабочим, выступал с программной речью. Юрий Андропов – на станкостроительном заводе им. Серго Орджоникидзе, Константин Черненко на заводе «Серп и молот».

За месяц до его визита территорию вблизи завода благоустроили. К нашему дому навезли чернозёма и разбили сквер, скрыв под газоном пологую горку, на которой в детстве соперничал с Мартыновым, хвастал, что видел спутник. Недавно узнал, что в мае 58-го нас неверно информировали, выдав за спутник корпус второй ступени ракеты-носителя, выведшей его на орбиту. Космический аппарат был слишком мал, чтобы разглядеть его с земли невооружённым глазом. Новость не огорчила. Тогдашняя радость сопричастности, толпы людей на улицах, крики «Ура» и кепки в воздухе, искупали неточность.

«Что-то физики в почёте. / Что-то лирики в загоне. / Дело не в сухом расчёте, / дело в мировом законе».

Две начальные строки стихотворения Бориса Слуцкого в конце 60-х знал каждый школьник. Цитируя их, приверженцы научно-технического прогресса снисходительно поглядывали на поклонников муз. Два последующих стиха не вспоминали, но именно в них заключена диалектика. Пройдёт не много времени, и «физики» уступят место иным «героям» – в спортивных штанах и кожаных куртках, а их дети предпочтут офисный дресс-код.

Московский ордена Ленина, Октябрьской Революции и Трудового Красного знамени металлургический завод «Серп и Молот» прекратил свою деятельность в 2011 году²⁷. Рожденный им, Московский вечерний металлургический институт просуществовал на два года дольше.

Кандидат технических наук Владимир Тимофеевич Пушкин некоторое время преподавал в альма-матер, но обочина, на которую «товарищи», торопясь в «господа», вытеснили вузовскую науку, заставила сменить поприще. Не в характере друга стоять в стороне и глотать пыль. Бизнес особых дивидендов не принес. Умер молодым, оставив неустроенными жену и сына-подростка. Что я осуществил задуманное, не узнал.

Четыре тома Толкового словаря под редакцией Д.Н. Ушакова, подобранные когда-то на институтском дворе, стоят без дела. Цифровые технологии теснят бумажные книги. Эпоха, начатая с изобретения печатного станка Иоганном Гутенбергом, подходит к концу, наступает век цифровых трансформаций. Новые возможности неумолимо меняют реальность, создают иную культуру и искусство.

Авиационная база в Саваслейке, где втоптаным в гарнизонные дороги осталось юношеское самомнение, существует и поныне. Читая позднее «Записки сумасшедшего» Льва Толстого, узнал симптомы, поглотившего меня в казарме страха. Толстой назвал его «арзамасский ужас» и не раз возвращался к теме. Описать э т о невозможно, кто бы ни пытался, и понять написанное нельзя, кто не испытал. В стихотворении «26 мая 1828 года» Поэт указал тропу к преисподней, но передать увиденное не рискнул. Однако сказанного достаточно – стоял на краю. Случись это с ним в Нижегородской губернии, объявил бы треугольник Болдино-Арзамас-Саваслейка территорией кошмарных возмущений. Осенью 1830-го, пробиваясь из родовой вотчины через холерные кордоны в Москву, Поэт посетил оба эти места. В Болдино на эту тему родились лишь «Стихи, сочинённые ночью во время бессонницы».

Единственно нерушимый фундамент для дружбы – детство. Остальное, создаваемое на временном основании, разрушается, как правило, с его исчезновением. Демобилизовавшись из армии, заботам и увлечениям ничего не стоило развести нас с соседом по койке, на занятиях и в строю. С появлением Интернета пробовал «гуглить» его. Потенциал товарища обещал неординарную судьбу, и приуныл, не найдя среди поэтов, писателей или философов.

Курилка в полуподвале казармы с «буржуйкой» и водяным

котлом – солдатский рай: тепло, уютно, ностальгия о прожитом. В памяти застряли стихи, он декламировал их с сигарой в руке. Ароматно-зелёную, как и положено «гаване», привёз из отпуска, курил по торжественным случаям.

«А мне бы белого коня и эполет мерцанье. / Коня по просеке гоня, ловить его дыханье. / Слегка по-русски тосковать, букеты слать прелестницам. / И горделиво гарцевать Пашковской белой лестницей. / А мне бы чёрного коня и полонянку к стремяни, / а мне забыть хоть на два дня какого рода-племени...»

В этом месте он морщил нос и делал затяжку. Меня впечатляла двойная рифма – внутри стиха и на конце, по сей день волнует, чего ещё желал чёрный всадник, и были ли такие, кто мечтал о гнедом или кауром. В поисках продолжения «гуглил» и их, так же безрезультатно.

Ничем закончились и поиски переводчика стихотворения «If» Редьярда Киплинга. Я добросовестно просмотрел пятьдесят девять вариантов от Самуила Маршака и Михаила Лозинского до современных авторов, но того, что взволновало в девятнадцать лет, не обнаружил.

«Если вы можете держать голову высоко, когда все вокруг теряют головы и обвиняют в этом вас. Если вы можете справиться с успехом и провалом. Если вы умеете ждать, и не уставать от ожидания. Если вы можете поставить на карту все свои победы и проиграть, и начать всё сначала, и никогда не вспоминать о поражении. Если вы можете заставить сердце, мускулы и нервы служить вам долго. Если вы можете заполнить одну быстро летящую минуту шестьюдесятью секундами смысла. Тогда земля и всё что на ней – ваше».

Он стремился жить этими принципами, приглашал меня.

Не отыскав автора стихотворения-желания и переводчика заповеди, склоняюсь к мысли, что и то и другое принадлежат перу собрата по Саваслейке Владимиру Игоревичу Богданову.

Никита Хрущёв в начале 60-х обещал народу показать последнего советского попа, и даже назвал дату – 1975 год. Творческие союзы и общественные организации, выполняя решение партии и правительства, выискивали расстриг и ренегатов, газеты и журналы публиковали покаянные исповеди, на антирелигиозные темы снимали фильмы, печатали книги. Одна из таких попалась в библиотеке пансионата на берегу Оки. Третий закон Ньютона справедлив не только для физических тел. Гонения на церковь только поддерживали её авторитет, а тайна и чудо притягивали.

Отец Николай – иерей Богоявленского собора в Елохове в одну из прогулок до метро, как великую радость поведал об открытии в Комсомольске-на-Амуре молельного дома. «Представляете, – ликовал он, – в городе комсомольцев и им сочувствующих – христианская община! И из кого? Из них же самих – прежде воинствующих атеистов».

Сегодня строительство храма – рядовое событие, если не возмущает уплотнительной застройкой, намечено не на детской площадке или в любимом сквере. Чудо случается лишь на фотографии²⁸, а тайна выставлена на обозрение преискурантом цен. Вкупе с навязываемыми услугами авторитет снижается.

Воистину: сила действия равна силе противодействия.

В 2012 году, освобождая перед продажей квартиру в Москве, обнаружил на антресолях папку с ранними рассказами и скоросшиватель с копией работы, отправленной в Литературный институт. За плечами уже была первая книга. Скоросшиватель порвал не взглянув, а пару страниц из папки прочитал. Чувства стыда не возникло. Неплохо, но мне уже неинтересно. Тем более, что никакого «баланса зла» нет, оно множится вместе с народонаселением. И ранняя смерть – не горе ушедшего, но остающихся.

За клочками рукописей в мешок для мусора полетели кардиограммы, электроэнцефалограммы, рентгеновские снимки и выписки из больниц. Приступы тахикардии отстали. Одна история болезни закончилась, началась другая.

Человек знает, что умрёт, но не верит. Живёт так, словно его ресурс не ограничен. И я так жил, пока у меня не обнаружили рак. Испуга не было, и страха не было. Было ощущение, что передо мной опустили шлагбаум. Все прошли, а меня отсеки. Они ещё рядом: сын, дочь, жена. Я их вижу, общаюсь с ними, но мы уже не вместе. Я за чертой. Они хлопчут, смеются, а я остановился и смотрю. Жизнь отодвинулась, отдалилась. Похожее однажды испытал в пионерском лагере, когда детская обида загнала под деревья, и я из темноты наблюдал за окнами спального корпуса. Звуки не долетали до меня, лишь предсентябрьский дождь шуршал по листьям. Удивительное состояние отрешённости. Теперь оно породило любовь. Не эгоистическую, требовательную, а всё понимающую и всё прощающую. Чувство глубокое, полное. Оно вытеснило остальные, заполнило до краёв, примирило со смертью. Я поверил в неё и успокоился. Впервые она не вызывала протеста. Врачи притормозили недуг, и вера исчезла.

Памятное «открытие» той поры – формула бытия. Она предстала

в виде букв: **РВС - ВПС**. Первые три – инстинктивное повиновение, последующие – осознанная неизбежность. Отбросив частности, в неё укладывается всякий. Рождение, Взросление, Спаривание – Воспитание потомства, Смерть. Найти в ней смысл пытается каждый, разными дорогами в итоге приходя к Екклесиасту. Иисуса мудрость Соломона не удовлетворила. Пребывая в кризисе среднего возраста, и не в силах разгадать в ней суть, продлил Воскресением: **РВС - ВПС - В**, навсегда освободив от бессмысленности. И тем соблазнил века.

Осенью 1961-го мне было девять лет. Сентенция: «Карл Маркс написал, а Ленин исполнил», – непонятно как залетевшая в голову, не давала покоя от школы до дома. XXII съезд КПСС только завершился, и нас – третьеклассников – познакомили с его итогами. «Партия торжественно провозглашает, – срывающимся голосом говорила учительница, – нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме! От каждого по способности, каждому по потребности!»

Разгоряченный беседой с товарищами о магазинах без продавцов и товарах без денег, нетерпеливо жал кнопку звонка.

– Мам, почему Ленин умер так рано? – спросил, швыряя портфель и сбрасывая пальто. – Проживи он еще двадцать лет, коммунизм наступил бы сейчас, а не в восьмидесятом. Поехали бы в «Детский мир», взял велосипед «Орленок», водный пистолет и «Конструктор», как у Мишки Михайлова.

Мама моих фантазий не поддержала. Торопясь на кухню, ответила непонятно.

– Царство Божие на земле тоже обещали при жизни тогдашних людей. Наступи оно, мы бы сейчас не мучились. Теперь коммунизм... Сегодня хоть кино есть, Ленина можно показать, услышать, а не было бы? Через сто лет объявили б, что это Господь спустился на землю, устроить народу такую жизнь.

Мог ли Вездесущий, Всемогущий и Всезнающий, потерпев неудачу в Эдеме, испепелив Содом и Гоморру, потопив практически всё живое, всерьёз отнестись к добавленной букве? А почему бы и нет. Но скорее всего, забросил проект.

Тема: «Влияние кризиса среднего возраста на ход мировой истории» ждёт своих исследователей.

Наполовину опорожненный шкалик бальзама, через полгода после похорон Яшке обнаружу в заднем кармане двери автомобиля. Первый порыв – отвезти на могилу, второй – употребить. За двенадцать лет дружбы не сделал с ним ни

глотка, а так заочно: половину он, половину я. Но вовремя одумался, вспомнив про два флакона из-под «бояры»²⁹, оприходованных Владимиром Евгеньевичем у Флоренского дома. Дальновидный Александр Олегович ещё тогда заставил Яшке расписаться на этикетках и поставить дату: сберегает для будущего музея. Свой (хотя и без подписи) готов передать туда же; не утверждаю, но возможно, это последнее воздаяние Бахусу.

С детства мне памятно стихотворение Михаила Исаковского «Вишня», перед сном наравне с другими его читала мне мама. Последнее четверостишие она или не знала, или опускала, как логичное, но не отвечающее на её взгляд, лирическому настроению, заканчивала словами: «Путники в тени её прилягут, /Отдохнуть в прохладе, в тишине/ И, отведав сочных, спелых ягод, / Может статься, вспомнят, обо мне». В голосе слышалась грусть о безвозвратно ушедшем и печаль о будущности своих сыновей. Так же укороченным я читал его своим детям.

Когда Слава Агабалаев чуть ли не в феврале 2019-го предложил посадить напротив арки Новой Голландии в память о Яшке вишню, радостно согласился и два месяца сдерживал его пыл.

7 апреля – в годовщину смерти – Валентина Викторовна и Яна пригласили на кладбище, где на могиле установили памятник, а через две недели в шеренгу с возрастными липами на набережной Мойки встало деревце-подросток. Владимир Евгеньевич любил это место, подолгу сидел на гранитных ступенях спуска к воде, шутя называя его «дача».

Кто распорядился отдать художнику воинские почести, мне до сих пор неизвестно.

«От тюрьмы и от сумы не зарекайся», – пророческий смысл поговорки Володька Мартынов познал на себе.

«Не те документы по пьяни подписал», – такими словами его мать отделивалась от соседок, когда новость о том, что он в тюрьме, облетела двор.

Тяга к спиртному проявилась у Мартынова в юности, алкоголь повышал самооценку, будил фантазию. Кутил и заводил в коллективах любят, в институте по этим показателям выдвинулся в первые ряды. На последнем курсе женился. Одно время его дочь и мой сын учились в одном классе. Дорога от увлечения к зависимости оказалась у него короткой, семейная жизнь пошла кувырком. Связался с неблагополучной женщиной и в буйном подпитии нанёс ей увечье. Его лишили свободы и присудили выплачивать алименты. Отбыв наказание,

возвратился в Москву. Я в то время менял квартиры, странствуя с одного берега Невы на другой, новости о нём узнавал от мамы.

- Мать Мартынова умерла, - поведала она как-то по телефону. - Володька заходил, коробку конфет принёс. «Помяните, говорит, рабу Божию Клавдию. Она вас уважала».

Наши матери познакомились в кабинете директора школы, их никогда не вызывали порознь.

- Как он?

- Вроде ничего.

- Всё спирт бодяжит, сбывает алкашам?

- А что ему остаётся? Работы нет, так хоть какая-то копейка.

Уже четыре года как наша мама жила одна. Валюша опекал её, наездами бывали мы с Володиёй, устраивали праздники. Но в телефонных разговорах всё чаще стало звучать слово «брошенная».

Когда ей исполнилось восемьдесят восемь и стало невмочь обслуживать себя, согласилась на переезд, поселилась со мной в Колтушах.

- У меня три сына, - гордо сообщала она моим гостям и соседям по дому, - все с высшим образованием, у каждого по машине.

Когда оставались наедине, пускалась в воспоминания.

- Девчонкой, бывало, лягу меж грядок, смотрю в небо, сама думаю: зачем меня родили?

- Чтобы нас произвести.

- Только-то?

- А для чего же ещё? - Не обижать же её своей теорией, что цивилизованное человечество воспроизводит себе подобных, решая за их счёт собственные проблемы.

- Что-то я сомневаюсь...

В молодости мама мечтала стать оперной певицей. Регент храма Архангела Михаила в Саюкино её всячески поощрял.

- Солисткой была, - перебирая в памяти прошлое, говорила она. - Посередине церкви ставили, и пела. Всю обедню наизусть знала.

Она и на переезд в Москву согласилась, чтобы быть ближе к мечте. Но вместо оперной студии - автозавод, куда её устроил брат Василий, вместо сцены - война. В середине 60-х, когда

дети выросли, устроилась на работу. Смерть мужа подкосила, но трудиться не бросила.

– Пока я жива – вы молодые», – объявляла она нам на каждом празднике в её честь. Загробной жизни не желала. – Здесь мучилась, мучилась, ещё там...

Пасмурным днём в ноябре 2008-го мы в одночасье постарели; ей шёл девяносто четвёртый год. Похоронили в Москве на Николо-Архангельском кладбище рядом с отцом.

Ход Володьки Мартынова с конфетами мне запомнился. На следующий после похорон день, купил двенадцать коробок – по количеству квартир в нашем доме, и обошёл каждую. После чего с бутылкой виски, куском ветчины и сёмги отправился к Мартынову.

«Помянем обоих, как следует», – думал, пересекая двор. Представил его комнату, в которой не был столько лет. «Хорошо если бы всё осталось как прежде: тахта, телек с проигрывателем, баян...» Позднее мне не раз доводилось слышать шедевр Михаила Огинского и в исполнении симфонического оркестра, и в переложении для народных инструментов, и классический вариант – на фортепиано, и даже текст, звучащий а капелла. Но только баян вызывал чувство тоски по ушедшему и невозвратному.

Детские воспоминания притупили горечь последних дней, размяк и ускорил шаг.

Подлая мысль: «Он конфетки, а ты балык», – заставила остановиться. «Гад! Сволочь! Мерзавец! – клял себя. – Как тебе это в голову пришло? Откуда? Ты же не шкура!» – до того несправедливой и незаслуженной она казалась.

После его поступления в институт и призыва меня в армию мы виделись редко, но, встретившись, искренне раскрывали друг другу сердца. Ни его образ жизни, ни проступок, значения не имели. Узел, завязанный в детстве, не ослабевал ни через двадцать лет, ни через сорок.

Понадобилось время, чтобы пережить унижение и признать: идея с поминками – пустое бахвальство недостойное нашей дружбы, но не поворачивать же назад.

Вход в подъезд преградила металлическая дверь. Четыре кнопки на кодовом замке блестели ярче остальных, нажимал по-всякому, но дверь не поддавалась.

«Может свиснуть?» В детстве у нас существовал уговор. Чтобы не подниматься к нему на этаж и не светиться перед его

родителями, я становился под их окно и засовывал пальцы в рот. Заслышав свист, Мартынов выглядывал, манил, что означало заходи, никого нет; кивал – сейчас выйду, или разводил руками. В свою очередь и я поступал так же, когда свистел он.

«Вспомнит или не вспомнит? – гадал, занимая позицию. – Как было бы здорово, если б услышал и выглянул». Досада на себя сменилась предвкушением радости. Уже поднёс пальцы ко рту, как из-за угла дома показалась женщина с сумками. «Наташка Ионова!» – узнал я. Она была старше нас года на два, жила в одном подъезде с Мартыновым. В юности пройтись с ней по улице или сводить в кино среди пацанов считалось удачей. На нас с Володькой Наташка внимания не обращала. Я сделал шаг ей навстречу.

– Давай помогу.

– Спасибо, уже пришла, – с безразличием в голосе ответила она, отстраняя сумки. Затем пригляделась и устало спросила: – Ген, ты, что ль?

– К Володьке пришел, а дверь заперта.

– Так он умер.

– Как?! Когда?!

– С полгода уже.

Она набрала код, и придерживая дверь ногой, обернулась.

– Опился должно быть. Да какая разница... Нет его.

Через два года к родителям на Николо-Архангельском кладбище присоединился Валюша. С того дня, когда в Мячково он подарил мне надежду, я чувствовал его заботу. Затем был другой лагерь, заразная скарлатина и больница в Загорске. Он навестил меня и там. В офицерской форме, окончивший артиллерийское училище брат, возник в окне детской палаты на первом этаже.

Ради женитьбы на Наташе Бурмистровой он пожертвовал военной карьерой. Их дом в Новогиреево, куда он меня приглашал, воскресные обеды и библиотека Вениамина Викторовича сыграли в моей судьбе не последнюю роль.

После смерти родителей Валюша оставался единственным, кто олицетворял семью, детство, счастье. Стремиться в Москву стало не к кому.

Александра Стреляная – шефство над которой взял после истории с книгой, окончила Университет кино и телевиденья и сегодня выступает как режиссёр, сценарист, а иногда

и оператор своих фильмов, предпочитая авторское кино коммерческому. В её активе уже более десятка картин, а количество призов и наград на различных фестивалях перевалило за пятнадцать.

Недавно она закончила фильм о любви и суровых испытаниях, выпавших юным героям, их страстном желании жить и быть счастливыми, в котором я напросился на роль владельца магазина музыкальных инструментов³⁰. Роль незначительная, без слов. «Он какой, – поинтересовался у Александры перед съёмкой, – завятый меломан или делец?» – «Будьте самим собой, – огорошила она». «Вот те раз! – расстроился, занимая место в кадре. – Жуликов и профессионалов знаю, попытался бы показать. Но себя? Откуда мне знать, какой я? А оставаться самим собой перед камерой, софитами и взглядами съёмочной группы...»

В последний день 1970 года (только прибыл в Саваслейку) меня с сослуживцем отправили в лес за ёлкой. Те, что росли по окраине, нас не удовлетворили, и мы углубились в чащу. Вечерело, шёл снег. Срубив подходящую, отправились обратно и вскоре поняли, что заблудились. Пропетляв по незнакомому лесу с час, вышли на село Туртапка и из сельсовета позвонили в часть.

«Заплутали или сплутовали?» – поинтересовался командир, иронично оглядывая нас, доставленных на машине. При этом в его взгляде читалось: «Чёрт знает этих салаг, накупили водки, вечером нажрут».

За полчаса до боя курантов, он явился в казарму. Тогда я не знал, что это его обязанность, и напрягся: «Пришёл проверить наше состояние». Подозрения меня оскорбляют, оставаться самим собой не мог и трезвым пытался изобразить трезвого. Тридцать минут до отбоя показались каторгой.

Александра подвергла такой же экзекуции.

Запоров несколько дублей и, дождавшись фразы: «Стоп. Снято.», ушёл с горьким чувством, что испортил эпизод. Теперь, всякий раз встречаясь с ней на улице или в магазине, интересовался: «Вырезала?» – «Пока держу», – огорчала она. А месяца через три обрадовала: «Не укладываемся в хронометраж. Всю линию с пианино отправила в корзину».

Приглашаю её часто, а соглашается она редко на бизнес ланч в баре «Шемрок» на Театральной площади, где ненадолго мы остаёмся наедине. На правах «опекуна» интересуюсь её бытом, выпытываю над чем работает и планы на будущее и умолкаю,

когда, преобразаясь, начинает делиться замыслами.

Воспитанная в городской среде, она поздно открыла для себя деревню. Прошлое будит в ней фантазию, она вглядывается в него, стараясь запечатлеть. Волнует её и будущее, она свободно высказывает свою позицию, не всегда задумываясь о последствиях. У неё выработалась своя система жизненных координат, свой почерк, она твёрдо знает, чего хочет.

Слушаю её и понимаю, такие посиделки не особенно ей нужны, приходит из вежливости. Но что я могу поделать? Ответственность за неё с меня никто не снимал.

«Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле». Иисуса эта заповедь заботила мало. Дети ничем не обязаны родителям, тогда как они им многим, если не всем.

Несмотря на запрет видеться с сыном, ни на минуту не допускал мысли отступить от него. Тайные встречи у детского сада, продолжились у школы. А когда ему исполнилось четырнадцать, ограничения отпали. Он стал гостить у меня, занимался его здоровьем, водил в парки культуры и отдыха на аттракционы, на концерт в Олимпийский и на футбольные матчи в Лужники; возил отдыхать на море.

Он окончил школу, институт. Сейчас у него своя семья: жена Маша, дочь Аня, сын Матвей. Один-два раза в год они навещают меня. Остановливаться предпочитают у Володи. Трёхкомнатную квартиру в центре, успели приобрести, когда советские холодильники пользовались спросом. Летом наносим им с Володией ответный визит, посещаем родителей и старшего брата на кладбище.

Горечь, что многого ему не додал, когда он в этом особенно нуждался, что долг за обманутые надежды он оплачивал наравне со мной, со временем улеглась, но изредка прорывается. Недавно поделился с ним. «Брось, – успокоил он, – сейчас же всё нормально».

За то, что втянул его в авантюру, по неразумению вызвал из небытия, я перед ним извинился. Дочь ещё полна светлых ожиданий...

Добавить к «Коломенскому комиссионеру» особо нечего.

В апреле 2018-го магазин отметил двадцатилетие. К тому времени, дремавшие во мне метастазы, активизировались, лечение приняло интенсивный характер. Магазин стал тяготить. Его ликвидация или продажа пугали потерей идентичности. Не то чтобы я ею дорожил, но сложившееся положение

хотелось сохранить. Передать некому: сын в Москве, дочь, окончив университет и магистратуру, там же. И я надумал его подарить. «Это, – рассуждал я, – даст мне право находиться в нём, когда захочу, позволит общаться с друзьями, и в то же время избавит от забот, освободит для творчества». Алла Оленцевич – директор интернет-магазина – от предложения отказалась, а дочь Светланы Дунаевой приняла, и я переписал бизнес на Татьяну Яковлеву. Саженец вишни у Новой Голландии с её дачного участка.

Полгода спустя пропала Ася Клемент – героиня главы «Кикимора» в «Коломенском комиссионере». После ограбления магазина в 2004 году я пригласил её ночным сторожем, лишив тем самым звания бомжа, которым она являлась.

Ася состарилась, сделалась нетерпимее и раздражительнее. Смену ветра в комиссионке почувствовала первой.

– Вот ты предлогаешь ОфОрмить паспОрт и пОехать дОмой, – с горькой иронией спрашивала она меня, – а кОму я там нужна?! Миллиард дай – не пОеду! МОлОдой – куда не шло, стОрухой – ни кОгда!

За день до моего отъезда в санаторий в магазине произошла кража. В попустительстве обвинили Асю, подменявшую в тот момент продавца. Об инциденте на следующее утро мне доложила Светлана Дунаева.

– Пропала китайская ваза клуазоне и яйцо той же в технике. Девчонки на неё накричали – с них же взыщут. Ася ответила. Короче, переругались. Кирилл Бут³¹ возместил убыток, но Ася не угомонилась. «У сОмих украли, а на меня свОлили». Сегодня пришла на работу, она злющая, в лад не разговаривает, просит денег.

Не успела Света договорить показалась виновница, она еле шла, путаясь в длинной юбке.

– Геннадич, ты меня не выручишь? – начала, чуть отдышавшись.
– ПриглОсили загОрОд, а пОехать не на что.

За пятнадцать лет, что Ася грела пол в магазине, она напридумывала столько способов вытянуть из меня сверх положенного, но такое услышал впервые. Дальше Концертного зала Мариинки и Английского проспекта она давно не ходила. А тут «загОрОд». Беду почувствовал, но денег дал.

Когда возвратился, Светлана поведала конец истории. После нашего разговора, Асю видели на автобусной остановке у «Дома сказки», но как-только я уехал, вернулась в «Щуку» – рюмочную

в соседнем доме. К концу рабочего дня в магазин не явилась. Девочки: Люба Зайцева и Таня Яковлева поочередно бегали за ней, но та от них отворачивалась, бормоча ругательства. То же произошло на следующий день, на другой и на третий. Выгуливая вечерами собак, местные жители замечали Асю, понуро сидящую на ступеньках питейного заведения или спящую за столом, положив голову на руки; жизнь здесь не затихала и ночью. Без денег и полноценного отдыха, долго она не протянула, потеряла сознание и растянулась в проходе между столов. Поговаривали, что, когда её выписывали, она звонила в рюмочную, просила её забрать, но те отказались.

Моё намеренье разыскать Асю коллектив магазина, отверг: «Не надо! Она бросила нас! Это её выбор. Придёт сама – примем, а кланяться – много чести».

Фактически я был уже не хозяин, деньгами распоряжались другие и подчинился.

...И СНИЗУ

Конец июля. Третий день как мы с братом Владимиром гостили в селе Саюкино Тамбовской области. Мария Петровна и Василий Иванович Субочевы – последние обитатели родового жилища – покоились на кладбище. Участок земли с дворовыми постройками и добротным пятистенком, под крышей которого нашёл выход из тупика, куда завёл меня кризис среднего возраста, наследники выставили на продажу. Но пока не объявился покупатель и ключи от дома не перешли к новому владельцу, ближайшие родственники собрались в нём в последний раз.

Ранним утром третьего дня, когда все в доме спали, я вышел на крыльцо, постоял с минуту, вдыхая прохладу ушедшей ночи, и отправился на задворки, где прежде зеленел огород, цвёл сад.

«Хорошо, что вчера отказались от третьей бутылки. Валька Ильин здорово нас поддел: «Это ваша большая ошибка!» Надо такое придумать».

От двора к мелководной речке Орлянке тянулась невозделанная полоска земли.

«Крапива да лопухи. Свободного места нет. Мне главное не видеть горизонт. Дом не помеха, повернулся к нему спиной – и нет его. Горизонт всё испортит».

Подобрав с земли палку, попытался сбить колючки с репейника, росшего на пути.

«А может выкосить? Надо-то метр на два. Выкосишь, а тебя спросят: зачем? Нет, дойду до реки, там найду».

Отогнув стебель палкой, ступил на тропинку, проложенную по середине участка. Ни одно поколение предков кормила эта земля. За два дня застолий вспомнили и помянули каждого, кого знали.

«Куприян родил Дмитрия, Дмитрий родил Петра. Как Раиса Васильевна говорила? Куприян поселился здесь в конце восемнадцатого века, посадил у дома сирень».

Впервые село Саюкино упоминается в окладных книгах 1702 года. Ко времени проведения первой ревизской сказки, в селе более ста домов однодворцев – военизированных земледельцев, нёсших помимо прочего пограничную службу. Сословие формировалось из стрельцов, отставных солдат, обедневших дворян. Жилось беспокойно. Из Дикого поля совершали набеги ногайские татары, бунтовала языческая мордва. С расширением империи и удалением границ обязанность по охране рубежей отпала, однодворцев приравнивали к государственным крестьянам.

В 1825-м у Куприяна родился сын Дмитрий. Дмитрий был женат дважды; вторая жена Матрёна Кабанова – из богатых. Вместе они прижили пятерых детей, один из них Пётр Дмитриевич Коротеев – дед и прадед многих из тех, кто сейчас отдыхал в доме.

Семья Мужельских считалась в селе зажиточной. Самая колоритная фигура в роду – дед Василий. По преданию, он слышал звон колоколов на небе, видел нечистую силу, дующую народу в уши. Односельчане верили, что в избе деда Василия жил домовый, домашние промеж себя называли его Дед-хозяин. Однажды Дед-хозяин закричал. Василий спросил: «Дед-хозяин, к чему кричишь – к добру или к худу?». – «К худу, к худу, – отвечал, – к большому худу!» Вскоре вся скотина Мужельских пала, молодым умер сын Василия Сергей и жена Сергея Арина. От них остались три девочки: Ефросиния, Наталия и Мария. На воспитание их взял родной дядя, брат Сергея Алексей. Различия между своими детьми и приёмными Алексей не делал, работа по дому и в огороде, обновки и гостинцы – всё поровну. Но как он ни старался, жилось сироткам невесело.

Ефросиния была на год моложе Петра. Он посватался к ней летом 1899-го. Свадьбу сыграли на Михайлов день. Сестра Ефросинии Наталия ушла жить к молодым, замуж она не вышла, воспитывала их детей. Те её обожали, иначе как Маманя не называли.

«Мужельские. Странная для русского черноземья фамилия. Наполеон – эскадрон – коровий загон. Кто-то из пленных поляков в селе задержался. Вычитал Серёга или сам додумался? Валентина над ним как насадка. У Маринки своя версия. Прозвище Мужель от глагола мужевать: рассуждать, соображать. Серёгина версия красивая, Маринкина – лестная. Есть и третья... Родоначальник – обедневший польский шляхтич. Не подтвердил собственного дворянства, записали в однодворцы. После раздела Речи Посполитой такое случилось».

«С Коротеевыми не проще. Ольга уверена, что фамилия пошла от короткого кафтана: людей в немецком платье на Руси дразнили коротаями. Тест ДНК, сделанный ею в Германии, показал, что у неё девяносто процентов русской крови, восемь прибалтийской и два финской. И как раз со стороны отца! Полагает, что предок из Лифляндии или Курляндии. А если эти десять процентов от Мужельских? Не польского, а литовского шляхтича. А первый в коротком кафтане – крестьянский сын из потешного войска царя Петра или невысокого роста человек. Надо будет покопаться в архивах».

У Ефросинии было трое детей, когда объявили частичную мобилизацию и Петра отправили на Дальний Восток, в Порт-Артур.

В бытность «коломенским комиссионером» мне дважды приносили штык-нож от японской винтовки Арисака. Первый – поздний, времён событий на Халхин-Голе; второй – ранний, со сгнившей рукоятью, изъеденным ржавчиной клинком – горькая память о русско-японской войне. Подобным в рукопашном бою деду проткнули горло. Инвалиды из похоронной команды посчитали его убитым, отволокли к свежевырытому рву. Очнулся он от запаха земли. Когда полковой священник затянул: «Со святыми упокой...», подал знак, что жив.

В село вернулся с перебинтованной шеей, крестом на груди и пенсией от царя. Работать по хозяйству не мог, на «горловые» построился, освоил профессию просола: скупал у крестьян на корню урожаи садов, продавал на винокуренные заводы; завёл мясную лавку. Работника держал круглый год, на летний сезон нанимал второго.

После революции ни заводов, ни пенсий. В Гражданскую изымали и грабили все, у кого имелся наган или винтовка. Старший сын Петра Иван женился и уехал уполномоченным в Бондари, где вскоре погиб. Второй сын Василий подался на заработки и пропал. Остались: жена, свояченица и пять дочерей. Старшая семнадцатилетняя Фёкла нанялась на

торфоразработки. Высокая, красивая, коса в руку. Маманя ей хлеб испечёт, завяжет в платок и на спину; другого что дать, не было. До болот сорок километров. В понедельник по зорьке уходила, в субботу к вечеру возвращалась. Как-то к сроку не явилась. Товарки гуртом прошли, а её нет. Воротилась затемно. «Захворала я, – говорит. – Мужики надьсь самогонкой опились, на другой день в смену не вышли. Меня на тачку поставили. Уставала – беда. Раз пока нагружали, легла в рытвину охолонуть малость. С того дня дышать больно». Пётр Дмитриевич запряг лошадь и за фельдшером. Тот приехал, послушал трубочкой. «Не помогу, – вздохнул. – Крупозное воспаление лёгких. Недели не протянет».

Умирала Фёкла тяжело. Кричали по ней в голос.

Незаживающая рана доконала деда в 27-м. А через три года, когда моей будущей маме исполнилось пятнадцать, испекли хлеб для неё. Шесть лет она ходила на торф, стала стахановкой, бригадиркой. Фотографию с Доски почёта не снимали.

В 34-м объявился Василий, он в Москве в Тимирязевской академии учился. Первой он забрал к себе мать – Ефросинию Сергеевну, в 36-м мою маму, затем младшую из сестёр Анну. Поселились в доме на Новодеревенской, где ему от академии дали комнату. Старшие сестры: Евдокия и Мария к тому времени обзавелись семьями, переезжать отказались.

Маманя умерла в 49-м. Евдокия – в феврале 60-го.

Нет ничего страшнее, чем хоронить своих детей. Пятерых, считая Матвея и Михаила, умерших в младенчестве, проводила на погост бабушка Фрося. А в ноябре 1960-го не стало её самой. Случилось это в Саюкино. Володя вытащил из почтового ящика и принёс маме конверт, закапанный слезами.

«Здесь кажется белый налив рос. Или дальше? Сашка Субочев бывало тряханёт, наберём за пазуху – и на сеновал. Шкурка у яблок восковая, а мякоть рассыпчатая. Десяток умнёшь – не заметишь. Надо будет, когда вернусь, составить генеалогическое древо. Закажу в Академии. Розетки, виньетки. А почему по материнской линии? По отцовской правильно. Мужская линия – линия силы. Или власти? Собственности! Женская – сердца. Где мать, там и дети. Родственники отца от меня дальше. И знаю их меньше. Голимый матриархат. Родословную закажу на фоне куста сирени. В память о Куприяне. Потомков по мужской линии у Петра нет. Василий родил Игоря, Игорь родил Владимира. Земля им пухом. Ветвь Ивана засохла ещё раньше. Остальные девки. От Евдокии – Шинкова и Закурдяев. От Марии – Субочевы. От мамы – Вахромеевы. От

Анны – Ерёмины. От внучек молодые побегии: Ефетовы, Кулешы, Ильины, Налиповичи. Ватмана не хватит».

Справа от тропинки заметил крышу упавшего навеса, летом под ним отдыхали от работы. Приподняв её за край, поставил на ребро и опрокинул на лопухи. Под крышей оказалась сухая утоптанная земля.

«Вот место! И от дома недалеко. Сколько тут? Один, два, три, четыре... Тридцать один шаг. Только бы облаков не нагнало».

– Где был? – чтобы не потревожить спящих, тихо спросил Володя, когда возвратился в дом.

– На огороде.

– Как раз вспоминал. Дошколёнком меня на лето в Саюкино отправляли. Валюшу в пионерский лагерь, меня сюда. Распахано было – до реки. Они лук сажали; по разрядке – в колхоз, излишки – на базар. Я пару раз ездил. Василий Иванович лук продаст, себе – пол-литра, мне – мороженое, чтобы помалкивал. За рекой колхозное поле было, мы с Володькой Субочевым лазили туда свёклу воровать. Обездчик, у него ноги не было, увидит нас: – Засеку! Он на коне, мы босиком – никогда не догонял.

– А у меня первое впечатление – освежёванная овца. Нас ночью привезли, утром вышел на двор она на крюке подвешена.

– Тогда в деревнях холодильников не было, мясо солили. Нарезут на куски и в бочку. Солёное – не вкусное, зато щипит... Налют миску, дадут ложку – за уши не оттащить. Богато жили... Корову вечером из стада гонят, вымя – ниже колен. Ревёт бедная, головой мотает, мне аж жалко. Индюшек держали, кур. А пшеница в амбаре, муки... Ты блины Марии Петровны помнишь? Как наша мать говорила, ресторан «Прага» отдыхает.

– А я им в тот приезд чуть двор не завалил. Крышу над загонем для скотины столбик поддерживал. Я присел у основания и топориком его: тук, тук. Обойду по кругу и опять: тук, тук. Так у меня ловко получалось, заточил его как карандаш, ещё бы чуть-чуть, да кто-то отнял игрушку. Повзрослев, осознал каких бед мог натворить и сам калекой остаться.

– А мне нравилось на огуречные плети наступать. Глупый был вроде тебя... Она под ногой хруст, я на другую – хруст... Бабушка Фрося с хворостиной: «Ах ты окаянный!» Так и следила за мной.

Воспоминания детства... – те же мечты, обращенные в прошлое, такие же сладкие и такие недостижимые. Сколько раз мы воскрешали в беседах минувшее, и никогда оно нам не

надоедало. Откуда взялась мука в амбаре, кто заменил подпорку во дворе, сколько солений не досчитались зимой в хозяйстве нас не волновало.

За многое я благодарен маминым сёстрам – бесхитростным и щедрым, но особо её брату Василию, он сделал нас москвичами. Его сакраментальное: «Шурка, учи детей!», обращённое к нашей маме, отзывалась на моих братьях, а потом и на мне ударами ремня за двойки и прогулы. «Что мучаешь ребятишек, – пеняли ей соседки по Новодеревенской. – Отдай в ремесленное... Там казённую форму дают и кормят задаром. Два года отходят и на завод». «Нет, – думала мама, – мои дети в бутсах ходить не будут».

Тем временем дом проснулся, заходили мужики, загремели посудой женщины. После завтрака, как было оговорено накануне, всей компанией отправились на кладбище. Солнце стояло высоко, палило нещадно. Дорогу в полтора километра едва одолели за час.

Нечасто мне доводилось бывать на сельских кладбищах, а издалека, мотаясь из одной столицы в другую на машине, нагляделся на них достаточно. Редко какое начиналось за стенами полуразрушенного храма, лепилось по склону, ограниченное постройками. Чаще открывались на пустырях. И если церковный косогор походил на поредельный лесок, а от могилки между деревьев веяло запустением и покоем, то кресты в голом поле вызывали беспокойство. Саякинское относилось к таким.

По периметру оградки мы окружили заросший клочок земли. За двести лет он принял в себя Куприяна, Дмитрия, Петра, их жён и детей, но лишь имена последних значились на прибитых к крестам табличках.

Прогулка по жару вымотала и старых, и малых. От обеда все дружно отказались. Женщины ушли в дом, где было прохладно, мужчины остались там, где их покинули силы. Участия в общем разговоре не принимал, вспоминали потомков Петра. Никого в селе не осталось. Юрка Закурдяев после военно-морского училища на Дальнем Востоке, Ольга Коротева в Германии, их с Костей Ефетовым сын – в Америке, остальные, кто в Тамбове, кто в Москве, кто, как мы с Володей... Я следил за разговором, улыбался шуткам, отвечал на вопросы, когда ко мне обращались, всякий раз возвращаясь к намеченной вылазке.

«Другой возможности не представится. Световое загрязнение здесь равно нулю. Новолуние как нельзя кстати».

Безоблачный закат начал темнеть, когда нас позвали ужинать. Спать легли ближе к полуночи. Дождавшись, когда мужчины утомятся и их посапывание наполнит тишину, прихватив футболку и шорты, осторожно вышел на улицу.

Отсчитывать шаги, как предполагал утром, не пришлось: небо мерцало серебром, опрокинутую крышу заметил издали. Дойдя до неё, присел на землю, закрыл глаза и лёг на спину. Некоторое время лежал, расслабляя мышцы, успокаивая дыхание. Когда посчитал, что готов, поднял веки. Величественный небосвод по невероятной дуге накрывал ночную землю. Ни травинка, ни угол постройки не отвлекали восхищенного взгляда от красоты мироздания.

«Вот она вечность! В городе такого не увидишь. Там реклама и смог. Не до истин».

И тут случилось невероятное. Вестибулярный аппарат, сбитый с толка отсутствием линии горизонта или иного ориентира на земле, выдал в мозг неверную информацию: произошёл сбой в восприятии направления силы тяжести, явление хорошо знакомое космонавтам. Мир перевернулся. Земной шар, которого не видел, но чувствовал за спиной, тёмной громадой навис сверху, а космос сиял огнями подо мной. Величественного купола как не бывало, вместо него зловещая бездна. Физически ощущая, что в любую секунду могу оторваться и улететь ей навстречу, поспешно повернул голову. Торцы крыши и подмятый ею чертополох вернули в реальность.

«Ничего себе! Похлеще Марианской впадины».

Осознав произошедшее, во второй раз взглянул в небо. Иллюзия визуальной переориентации повторилась. Вытерпеть вид пропасти под собой не хватило мужества. Напрасно обвинял себя в трусости, убеждал, что это химера, мираж, обман чувств... Самовнушение не работало. Пришлось изменить положение тела. Теперь в поле зрения попадал угол крыши, Земля и небесный свод не шелохнулись. Без опаски рассмотрел Млечный Путь, отыскал ковш Большой Медведицы – единственное созвездие, которое узнаю безошибочно. Через две крайние точки стенки ковша мысленно провёл прямую, пока не упёрся в Полярную звезду.

«До неё четыреста световых лет. Соблазнись Куприян ею, а не Саюкиным, сейчас бы был на полпути. А до самой дальней – сорок шесть миллиардов! Не великоват ли зрительный зал для такой сцены как заброшенный огород?»

Считается, что смотреть бесконечно можно на три вещи:

как горит огонь, течёт вода и работают люди. Последнее утверждение сомнительно, два первых неоспоримы. Звёзд в этом перечне нет, и понятно почему: они статичны, что бы ни утверждали астрономы. А завораживает непрерывное движение при кажущейся не изменчивости. Однообразная картина стала утомлять, хотел подняться как шальной метеорит прочертил в небе короткую яркую линию и исчез. Некоторое время всматривался в ту сторону откуда он появился, но повторения не последовало.

«Сгорел. А что, если бы нищенка тогда меня задушила?»

В день, когда с Новодеревенской переехали в новый дом, мне исполнилось шесть лет. Оставляя на следующий день меня одного, мама приказала: «Никому не открывай! На звонок в дверь спроси: кто? Впустишь только своих». В то утро не игралось, сидел в прихожей, гипнотизируя кругляшку над входной дверью. Как только молоточек в ней ожил, подбежал и повернул ключ. На пороге стояла женщина в поношенном пальто и платочке. Крестясь и кланяясь, она попросила милостыню. А мне почудилось «маслица». Ничего удивительного в её просьбе не было, соседи по Новодеревенской постоянно выручали друг друга. Сливочное у нас водилось, а подсолнечное имелось всегда, и я вынес бутылку побирушке. Негодование мамы, когда возвратилась, не было предела. Она костерила мошенницу последними словами, затем переключилась на меня. «Ты почему ей открыл?! Ты спросил «кто» как я тебя учила?!»

Запреты и угрозы и сегодня во многих семьях основа воспитания. Чтобы раз и навсегда вдолбить мне в голову правило безопасного существования с себе подобными, она произнесла фразу, которая должна была научить меня уму-разуму. «Ты понимаешь, что она могла тебя придушить, а квартиру обчистить? Теперь она знает где ты живёшь, придёт и обязательно исполнит». Мамин гнев не шёл в сравнение с невнятной перспективой погибнуть от рук попрошайки. Когда страсти по маслу улеглись, забыл о ней думать.

«И всё-таки... Если бы мамина страшилка тогда сработала? Гагарин бы полетел, Чернобыль полыхнул, Союз развалился. Чего бы не было? Фотографий новорождённых в нарядных одеждах, выпуск которых наладил в Москве. Комиссионки на Декабристов. Для многих в Коломне она не стала бы своей. Не было бы двух книг. Но кто о них вспомнит через пять лет? Разве что дети. Вот кого без меня точно не было так это их: Алексея, Александры. Иначе сложились бы судьбы их матерей. И тех, кто занял бы рядом с ними моё место».

Помимо воли фантазия принялась создавать всевозможные супружеские связи и разрушать существующие, на свет появлялись облачные дети и исчезали живущие. Цепная реакция ширилась и разрасталась, захватывая всё новых и новых людей.

«Глобально моя смерть ни на что бы не повлияла. А в частности... мир бы сейчас был чуточку иным».

Трудно сказать, чем я руководствовался, замышляя ночной эксперимент: желанием повторно испытать восторг, нашедшего выход из тупика человека? намереньем увидеть мир таким, каким знают его немногие, выходявшие в открытый космос? или надеждой услышать «голос астрала» и с ним обрести сакральные знания? Но скорее памятным разговором с Володькой Мартыновым на Рогожском кладбище, когда высказал пожелание стать очевидцем конца света.

«Космос. С него всё началось и им закончится. Последний человек на Земле будет видеть звёзды. Они одни останутся неизменными».

Стараясь не моргать и не отрывая взгляда от неба, отодвинулся от крыши. Рецепторы вестибулярного аппарата на манёвр не среагировали. Без земных креплений сферическое восприятие неба исчезло, вселенная раздвинулась, обрела глубину. Возникло реальное ощущение, что наша планета – шар, я не только осознал её размер, но казалось чувствовал скорость, она неслась в космическом мраке и я прокладывал ей дорогу. Хватило нескольких секунд безудержного полёта, чтобы из неизбежного оплота человечества, Земля предстала едва различимой точкой в спиральном рукаве на краю галактики. Вращаясь вокруг оси, кружа за Солнцем, и вместе с ним и ещё миллиардами звёзд, она послушно закручивалась к галактическому центру. Но и он не стоял на месте. Звёздное скопление толщиной тысяча и диаметром сто тысяч световых лет, как единое целое двигалось в межгалактическом пространстве, где рано или поздно может столкнуться с соседней галактикой.

«Вот будет фейерверк! Жаль, никто не увидит. Солнечная система погибнет раньше. Глобально закат жизни на Земле ни на что не повлияет. А в частности... исчезнет память об Иисусе, Да Винчи, Толстом. А в образовавшейся мегалактике вспыхнут новые солнца, образуются новые планеты. И через бесчисленное количество лет в лужице какой-то из них шевельнётся простейшее...» Я мысленно приложил к линейке вечности человеческую жизнь, и мне сделалось смешно. «Бессмертие... Кому первому пришла идея спекулировать им?»

В юности мы с Мартыновым не пропускали ни одного фильма в клубе завода имени Войтовича. Не обошли вниманием и «Ярость» по пьесе Бориса Лавренёва. По ходу действия два белогвардейских офицера попадают в плен к революционным матросам. Полыхает Гражданская война и разговор с контрой короткий. Младший из пленников падает на колени и молит о пощаде. Старший, одёрнув малодушного, требует самогонки и не мензурку – котелок, после чего встаёт перед дулами винтовок. Его поведение и слова импонируют командиру отряда, и он отправляет вояку в обоз. Второму также даруют свободу, под улюлюканье братвы он убегает в степь.

– Вот как я бы хотел умереть, – высказал пожелание Володька Мартынов, когда вышли из клуба. – Как собирался тот офицер. Пьяному море по колено. – А я бы во сне, – не стал скрывать мыслей от друга. – Не сознавая себя явился, не чувствуя ничего представился.

«Наверно Володька Мартынов так и ушёл. А мне ещё предстоит. Но только не во сне! В сознании и памяти. Попроцаться со всеми и поблагодарить. Обязательно поблагодарить. До тех, до кого не дотянусь взглядом, хотя бы по телефону. Любить человечество легко, а ближнего, да ещё как себя. Непосильную задачу задал Иисус человекам. А благодарность... она требует меньше усилий и у неё есть крылья. Чем люди на благодарность щедрее, тем краше мир».

Голоса космоса не услышал. Был момент, когда грудь наполнилась радостью, сознание просветлело, как в тот день, когда открылся Промысел Божий и моя роль, родилась уверенность, что каждого в конце ждёт награда, почудилось: сейчас что-то произойдёт, но ничего не случилось.

«Смысл жизни? Всего-то внутреннее ощущение на известный срок примиряющие с нею. Откровение в последний час? Скорее досада, чем приз. Ответ на задачу, которая уже решена... Исправить нельзя, поделиться невозможно».

Ощущение беспредельности собственного бытия продержалось у меня до Саваслейки. Но даже утратив его, будущее представлял океаном – необозримым и манящим. Не верилось, что когда-нибудь его можно пересечь.

Обыденное словцо «н а с т о я щ е е». Им Марк Аврелий называл момент, когда будущее становится прошлым. У каждого «н а с т о я щ е е» своё – индивидуальная машина времени. День за днём, день за днём, и океан для меня сегодня – стакан воды, чтобы запить лекарство.

Прошлое так же не избежало метаморфоз. Пригнувшийся к рулю Валюша на полпути в Мячково и Лев Толстой, заблудившийся в саду и потерявший шапку в ночь ухода из Ясной Поляны, безутешный Самсон Вырин на улицах столицы и Артур Бертон по прозвищу Овод, командующий собственным расстрелом – все рядом, как и генерал Раевский с малолетними сыновьями во главе полка, атакующего корпус маршала Даву, прикрывая отход армии Багратиона из-под Могилёва; как и крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец», преданные великими державами и выходящие из бухты Чемульпо под дула японской эскадры. Реальные события и вымышленные, живые люди и персонажи книг.

Ощущая неразрывную связь с каждым из них и с множеством других – живущих или живших когда-то, а также с бесчисленным количеством звёзд над головой, и самой дальней за тысячи световых лет и той, до которой месяц пути, подумал: «Жизнь – чудо! И какая разница, кто её сотворил: случайное стечение обстоятельств или чья-то воля. Мне претят оба варианта. Узнать истинный не тороплюсь. Всё равно не сумею передать. Да и зачем? Незнание того, что за точкой **В** – важнейшее условие нашего существования, источник веры и прогресса. И пока счастливые родители угадывают в лицах новорождённых собственные черты человечеству нечего...»

– Геннадий! – послышался голос.

Я приподнялся и оглянулся. Володя стоял у сарая.

– Что?

– Тебе плохо?

– С чего ты взял?

– Как с чего? Лежишь...

– Да нет, нормально.

– Я не спал, когда ты уходил. Ждал тебя, ждал... Если бы сейчас не отозвался, поднял бы мужиков. – Он подошёл и встал рядом. – На звёзды смотришь? Наша мать тоже здесь лежала, спрашивала у неба: зачем её родили.

– Она задавала вопрос днём. Это ошибка. Цвет неба – иллюзия, преломлённый частицами воздуха солнечный свет. Одна иллюзия породила другую. За голубой твердью ничего нет, кроме этой красоты.

– Так думаешь? Ну ладно, пошли спать, утром в дорогу.

Я нехотя поднялся и пошёл за братом.

«Надо поблагодарить. Он обо мне думал, беспокоился».

- Слышь, Володь...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Первый вариант этой книги назывался «Протоиреев сын». Ознакомившись с ним Кузьма Кульков, а за ним Наталия Николаевна Шумских задали один и тот же вопрос: «Зачем вы это написали?»

Если бы я знал! Это не автобиография. Александр Сергеевич Тургаев – ректор Института культуры и Елена Олеговна Пудовкина – поэтесса и журналист, прочитав рукопись, настоятельно советовали разбавить её фактами из жизни. «Мы её не знаем, – горячились они. – Что для вас ясно – для нас тёмный лес! Рассуждений вдоволь, добавьте конкретики». Марина Анатольевна Гулина – профессор психологии МГУ и Лондонского университета Сити выразилась лаконичнее: «Мне не хватило».

Это не исповедь. В ней нет покаяний. Не мемуары. Исторические события: Перестройка, самороспуск КПСС, развал Союза и становление новой России остались за полями. Не «нравоучительный роман». Его грозился написать и с посохом пройтись по Невскому. Сомнительно, что рассказанная история может послужить пособием для тех, кто придёт за нами. Они самостоятельно пройдут анфиладу, и пейзаж за окном у них будет совсем другой.

Что же остаётся?

Работу над «Протоиреевым сыном» начал по наитию, повинуюсь властному инстинкту и чувствуя, что, не выполнив её, не смогу двинуться дальше, а мне хотелось. Трудился с энтузиазмом и результатом был доволен. И лишь недомолвки Кузьмы, эмоции Александра Сергеевича и возмущение Наталии Николаевны заставили задуматься: «Действительно, зачем?»

В своё время меня удивило отношение Владимира Яшке к своим картинам. Он тяжело расставался с ними, но продавал, терял к работам всякий интерес. Похожее произошло и со мной. Издав «Записки барыги» и «Коломенского комиссионера», я напрочь охладел к темам. Мне стоило труда заставить себя закончить рассказ «Terra incognita» о Владимире Шинкареве, а необходимость довести до развязки главу «Бартер» в «Коломенском комиссионере» до сих пор вызывает протест.

Осознав особенность «психики художника», почувствовал, как «властный инстинкт» во мне стал обретать очертания.

Кризис среднего возраста, попытка изменить судьбу и то, что из этого вышло, – канва повести, а подоплёка – интуитивное желание отделаться от тяжести, накопленной со злополучной ночи в Саваслейке. Синдром брадобрея! А не рефлекс лягушки-путешественницы, в котором, как мне казалось, меня заподозрили. Мифическому брадобрею, чтобы избавиться от знания, тяготившего его, было достаточно ямки и пяти слов³², мне – год труда и сорок страниц текста.

Ответив таким образом себе на вопрос «зачем?», переработал рукопись. От первого варианта, сменив название, она отличается композицией и стилистической правкой неясных мест, добавлены пять глав и Послесловие. Теперь она более походит на самодовольный крик героини Всеволода Гаршина, но переделывать – ни желания, ни сил.

Понятно, прежнего ощущения счастья, изложенное на бумаге мне не вернёт, но, исчерпав для себя тему конечности бытия, возможно обрету покой.

Традиция церковного поминовения мне близка. В детстве мама иногда будила меня раньше обычного и, завернув 20-ти копеечную монету в бумажку, исписанную именами, просила перед школой сбежать на Старообрядческую улицу. В такие дни от остановок общественного транспорта на шоссе Энтузиастов к створу улицы стекались пожилые женщины и старушки, спешили в сторону Рогожского кладбища. «Отдашь той, что идёт в церковь, – наставляла мама, – скажешь: на общую свечу и за упокой».

Поручение меня тяготило, боялся, что не возьмут и, чего доброго, обругают. Но ни одна не отказала, всякий раз останавливались, выслушивали и принимали лепту с поклоном. С годами обязанность отпала, мама в церковь не ходила, и поминала сродственников как она выражалась, «про себя». Когда ей перевалило за восемьдесят, предложил составить список людей, которые продолжали жить в её сердце. «Это ещё зачем?» – заволновалась она. – «Тебя не станет, а я продолжу подавать записки». Идея ей понравилась. На следующее утро вручила мне листок. Тут же снял с него копию, добавив к каждому имени пояснения: брат, сестра, племянница, указал даты жизни.

«Последняя глава» ненаписанной книги – подобие «Записок современника» В.Г. Короленко, как раз посвящалась теме поминовения.

Преимущество художественной литературы над автобиографической неоспоримо. Но одно обстоятельство делает быль, значительней

небыли. Люди подобные Дубровскому, Чичикову и Платону Каратаеву могли существовать, а Яшке, Пушкин и Володька Мартынов – с у щ е с т в о в а л и. С первого рассказа я насыщал тексты именами. Произнося их мысленно, – твердил себе, – читатель невольно помянет каждого: кого за здоровье, кого за упокой. Результат подобного ритуала неизвестен, как, собственно, и церковного. Но для меня он выше обезличенной скороговорки дьячка и даже священника.

2019, 2022 гг.

-
1. Имена и фамилии подлинные. События реальные.←
 2. Топонимические и географические названия даны в редакции, какая существовала на момент действия.←
 3. Обрусевшее название коньков норвежской фирмы «L.H. Nagen & Co. Christiania»←
 4. Жилищно-эксплуатационная контора.←
 5. Сотрудник военизированной охраны←
 6. Настольный теннис более жёсткими ракетками←
 7. От исп. barbudos — бородачи. Кубинские революционеры, во главе с Фиделем Кастро свергшие режим Батисты на Кубе в 1959 г.←
 8. Азартные игры монетами.←
 9. 1-я категория означала расстрел, 2-я — 10 лет заключения.←
 10. Банчить, толкать – сленг, продавать что-либо запрещённое, в частности, наркотики.←
 11. В. А. Гиляровский, очерк «Ураган» и «Русское слово».←
 12. Незадолго до выхода на пенсию отец перешёл в «Мосгортранс».←
 13. Ефетов К.Б. – советский и германский физик, лауреат премий Ландау-Вейцмана (Израиль), Блеза Паскаля (Франция).←
 14. Старая площадь, 4, здесь находился ЦК КПСС.←
 15. Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле.←
 16. «Из бронзы? А можно их сюда?» (фр.)←
 17. Статуя Екатерины II, доставшееся А.С. Пушкину в приданное от Н.Н Гончаровой, и которую он пытался продать.←

18. Набережная канала Грибоедова, 174. Дом с мемориальной доской, где Пушкин никогда не жил.←
19. Здесь и далее из книги Владимира Шинкарёва «Митьки».←
20. «Житиё протопопа́ Аввакума, им самим написанное» - первая в русской литературе автобиография.←
21. Ольга Суворова - художник, автор костюмированных портретов.←
22. «Кентавр» - название рассказа о Иване Сотникове в книге «Записки барыги».←
23. «Ноль объект» - дыра в стене ленинградского ДК им. Кирова, которую Тимур Новиков и Иван Сотников объявили своим произведением искусства, наклеив соответствующую этикетку.←
24. Кличка собаки В.Е. Яшке.←
25. «Монгольский сын» - название главы, посвящённой Юрию Шину в книге «Записки барыги».←
26. Персонаж советского мультфильма, ударом копыт, высекающая из земли золото.←
27. Станкостроительный завод им. Серго Орджоникидзе закрыли в 2007 году, автомобильный завод им. И.А. Лихачева и вагоноремонтный завод им. В.Е. Войтовича в 2013. Пионерские лагеря в Мячково и вблизи Загорска прекратили деятельность раньше.←
28. В 2012 году в интернете опубликовали фотографию патриарха с дорогостоящими часами на руке. После публичной критики часы «замазали». Но в отражении на столе изображение часов сохранилось.←
29. Аптечный препарат, настойка боярышника на спирте.←
30. Фильм «Порт», 2019 год.←
31. Постоянный покупатель.←
32. У царя Мидаса ослиные уши.←

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>